

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное агентство по образованию
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

ПУТЬ В НАУКУ

Выпуск 11

*Сборник научных работ
аспирантов и студентов
исторического факультета*

*Сборник посвящен памяти
доктора исторических наук,
профессора А.М. Селиванова*

Ярославль 2007

*Рекомендовано
Редакционно-издательским советом университета
в качестве научного издания. План 2007 года*

Редакционная коллегия:

*д-р ист. наук В.М. Марасанова (отв. редактор)
канд. ист. наук Е.В. Спиридонова (отв. редактор)
д-р ист. наук В.П. Федюк
д-р ист. наук Ю.Ю. Иерусалимский
д-р ист. наук М.Е. Ерин
канд. ист. наук А.Ю. Данилов
канд. ист. наук Н.В. Тихомиров*

П 90 **Путь в науку:** сб. науч. работ аспирантов и студентов ист. фак-
та / под ред. д-ра ист. наук В.М. Марасановой, канд. ист. наук Е.В.
Спиридоновой; Яросл. гос. ун-т. – Ярославль : ЯрГУ, 2007. –
Вып. 11. – 216 с.

Сборник содержит результаты научных исследований аспирантов и студентов исторического факультета по различным проблемам отечественной и всеобщей истории, истории Ярославского края, истории культуры и музеологии. Статьи подготовлены на основе широкого использования литературы, опубликованных и архивных документальных источников, археологических находок, мемуаров и периодической печати.

Сборник может быть полезен всем, кто интересуется историей, культурой, краеведением и музеологией, в том числе и исследователям, изучающим затронутые в статьях проблемы.

© Ярославский
государственный
университет, 2007

Памяти А.М. Селиванова посвящается...

10 июля 2006 года ушел из жизни Александр Михайлович Селиванов – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой музеологии и краеведения – коллега и наставник, уважаемый и любимый преподавателями и студентами исторического факультета. О нём – слова признательности его учеников...

Смирнова Татьяна, студентка 4 курса отделения «Музеология»:

Впервые с Александром Михайловичем я встретилась на вступительном экзамене. Профессор внимательно слушал ответы абитуриентов. Александр Михайлович видел наше волнение и старался поддержать; расспрашивал о школе, в которой учились, о городе, из которого приехали. Доброжелательный тон, интересные вопросы, внимание, с которым Александр Михайлович слушал на экзамене, помогли поверить в свои силы, сосредоточиться и ответить на «отлично». Как много для меня, абитуриентки, значили его слова, что он рад будет видеть меня среди студентов исторического факультета!

Когда встал вопрос о выборе курсовой работы и научного руководителя, я, не задумываясь, обратилась к Александру Михайловичу, потому что понимала, что этот человек меня может многому научить. Моя научная работа связана с научным и творческим наследием известного физиолога А.А. Ухтомского. Изучая жизненный путь известного академика, размышляя над особенностями научного и нравственного становления его как личности, мы с Александром Михайловичем невольно касались аспектов нашего времени. Эти размышления помогали мне в личностном становлении. Консультации, точнее сказать беседы, с Александром Михайловичем были для меня, как исследователя и человека, очень важны. Он никогда не критиковал мои работы, считал, что нельзя

заставлять студента мыслить и писать по четкому алгоритму, но в то же время учил доказывать и логически выстраивать все рассуждения. Я находила материалы, высказывала свое мнение, а Александр Михайлович всегда вдумчиво выслушивал, давал совет. Все происходило в благоприятной, дружеской атмосфере, после разговора оставалось ощущение значимости работы, которой я занимаюсь, появлялось желание продолжать ее и совершенствовать. Никогда в беседах с Александром Михайловичем я не ощущала барьера, разделяющего студента и профессора, напротив, чувствовалось большое уважение и огромная поддержка со стороны моего научного руководителя. С первого курса, при его содействии, я участвовала в конференциях, он был инициатором публикаций моих работ, рекомендовал меня для участия в различных конкурсах. Александр Михайлович показал мне путь в науку, многому научил, и в моей памяти навсегда останется как мудрый, понимающий старший друг и наставник.

А.М. Селиванов был прекрасным лектором. Лекции, насыщенные разнообразными интересными фактами, всегда были строго научны, но в то же время не оторваны от жизни. Александр Михайлович навсегда останется для меня любимым учителем, мудрые уроки которого еще не раз помогут мне в поисках жизненного пути, они – основа моего профессионального становления.

Наталья Вячеславовна Страхова, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры музеологии и краеведения:

Александр Михайлович Селиванов был для меня не просто научным руководителем, под руководством которого сначала было написано дипломное сочинение, а затем и защищена кандидатская диссертация. Мое становление как ученого-исследователя прошло под его влиянием. Благодаря работе с Александром Михайловичем (пять лет под его началом писались курсовые и дипломная работа, а затем два года – диссертационное исследование) приобретались необходимые для исследователя навыки поиска и систематизации источников, комплекса литературы. Мною до сих пор используется предложенная Александром Михайловичем классификация нормативных актов. Мои первые публикации в сборнике «Путь в науку» появились при непосредственном участии моего руководителя.

Хотелось бы отметить колоссальную научную эрудицию Александра Михайловича: проблема, в русле которой велись мои изыскания, не входила в сферу научного интереса самого А.М. Селиванова, однако его помощь позволяла мне успешно разрабатывать выбранную тему. Кроме того, при непосредственном участии Александра Михайловича проходило мое становление как преподавателя; его советы, методическая помощь оказались неоценимы при разработке лекционных курсов, практических занятий. Александр Михайлович стал для меня примером не только ученого, но и педагога. «Путь в науку» дал мне именно Александр Михайлович Селиванов.

Николай Владимирович Тихомиров, кандидат исторических наук, доцент.

Александра Михайловича я могу, наверное, сравнить со своим родным отцом. Я был аспирантом Александра Михайловича. Он был не только замечательным научным руководителем, но и чутким, терпеливым, очень внимательным наставником, старшим коллегой, на которого всегда хотелось ориентироваться. Университет, кафедра музеологии и краеведения были для него вторым домом. В организацию кафедры и ее успешную деятельность Александр Михайлович вложил не только много своих сил, но и всю свою душу. Кроме преподавательской деятельности, Александр Михайлович очень много сделал для успешного развития студенческой науки на нашем факультете, являлся неизменным редактором сборника «Путь в науку». Можно сказать, что мой профессиональный интерес к науке во многом начался именно с этого сборника. Александр Михайлович был просто прекрасным человеком! О нем всегда будет светлая память...

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Антиковедение и медиевистика

Е.В. Торпанова

Культ богини Девы в Херсонесе по эпиграфическим данным

Крупным центром Северного Причерноморья был Херсонес, основанный в конце V в. до н.э. и располагавшийся на западном побережье Крымского полуострова. Особое место среди религиозных верований херсонеситов заняла богиня Партенос (Дева), которую, основываясь как на сведениях античных авторов, так и на данных эпиграфики, нумизматики и коропластики традиционно отождествляют с олимпийской Артемидой. Следует отметить, что однозначного мнения о происхождении культа и его характере среди исследователей нет, но никто не оспаривает тезис о главенствующей роли этой богини, выступавшей в роли покровительницы и защитницы города.

Государственный характер культа подтверждается сведениями о наличии здесь ее храма. Они имеются как в трудах античных авторов, так и в эпиграфике. Упоминание жрецов, должностных лиц храма Девы более чем в 10 надписях является косвенным доказательством его существования. Должности жрецов и других служителей ее культа исполняли только мужчины, что в полной мере соответствовало воинственному характеру Девы. Святилище Партенос играло в Херсонесе ключевые позиции. Жрецы храма в честь Девы устраивали праздник Парфений, на котором проводились гимнастические игры, присуждения наград победителям соревнований и заслуженным государственным деятелям. Во время этого праздника херсонеситы приносили в храм сосуды с дарами богине, на которых были нацарапаны монограммы Девы или ее полное имя¹.

В тексте Херсонесской присяги (конец IV – начало III в. до н.э.) Дева упоминается сразу после традиционной клятвенной формулы в числе других богов и героев, покровительствующих Херсонесу: *«Клянусь Зевсом, Геей, Гелиосом, Девой, богами и богинями Олимпийскими и героями, кои владеют городом, областью и укреплениями херсонеситов...»*².

Историк Сирик в III в. до н.э. литературно обработал «явления Девы», которые записывались ее жрецами. Скорее всего, Сирик трудился при храме богини, где должен был храниться исторический архив. Сам труд не дошел до нас, но о нем сохранился Декрет на плите из белого мрамора второй половины III в. до н.э.: *«Гераклid, сын Парменонта, предложил: поскольку Сирик, сын Гераклида, явления Девы трудолюбиво описав, прочитал ... то дабы он получил достойные почести, да постановит совет и народ похвалить его за то, и симмонам увенчать его золотым венком в Дионисии, в 21 день и быть провозглашению: «Народ венчает Сирика, сына Гераклида, за то, что он описал явления Девы.... Написать симмонам на каменной плите народное постановление и выставить в притворе храма Девы...»*³. Этот документ еще раз подтверждает не только наличие храма, но и важность культа Девы для жителей Херсонеса.

Среди других эпиграфических памятников важными являются посвятельные надписи. Одна из них сделана на плите из белого мрамора III в. до н.э.: *«Гераклid..., сын Парменонта ... Полистрат, сын Кие..., ..., предложили, чтобы хорошо было устроено у граждан служение [богине Деве] и явился воздаянием ей ... за оказанную [помощь], народ херсонесский... спаслись через нее [от величайших опасностей]...»*⁴. Здесь подтверждается тезис, что Дева была покровительницей и защитницей Херсонеса в моменты наибольших опасностей. Среди посвящений есть еще одно, сделанное на фрагменте мраморной плиты середины II в. н.э., на которой осталось пять строк надписи: *«...Парфенокл... Сотим... Деве...»*. «Парфенокл» – теофорное имя от богини Девы⁵. Наличие теофорных имен является важным подтверждением значимости культа в данном регионе⁶.

В Херсонесе не найдено следов широкого распространения культа собственно Артемиды, она не фигурирует в официальных документах города, не найдено ни одной посвятельной лапидарной надписи в ее честь. Тем не менее ее имя достаточно часто встречается в виде граффити на керамических сосудах. Так, находками IV в. до н.э. являются: сосуд с граффити АРТ или АР, обломок тарелки с надписью АРТ и АРЕТА, а также кусочек чашки с монограммой АР, чашка с надписью

АР и ΔΙΟ – посвящение Артемиде и Дионису, и солонка, на которой прочерчено АР и МАТ – посвящение Артемиде и матери богов⁷. К более позднему граффити римского периода относится надпись на дне краснолаковой чашки ΗΡΘΔΟ ΑΡΤΕ – «Геродот Артемиде»⁸.

Э.И. Соломоник обнаружила группу граффити на ранней чернолаковой посуде, представляющих аббревиацию имен Артемиды, Аполлона и Латоны⁹. Отсюда вытекают важные выводы о совместном культе названных богов в Херсонесе и о правомерности расшифровки многочисленных отдельных граффити АР, ΑΠ и ΑΑ как посвящений этим богам. В конце II в. до н.э. подобные культовые предметы находят в основном в домах, что свидетельствует о домашнем характере почитания этих богов, в том числе «божественной триады», культ которых проник сюда в III – II вв. до н.э. Следует отметить граффити на чашечке IV – III вв. до н.э., на котором прочерчено ΑΤ, которое, скорее всего, является посвящением Артемиде Таврополе. Это граффито дополняется находкой чернолаковой тарелки III – II вв. до н.э. с надписью ΦΙ – Ифигении¹⁰. Э.И. Соломоник отмечает, что таким образом подтверждено наличие культа Артемиды Таврополы, жрицей которой была Ифигения.

Примечательно, что количество посвященных граффити ΠΑΡ очень невелико. Такое граффито, в частности, было найдено на чаше IV в. до н.э.: ΠΑΡ и ΕΥ – «Деве посвятил Ев..», а также на тарелке IV в. до н.э. с монограммой ΠΑΡ – посвящение Деве¹¹. Иногда граффито ΠΑΡ встречается на монетах. Исследователи предполагают, что имя Девы может скрываться в аббревиациях ΠΑ и Π, но точно это не известно.

Таким образом, можно предположить, что наряду с культом Девы, вероятно сложившимся в IV в. до н.э., в Херсонесе еще с конца V в. до н.э. существовал культ Артемиды, которая почиталась как часть «божественной триады», так и самостоятельно под эпитетом Тавропола. Можно предположить, что культ Девы имел не греческие корни, а просто совпадал по ряду характеристик с культом греческого божества, одновременно с ним сосуществуя.

Примечания

¹ См.: Белов Г.Д. Херсонес – Корсунь. Л., 1969. С. 20.

² Антонова Е. Краткий исторический очерк // Херсонес Таврический. Симферополь, 1958. С. 14–16.

³ Соломоник Э.И. Греческие надписи Херсонеса // ВДИ. 1996. № 4. С. 43–53.

⁴ Соломоник. Э.И. Каменная летопись Херсонеса. С. 35.

⁵ См.: Соломоник Э.И. Греческие надписи ... С. 43–53.

⁶ См.: Белов Г.Д. Херсонес Таврический: Историко-археологический очерк. С. 74–75.

⁷ Граффити античного Херсонеса / Отв. ред. Э.И. Соломоник. Киев, 1978. № 309, 311, 320, 347, 348.

⁸ См.: Толстой И.И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.; Л., 1953. № 86.

⁹ Граффити античного Херсонеса. № 86, 87, 98, 288, 88, 102, 105, 106, 291.

¹⁰ Там же. № 1735.

¹¹ Там же. № 1372, 103.

О.А. Власова

Fides и dignitas: моральные составляющие деятельности римских магистратов

Главными нравственными ценностями и одними из основных понятий римской доблести (*virtus romana*) являлись достоинство (*dignitas*) и верность (*fides*). Соблюдение их – необходимое условие для сохранения образа «идеального римлянина», стремиться к которому должен был каждый гражданин, тем более магистрат, обладавший правом и обязанностью решать судьбы других людей.

В. Пёшль отмечал, что «в основе римской государственности и внешней политики лежало твердое соблюдение принципов, выработанных еще древней сельской общиной и сохранившихся в течение веков. Неограниченная власть нобилитета в Римской республике могла бы привести к тирании и хаосу, если бы она не сдерживалась такими нравственными нормами, как *fides*, *dignitas*, *honor*, *auctoritas* и др.»¹.

Действительно, сфера деятельности магистратов в Риме – особенно обладавших империем – была весьма обширной. Объем полномочий, которыми обладали магистраты, предполагал весьма значительную компетенцию, но сами должностные лица, как было отмечено М. Бердом и М. Крофордом, не являлись «специалистами»². Если бы не некоторые особенности римского государственного устройства – ежегодная смена должностных лиц и присутствие в менталитете римлян вышеназванных этических категорий – подобная практика весьма вероятно могла привести к чрезмерному злоупотреблению властью. Именно об этом говорит Цицерон в своем письме претору Гаю Курцию Педуцеллану: «Ты будешь придерживаться, как того требуют твоя верность и достоинство, твоего эдикта и установленных правил» (Fam. XIII. 59).

Термин *fides* означает собственную честность и доверие к чужой честности, верность данному слову, нравственную обязанность всех

людей выполнять свои обязательства, в чем бы они ни выражалось³. По словам Цицерона, *«fides так называется потому, что сказанное делается»* (De off. I.23). В другом отрывке Цицерон дает следующее определение верности: это есть *«твердое и правдивое соблюдение слова и договора»* (De off. 1,73). Римляне клялись в правдивости своих слов именем бога верности. Так, в своих речах Цицерон не раз говорит: *«...я клянусь богом верности, судьи...»* (Pro Rosc. XXXIV.95; Pro Sull. XXX.83). Присутствие в римском пантеоне особого божества Верности свидетельствует о высокой значимости данного морального качества в римском менталитете. Культ Dius Fidius отделился от культа Юпитера, был отождествлен с умбро-сабинским культом Семона Санка, покровителя верности⁴.

С каким трепетом римляне относились к fides, можно судить по следующему фрагменту: *«человек, не оправдывающий доверия, посягает на всеобщий оплот и, насколько это в его власти, подрывает основы общественной жизни»* (Cic. Pro Rosc. 111). В данном случае речь идет об отношениях личного характера, но тем не менее нарушение верности даже в межличностных отношениях трактуется как угроза стабильности всей римской civitas, своего рода покушение на статус божества, за которым могло последовать наказание не только того человека, который не сдержал слова, но и всей общины. Здесь необходимо учитывать специфику римской религии, когда между божеством и римским народом заключался своего рода договор: человек выполняет определенные действия или удерживается от таковых, а божество, в свою очередь, оказывает покровительство и поддержку. Конечно, подобная сакрализация верности только способствовала обычному человеческому желанию доверять тем, с кем живешь рядом, что особенно характерно для гражданского сообщества полисного типа с его тесными межличностными связями.

В.Н. Токмаков, рассматривая некоторые аспекты права и воинской дисциплины в Риме, затрагивает вопрос о появлении в 216 г. до н.э. узаконенной присяги в войске перед трибунами. Данная присяга рождается из договора (foedus), которым воины сами себя связывали: в уже собравшемся *«войске они – всадники по декуриям, пехотинцы по центуриям – добровольно клялись друг перед другом в том, что страх не заставит их ни уйти, ни бежать, что они не покинут строй, разве только для того, чтобы взять оружие, чтобы поразить врага или спасти гражданина»*⁵. Сам термин «foedus» переводится как «союз», «договор» и, возможно, имеет единые этимологические корни с «fides». Кроме схожего звучания, у данных слов существует несомненное смы-

словое единство: заключение любого договора всегда основывается, в первую очередь, на доверии человека человеку в надежде на верность данного другим слова.

Значение *fides* возрастало, когда затрагивались дела государственной важности, как, например, выборы и последующая деятельность магистратов. При вступлении в должность магистрат должен был принести присягу в верности законам: «...вступить же в должность нельзя никому, кто в течение пяти дней после избрания не принес такую присягу» (Liv. XXXI. 50.7). По мнению Л.Л. Кофанова, «верность обещаниям и клятве, прямое соответствие между словом и делом считалось римлянами главным, «священнейшим правом» как в государственном, так и в частном праве»⁶. *Fides* носила черты сакральной клятвы, являясь своего рода договором между магистратом и римским народом и была обязательна для выполнения⁷. Автором было отмечено, что уже Законы XII таблиц налагают за клятвopреступление наказание гораздо более суровое, чем за какое бы то ни было другое преступление⁸.

Человек, избранный магистратом, считал для себя необходимым выполнить обещания предвыборной кампании. В ином случае ему угрожало судебное разбирательство. Его могли обвинить в нарушении своей *fides* и плебейские трибуны от имени народа, и сенат от имени богов по инициативе высших магистратов или жрецов. «Клятвopреступление магистрата, как и всякого государственного преступника, как правило, каралось смертной казнью по решению общенародного суда либо, при наличии смягчающих обстоятельств, прощением народа, сопровождавшимся особым актом очищения от религиозной скверны клятвopреступления»⁹.

Fides, как верность и доверие, позволило римскому праву выработать особую форму заключения договора – *mandatum*. Мандатум – договор, по которому одна сторона (поверенный или мандатарий) принимала на себя обязанность выполнить безвозмездно в пользу другой стороны (доверителя или манданта) определенные действия или ряд действий. Таким образом, понятие *fides* – полифоничное понятие. Это и обычная человеческая верность своему слову, ограниченная, в сущности, лишь собственными принципами и установками, правда, сакрализованная присутствием в римском пантеоне бога Верности, и в то же время *fides* – обрядовая клятва магистрата.

Второй из категорий, названных Цицероном в ряду тех, что ограничивают власть магистрата, была *dignitas*. *Dignitas* – достоинство, почет, которым были окружены римские магистраты¹⁰. Это состояние достоинства, опирающееся на закон и обычай, источником которого

был империй. Исполнение магистратур в Риме не оплачивалось и считалось почестью. Римская *civitas* давала новоизбранному магистрату определенные права и обязанности и вместе с тем делегировала ему часть величия римского народа, которое выражалось в *dignitas* магистратуры. Полученная магистратура придавала человеку достоинство: *«Здесь было выставлено обвинение против всех консуляров в целом, так что звание, связанное с наивысшим почетом, теперь, видимо, скорее навлекает ненависть, нежели придает достоинство»* (Cic. Pro Sull. XXXIX.81).

Насколько высоко стояло достоинство магистратуры, можно судить по одному случаю, известному в изложении Ульпиана (D. 1.14.3). Он сообщает, что беглый раб Барбарий Филипп был назначен претором. Ульпиан рассматривает эту ситуацию: *«...если раб до тех пор, пока его рабское состояние было скрыто, был облечен достоинством претора, то что мы скажем? Его эдикты, его распоряжения не имеют силы? Или имеют силу для пользы тех, чьи дела он рассматривал в порядке законного процесса или в ином порядке? И я считаю правильным, что ничего из этого не должно быть отвергнуто. Римский народ мог предоставить рабу эту власть, и если бы он знал, что этот человек – раб, то он сделал бы его свободным»*. По данным Диона Кассия, это произошло около 38 г. до н.э. *«После раскрытия обмана он был сброшен с Тарпейской скалы. Но до смертной казни ему дали свободу, чтобы его наказание получило достойный вид»*¹¹. Здесь мы видим, что даже в том случае, когда должность курульного магистрата была занята рабом, это никоим образом не сказалось на достоинстве магистратуры. Более того, исполнение претуры «облагородило» человека: его сделали свободным, а наказание ему определили такое, как у гражданина (рабов обычно распинали на кресте).

Однако у Цицерона сохранилось описание ситуация, когда после обвинения должностного лица, к результатам его работы было проявлено недоверие. Так, после своего должностного года бывший претор Габиний был обвинен ахейцами в вымогательстве (претор 89 г. до н.э.). После этого к спискам, которые он составлял, *«вследствие его ненадежности, пока он еще ни в чем не провинился, и ввиду несчастья, которое постигло его после осуждения, какое бы то ни было доверие было утрачено»* (Pro Arh. V). В данном случае достоинство магистратуры было поколеблено из-за действий самого магистрата, совершившего определенные действия, которые привели к падению его же авторитета. В ситуации с претором-рабом обвинение последовало в связи с состоянием самого человека, не затрагивая справедливость вынесенных им

решений. В случае же с Габинием незаконными были признаны его действия во время исполнения должностных обязанностей, что поставило под вопрос все, что было сделано им за должностной год.

Достоинство могло принадлежать и должности, и целому сословию (например, сенаторам). Так, у Цицерона: «...все сословие сенаторов проявило такую доблесть, такую любовь к государству, такое достоинство, каких не припомнит никто» (Pro Sull. XXXIX.82). Само римское государство также обладает достоинством, и первой обязанностью должностных лиц и любого гражданина была обязанность защищать его. И в то же время, *dignitas* – личное достоинство каждого человека. Сохранять достоинство значило вести себя так, как это должно римскому гражданину. В этот своеобразный кодекс, как сообщает Цицерон, входило: «справедливость, верность слову, щедрость, умеренность и воздержанность» (De off. I.121). Достоинство гражданина могло понести ущерб от возведенных на него обвинений. Так, Цицерон в речи в защиту Публия Корнелия Суллы говорит, что «...но если нас оскорбляют, если нас обвиняют, если против нас возбуждают ненависть, то вы, судьи, конечно, согласитесь с тем, что свободу мы имеем право за собой сохранить, если уж нам нельзя сохранить свое достоинство» (XXXIX. 80). И достоинство магистратуры, и достоинство личное, человеческое, сливались и усиливали моральную ответственность магистрата за принятые решения.

Итак, в тех случаях, когда закон молчал, магистрат должен был принимать решение, и основными руководящими его поведением нормами были *fides* и *dignitas*. В целом, право в Риме было теснейшим образом связано с этикой и моралью. Связь эта носила, возможно, сакральный характер. При этом следует учитывать, что в данном случае имеется в виду все право, весь комплекс, известный под термином *ius*: и право судопроизводства, и право ведения военных действий и др. При осуществлении своих обязанностей, стремясь к соблюдению *bonum* и *aequitas*, должностное лицо руководствовалось общепризнанными моральными ценностями – *fides* и *dignitas*. При этом в понятиях «верности» и «достоинства» сочетались и общегосударственные нормы, в том числе и находящиеся под защитой законов (как, например, *fides*), и личностные качества человека, регламентируемые общественным одобрением или порицанием.

Примечания

¹ См.: Вулих Н.В. Феномен Рима в интерпретации В. Пёшля // ВДИ. 1996. № 4. С. 252.

² См.: Beard. M., Crawford M. Rome in the late Republic. Problems and Interpretations. L., 1985. P. 56.

³ См.: Бартошек М. Римское право: понятия, термины, определения. М., 1989. С. 131–132.

⁴ См.: Санчурский Н.В. Римские древности. Смоленск, 2000. С.166.

⁵ Токмаков В.Н. Право и воинская дисциплина в республиканском Риме // *Ius Antiquum*. 2000. 1(6). С. 142.

⁶ Кофанов Л.Л. Юридик-религиозный характер римской *fides* в V – III вв. до н.э.: к интерпретации Полибия (VI. 56. 6–15) // *Ius Antiquum*, 2(10). 2002. С. 67.

⁷ См.: Там же. С. 65–71.

⁸ См.: Там же. С. 67, 69.

⁹ Там же. С. 71.

¹⁰ См.: Бартошек М. Указ. соч. С. 110.

¹¹ Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М., 1997. С. 179–180.

В.А. Едемская

Функции председателя электоральных комиций ранней Римской республики

Председательствующий в римских электоральных комициях магистрат был тем человеком, который отвечал за их организацию и проведение. Этот аспект деятельности римских должностных лиц плохо освещен в литературе. Историк XIX в. Д. Азаревич был склонен к абсолютизации роли руководителя выборов, считая формальностью одобрение народным собранием назначенных им кандидатов¹. Современные авторы не склонны к столь категоричным оценкам, однако и они признают, что в распоряжении этого магистрата был достаточный набор средств для воздействия на исход голосования в комициях². Ответ на вопрос о действенности этих средств поможет определить причины сосредоточения в руках патрициев высшей власти даже после установления паритета сословного представительства в консулате. Обратимся к рассмотрению основных функций председателя избирательных собраний и попытаемся определить, какие из них давали ему возможность контроля над ними и кто мог его в этом ограничить.

Прежде всего, человек, руководивший электоральными комициями, должен был назначить день для созыва народного собрания и оповестить о нем граждан (Liv. XXII.33.9; XXVI.18.4; Dionys. X.17.2; XI.17.1). Как правило, это делалось за три недели до назначенного срока (Liv. III.35.1; Dionys. XI.28.3). Если же консул ехал на выборы с вой-

ны, он посылал впереди себя гонца с письменным уведомлением (Liv. XXXV.24.2–3). В период 445 – 367 гг. был актуален вопрос: кого избирать на следующий год – консулов или консулярных трибунов? Источники показывают, что обычно это определял своим постановлением сенат (Liv. IV.12.4; 25.14; 36.3–4; V.29.2). Однако магистрат имел право сам решить данный вопрос, причем вопреки воле *patres* – например, если он был с ними в ссоре (Liv. IV.57.10).

Именно председатель выборов назначал людей, которые собирали и подсчитывали голоса (Cic. In Pisonem. 36). В случае необходимости они могли проставить или сосчитать их так, как ему это было удобно, тем более что имена кандидатов на табличках писались сокращенно. Правда, для предотвращения таких случаев сами кандидаты назначали наблюдателей, каждый своих (Cic. Post reditum in senatu. 7.17), но все же собирателей и счетчиков было гораздо больше, и проследить за каждым, учитывая число голосующих, было практически невозможно. На наш взгляд, это был наиболее трудно контролируемый рычаг воздействия магистрата на исход выборов в комициях.

Одним из самых главных способов управления решениями электоральных комиций было право председательствующего магистрата составлять список кандидатов, за которых предстояло голосовать. Он мог включить в список человека, который не стремился занять должность. Это не противоречило правовым нормам (Liv. V.18.1; X.5.14; 13.10–13) и могло иметь место в том случае, когда избрание данного человека было необходимо сенату или в целях дискредитации определенной группы претендентов. Во-вторых, можно было прибегнуть к исключению из списка соискателя или к отказу поставить его имя на голосование (Liv. VII.22.8; XXXIX.39.12).

Кто мог вмешаться в действия магистрата по составлению списка кандидатов или хотя бы оспорить их? Это, например, имели право сделать комиции, выдвинув кандидата от трибы или центурии прямо на выборах (Liv. IX.46.2; X.9.10). Но даже тогда ответственное должностное лицо имело право не засчитывать поданные за этих людей голоса (Liv. VII.22.8; VIII.15.9). Правда, в указанных примерах ему как раз не удалось это сделать, но само упоминание Ливия о такой возможности подразумевает, что она реализовывалась и на практике.

Мы имеем крайне мало свидетельств о бойкоте выборов народом. Теоретически можно предположить, что в случае массового отказа от голосования избрание могло не состояться³. Однако в источниках не встречается упоминаний о подобных фактах. По данным Ливия, избиратели в массовом порядке покидали выборы дважды (Liv. II.64.2;

VII.18.9–10), но это ни в том, ни в другом случае не помешало руководящему комициями магистрату довести их до конца. Несколько более действенным мог оказаться протест плебейских трибунов. Они имели полное право запретить *«проведение комиций иначе, чем по закону Лициния»* (Liv. VII.21.1), выборы затягивались (Liv. VII.17.3; 21.2), затем дело решалось в пользу того из противников, кто проявлял большее терпение и твердость.

Крайне пагубным делом считалось в Риме провозглашение победителем на выборах лица, их проводившего (Liv. III.35.7–9; 64.7; Dionys. X.19.3). Исследователи называют всего шесть подобных случаев⁴. В 210 г. до н.э. плебейские трибуны пригрозили прервать выборы, если проводящий их диктатор будет засчитывать поданные за него самого голоса (Liv. XXVII.6.5). Вопрос был решен посредством обращения к сенату, который утвердил решение руководителя комиций, ссылаясь на военную обстановку (Liv. XXVII.6.9–11). Тем не менее можно предположить, что в другом случае вопрос мог быть решен и в пользу плебейских трибунов. Однако малочисленность подобных прецедентов свидетельствует, что деятельность председательствующего магистрата в значительной степени была ограничена данной традицией.

Председатель электоральных комиций также имел право вмешаться в ход голосования и остановить его. Подобные случаи, однако, имели место уже после реформы избирательной системы III в. до н.э. (Liv. XXIV.7–9; XXVI.22). Наконец, последней обязанностью руководителя выборов было провозглашение победителей (Cic. Pro Mur. I), что означало официальное признание их избрания. Многие исследователи полагают, что результаты выборов необходимо было согласовывать с сенатом⁵, но это вопрос не принципиальный, поскольку свидетельств расхождения мнений *patres* и председательствующего магистрата в этом отношении мы не имеем.

Таким образом, мы видим, что в период ранней Республики председательствующий магистрат обладал широким набором прав, позволявших ему оказывать фактически решающее влияние на исход голосования в электоральных комициях. Поэтому мы вправе говорить о том, что председательство на выборах было главным, хотя, конечно, не единственным, механизмом воздействия патрициата на результаты голосования, что, собственно, и обеспечило сохранение в его руках высшей власти в течение нескольких веков.

Примечания

⁴ См.: Азаревич Д. Патриции и плебеи в Риме. СПб., 1875. Т. 1. С. 85–86.

² См. Дементьева В.В. Государственно-правовое устройство античного Рима: ранняя монархия и республика. Ярославль, 2004. С. 125.

³ См.: Дементьева В.В. Государственно-правовое устройство... С. 125.

⁴ См.: Она же. Римское республиканское междоусобие как политический институт. М., 1998. С. 100.

⁵ См.: Азаревич Д. Указ. соч. С. 87; Нетушил И.В. Обзор римской истории. Харьков, 1916. С. 47, 56; Токмаков В.Н. Римский сенат и центуриатная военная организация в период Ранней республики (V – III вв.) // ВДИ. 1994. № 2. С. 35; Он же. Роль центуриатных комиций в развитии военной организации Рима Ранней республики // ВДИ. 2002. № 2. С. 153.

А.Е. Телин

Коллегия *tresviri monetales* в Римской Республике

Коллегия *triumviri monetales* или *triumviri auro, argento, aere flando feriundo* (коллегия трех монетчиков) была основана в III в. до н.э. Для времени ранней Республики нам не известны какие-либо должностные лица, которые занимались бы чеканкой монет. О появлении магистратуры мы имеем лишь неопределенное сведение Помпония¹. В Дигестах Юстиниана отмечается, что коллегии *quattuorviri viis in urbe purgandis*, *tresviri aere argento auro flando feriundo* и *tresviri capitales* были созданы практически одновременно². Таким образом, соотнеся эти данные с датировкой появления магистратуры *tresviri capitales* по Ливию, мы можем датировать появление коллегии трех монетчиков ориентировочно после 292 г. до н.э.

Б. Нибур смещал датировку основания магистратуры до 269 г. до н.э., когда состоялся первый выпуск серебряных денариев. Однако М.Г. Абрамзон, опираясь на нумизматические данные, отмечает, что все-таки следует принять датировку по Ливию, т.е. триумвиры по литью и чеканке монеты появились на 20 лет раньше, они чеканили только медные деньги, делая это в храме Юноны Монеты. Именно там долгое время существовал единственный в столице и во всем государстве монетный двор³. С началом чеканки денариев производство ассов, возможно, переместилось в другое место – в Сатурнов Эрарий. По мнению Т. Моммзена, в период ранней Республики не существовали какие-либо магистраты, занимавшиеся чеканкой монет в городе и избиравшиеся регулярно. Ежегодно магистраты стали избираться только во время Союзнической войны. Кроме того, Моммзен отмечал, что, скорее всего, официальная титулатура данной коллегии стала результатом реоргани-

зации Августа⁴. По нашему мнению, такое утверждение Моммзена является ошибочным.

В источниках нет прямого указания на срок службы членов коллегии трех монетчиков. Но мы должны считать магистратуру *tresviri monetales* ежегодно избиравшейся, поскольку мы имеем косвенное указание Цицерона в диалоге «О законах» (*Leg. III. 6.*), которое состоит в том, что монетные триумвиры упоминаются среди годовых магистратур⁵. По-видимому, сама магистратура существовала до III в. н.э., т.е. до времени, когда ее существование прослеживается по источникам.

Право выпуска государственной монеты во время Республики принадлежало сенату, уполномоченными которого были триумвиры, заведовавшие чеканкой государственных монет, и в управлении которых находился монетный двор. Огромное количество монет, как из золота, так и серебра, подписывались триумвирами в такой манере: *III. VIR. AAAFF*, то есть *triumvir auro, argento, aere flando feriundo*⁶, или *III. VIR. A.P.F.* т.е. *triumvir ad pecuniam feriundam*. О сенатском контроле за чеканкой свидетельствует надпись *S(ENATUS)C(ONSULTO)* на монетном поле. Часть монет не имеют надписи от лица *triumviri monetales*⁷. В чрезвычайных обстоятельствах сенат поручал чеканку денег другим магистратам, должности которых становятся известными по аббревиатурам на монетах: курульным и плебейским эдилам и квесторам. Кроме того, право на чеканку монеты имели также полководцы во время боевых действий – преторы, пропреторы, консулы, диктаторы, императоры. Наибольшее распространение военные чеканки получили в середине 40-х гг. I в. до н.э., но сенат все еще держал в своих руках нити контроля над монетным производством⁸. Некоторое время сенатская и военная чеканка существовали параллельно, но последняя, особенно в период гражданских войн 49 – 31 гг. до н.э., стала использоваться чаще, чем сенатская и наконец вытеснила ее. Чеканка денег в Риме не была привилегией, принадлежавшей исключительно государству, каждый римский гражданин имел право иметь его собственное золото и серебро, отчеканенное в общественном монетном дворе, и под управлением его чиновников⁹.

Американский исследователь Гамильтон пришел к выводу, что первым шагом в политической карьере должна была стать должность одного из членов *vigintisexvirat*, которым был чиновник монетного двора. В течение Империи наиболее успешные политические деятели начинали свои карьеры как члены *tresviri monetales*¹⁰. Опираясь на данные Тацита, мы можем отметить, что действительно во времена Империи членство в вигитинвирате являлось первой ступенью в политиче-

ской карьере римлянина, не пройдя через вигитинвират невозможно было занимать более высокие должности. Так, Тиберий просил у сената для Нерона освобождения от вигитинвирата и на пять лет ранее положенного срока допустить его к квестуре¹¹. Кроме того, судя по данному эпизоду, к участию в коллегии допускались лица, достигшие 20 лет¹².

Практически все исследователи, ставившие вопрос о престижности должности монетного триумвира, ссылались на то, что Клавдий Пульхр занимал должность в коллегии *monetales* в 104 г. до н.э., после квестуры. Т. Моммзен указывал, что, видимо, в этот период традиция последовательности занятия должностей еще не существовала¹³. Надо сказать, что это заключение, на наш взгляд, является наиболее логичным, если принять во внимание данные Цицерона из речи *pro Fonteio*¹⁴. В данном случае триумвират, на наш взгляд, должен трактоваться как должность *triumviri monetales*, причем занимаемую до квестуры. Таким образом, можно предположить, что к I в. до н.э. сложилась некая традиция занятия должности *tresviri monetales*.

Ряд исследователей пытались отследить карьеры некоторых членов коллегии *tresviri monetales*. В процентном соотношении в течение периода от 150 до 125 г. до н.э. исследователи внесли в список 46 *monetales*, только 5 из которых имели позже успешные карьеры (11%). В течение периода с 124 до 92 гг. до н.э. мы находим свидетельство о 17 успешных карьерах из 68 *monetales*, внесенных в список (25%). В период с 91 до 79 г. до н.э. только 6 успешных из 30 (20%). В последний период от 78 до 49 гг. до н.э. есть существенное изменение: приблизительно 25 из 46 монетчиков имели последующие успешные карьеры, или приблизительно 54%¹⁵. Исходя из статистических подсчетов, можно сделать вывод о постепенном повышении престижа данной магистратуры на протяжении Республиканского периода.

Примечания

¹ См.: Dig. 1. 2. 30.

² См.: Dig. 1. 2. 30.

³ См.: Абрамзон М.Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи / РАН. Ин-т. археол. М., 1995. 654 с.

⁴ См.: Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. 2. Teil 1. Tübingen, 1952. S. 601-603.

⁵ См.: Ibid. Bd. 2. S. 602.

⁶ См.: Cic. Leg. III. 3.

⁷ См.: David B. Hollander. The Management of the Mint in the Late Roman Republic (Columbia University) <http://ancientworlds.net/aw/Post/155445>

⁸ См.: Hamilton Ch.D. The tresviri monetales and the republican cursus honorum // Transactions proceedings American Philological Association. 1969. Vol. 100. P. 185.

⁹ См.: Smith W. Moneta. // A Dictionary of Greek and Roman Antiquities, John Murray, London, 1875. P. 766–767.

¹⁰ См.: Hamilton Ch.D. The tresviri monetales and the republican cursus honorum // Transactions proceedings American Philological Association. 1969. Vol. 100. P. 181–199.

¹¹ Tac. Ann. III. 29.

¹² Tac. Ann. III. 29.

¹³ См.: Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. 2. Teil 1. Tübingen, 1952. S. 601.

¹⁴ Cic. Font. 2.5: «Duorum magistratuum, quorum uterque in pecunia maxima tractanda procurandaque versatus est, triumviratus et quaesturae...» – «И как триумвир, и как квестор, две должности, которые подразумевают собой управление и обращение с большими суммами денег...»

¹⁵ См.: Hamilton Ch.D. The tresviri monetales... P. 192–193.

А.Н. Фролова

Личность Марка Юния Брута в историографии XIX – XX вв.

Всплеск исследовательской активности в изучении античной истории, проявившийся во второй половине XIX в. и подкрепленный повышенным научным интересом зарубежных специалистов на протяжении XX в., стал залогом многоаспектного анализа римской истории в целом и ее республиканского периода в частности. Несмотря на пристальное внимание к политической истории Рима и ее творцам – прославленным полководцам, общественным деятелям (что, как правило, являлось ипостасями одного человека), работ, посвященных Марку Юнию Бруту, совсем немного.

Со второй половины XIX в. трактовка личности Брута и его вклада в развитие римского государства была неоднозначной и вызвала ряд дискуссий. По мнению М.Х. Деттенхофер, основная проблема, с которой сталкиваются исследователи, заключается в чрезвычайно субъективной манере описания, присущей античным историкам. Убийство Цезаря рассматривается не только основным, но и смыслообразующим моментом в жизни Брута, поэтому его биография подается с точки зрения предопределенности судьбы человека. Помимо этого, немецкий исследователь отмечает еще одну особенность работ, посвященных данному политическому деятелю: концептуальная основа исследования зачастую отягоща-

ется односторонним подходом, то есть апологией или осуждением Марка Брута¹.

У. Ортманн представила широкий историографический обзор, включающий работы европейских антиковедов со второй половины XIX по конец XX вв.² Как следует из ее очерка, позиция Гастона Буасье по данному вопросу опиралась на исследование переписки Цицерона. На страницах этой переписки Брут предстает как целостная личность с ее идеалами, философскими взглядами. Буасье положительно оценивал Брута, заостряя внимание на позитивных чертах характера исследуемой личности. Совершенно иная оценка Брута характерна для Отто Эдуарда Шмидта, который в работе 1889 г. («M. Junius Brutus» Ein falscher Freiheitsheld des Altertums») рассматривал деятельность данного римского политика как безыдейную, не имеющую ничего общего с республиканскими идеалами. В качестве мотива организации заговора против диктатора выступало то, что Брут в завещании Цезаря не получил тех материальных благ и значительного государственного поста, на которые рассчитывал. Эрнест Блюм подверг данную позицию Шмидта детализованной критике, назвав многие его утверждения и гипотезы «чистейшим произволом», не нуждающимся в опровержении.

Отчасти сходная со Шмидтом оценка личности Брута присутствует и в трудах Теодора Моммзена, который считал, что под напором гражданских войн и смуты общество потеряло духовную составляющую, чем без труда пользовались карьеристы типа Брута, скрывая корыстные цели под сенью высокопарных высказываний³.

На основании историографического обзора работ, посвященных личности Брута, Ортманн приходит к выводу, что к концу XIX в. сложилась определенная оценка роли данного исторического деятеля, включающая положения о его недалёковидности как политика, который руководствовался фантазиями и идеалами, нежели чем проницательностью и расчетом.

Первой работой, отошедшей от данных исследовательских установок в сторону большей объективности оценки Брута как политика, является труд Маттиаса Гельцера (1918 г.). В данном сочинении даются сведения не только о страницах жизни Брута, касающихся убийства Цезаря, но и о его происхождении, воспитании, философских взглядах. На основании беспристрастного анализа источников Гельцер приходит к выводу, что Брут искренне верил в республиканские идеалы и пытался следовать им не только в политике, но и в жизни.

Серия работ М. Гельцера, направленных на исследование римской политической элиты, оказала огромное влияние на последующие поко-

ления антиковедов: Й. Бляйкена, Х. Страсбургера, Р.Т. Ридли, Кр. Симона и др.⁴ Взгляды Гельцера по данной тематике были поддержаны и развиты последующими поколениями историков. К примеру, Жерар Вальтер превозносил Брута над другими политиками времени Цезаря и рассматривал его как защитника республиканской формы правления. При этом данный исследователь отмечал, что Брут не ограничивался философской разработкой положений об улучшении государственного строя, он был практиком, пытающимся претворить свои идеалы в жизнь.

Большим успехом в середине прошлого столетия пользовалась биография Марка Брута, вышедшая из-под пера Макса Радина. Она носит научно-популярный характер и представляет собой, скорее, рассказ, перемежающийся историческими фактами, нежели чем историческое исследование. Брут представлялся как идеалист, оторванный от реальности, но талантливый и искренний политик.

Положительная оценка личности Брута и его общественной деятельности закрепились в работах Рональда Сьюма, Вальтера Стернса. Герман Бенгтсон в работе «Zur Geschichte des Brutus» анализирует отношения между Цезарем и Брутом и раскрывает мотивы и цели заговора против диктатора (аргументация автора исследования по данному вопросу представляется У. Ортманн недостаточно продуманной и целостной).

Первым исследователем, посвятившим свою работу такой теме, как деятельность Брута на Востоке с 44 по 42 гг. до н.э., была Е.-М. Книли. В ходе исследования автор привлекла переписку и речи Цицерона как основной источник по данной проблеме. Томас В. Африк подходил к оценке личности Брута с психологической и психоаналитической точки зрения.

Работа Мартина Кларка «The Noblest Roman. Marcus Brutus and His Reputation» содержит объективную и многофакторную оценку взглядов Брута, наполнением которых выступало стремление к свободе и политической гармонии. Труд Кларка делится на две части: в первой идет изложение основных вех жизни Брута, во второй – оценка его деятельности последующими поколениями политиков и философов, поэтов и драматургов. Автор приходит к выводу, что жизненный путь Брута был пройден в соответствии с одним из основополагающих понятий римской ментальности – *virtus* – мужество, составными частями которой были храбрость, усердие, энергия, стойкость. Данный политический деятель был редким для современного ему общества обладателем добродетелей, сформировавшихся в соответствии с *mores maiorum*⁵.

Андреас Альфельди в работе «Caesar in 44 v. Chr.» (1985 г.) заимствует многие оценочные категории и положения у Т. Моммзена. Общий тон повествования (критика римской политической элиты и идеализация портрета Цезаря) неизбежно приводит к осуждению заговора Брута и деятельности Цицерона, рассматриваемого как идеологического защитника убийства Цезаря. Республиканский заговор расценивается как «вероломное убийство», замаскированное под сенью высоких идеалов о восстановлении законности и свободе. Убийство Цезаря, которое автор уподобляет бесчинствам мафии в новейшее время, было, на его взгляд, совершено Брутом из желания сосредоточить всю полноту власти в своих руках. В условиях стабильности, считает А. Альфельди, к примеру, во времена Траяна, Брут мог бы добиться уверенного общественного положения, а романтическая тоска по республике добавила бы ему известной политической привлекательности⁶. В целом же портрет Брута, нарисованный данным исследователем, включает в себя такие неприглядные стороны человеческой сущности, как лицемерие, предательство, тщеславие, жадность, проявившаяся в ростовщических сделках и шантаже. Как политик Брут представляется весьма заурядным теоретиком, ограниченным и упрямым.

Х. Фловер рассматривает такой аспект римской ментальности, как влияние примера предков на судьбу и моральные установки человека. Род Брута был богат выдающимися общественными деятелями, отдавшими многое во имя укрепления республиканского строя. Именно историческая память как крепкая родовая традиция стала одним из факторов, приведших Брута к убийству Цезаря.

Таким образом, спектр суждений о Бруте в историографии – и это наглядно показывает историографический анализ, проведенный У. Ортманн, а также наше непосредственное обращение к трудам исследователей – чрезвычайно широк: от оценки Марка Юний Брута как талантливого философа и дальновидного политика до малодушного человека, прикрывающего стремление к неограниченной власти высокими идеалами.

Примечания

¹ См.: Dettenhofer M.H. *Perdita Iuventus: Zwischen den Generation von Caesar und Augustus*. München, 1992. P. 231.

² См.: Ortmann U. *Cicero, Brutus und Octavian – Republicaner und Caesarianer*. Bonn, 1988.

³ См.: Dettenhofer M.H. *Op. cit.*

⁴См.: Burckhard L.A. The political elite of the Roman Republic // Historia. Bd. 30. 1990. S. 79–99.

⁵См.: Clarke M. The noblest Roman. Marcus Brutus and his reputation. N.Y., 1981.

⁶См.: Dettenhofer M.H. Op. cit.

Е.С. Данилов

Римская и византийская разведывательные системы: терминология источников

Разведка на языке профессионалов – это искусство приобретения и приумножения знаний о том, что сознательно скрывается. Скрывается же обычно то, что является самым важным для выживания того или иного государства. Основные разведывательные сведения добываются агентурным путем. Именно на их основе принимается значительная часть важнейших решений на политическом уровне. Опыт работы разведок различных стран показывает, что агентура была и остается основным элементом их оперативной деятельности. Именно агенты добывают наиболее ценную информацию. И самая охраняемая тайна любой разведки – это сведения об агентах, действующих в стане противника.

В римской армии были свои разведчики и шпионы. Во времена ранней империи (I – II вв.) они выполняли различные обязанности и в соответствии с ними именовались эксплораторами и спекуляторами¹. Слово "*explorator*" переводится как «разведчик»². Именно в таком понятии оно упоминается у Цезаря (Caes. B. G. IV,4) и Веллея Патеркула (Vell. Pat. II, CXII). Эксплораторы наблюдали за передвижением вражеских групп и являлись солдатами передового отряда. До вступления армии на территорию противника они производили тщательную разведку (*exploratio*) будущего театра военных действий. Слово «*speculator*» переводится как «лазутчик». Спекулятор играл роль шпиона, входящего в свиту полководца, а также выполнял функции вестового³. Он выводывал стратегически важную информацию о намерениях врага. Деятельность таких лазутчиков являлась большим подспорьем в период постоянных экспансий.

Внутри самого войска имелись своего рода тайные агенты, они назывались *frumentarii* – дословно «поставщики хлеба». В легионах на них лежала обязанность заботиться о солдатском продовольствии, пер-

воначально это был конвой, сопровождающий обозы с хлебом. Но первая обязанность сочеталась с другой – следить за солдатами и выявлять недовольных и подозрительных людей⁴. При императоре Траяне (98 – 117) фрументарии составляли особую команду, так сказать «жандармский корпус». Они являлись поставщиками информации, осуществляли аресты неблагонадежных лиц и подчинялись в этом городским префектам⁵. Начиная со II в. деятельность фрументариев стала более активной и, в конце концов, так стали называть солдат, выполнявших прежде функции спекуляторов.

Некоторые случаи из деятельности императорской разведки приводятся в «Жизнеописании Августов» ("Scriptores Historiae Augustae")⁶. Элий Спартиан пишет, что император Адриан (117–138) с помощью фрументариев следил за личной жизнью своих приближенных (SHA, Hadr., XI.4.). Со времени Септимия Севера (193–211) они стояли на холме Целий в особой казарме – *Castra Peregrina*, что значит «чужеземный лагерь». Название это объясняется тем, что фрументарии набирались из уроженцев римских провинций. Для римлян они были иностранцами⁷. Во всем полагался на своих агентов в продвижении к власти узурпатор Макрин (217 – 218) (SHA, Macr., XII.4.). Были свои доносчики и у Максимиана Фракийца (235 – 238) (SHA, Macs., XV.1.). При Бальбине фрументарии упоминаются как гонцы – всадники (SHA, Max. et Balb., X, 1.). По мнению историка М.И. Ростовцева, фрументарии были сильным войсковым объединением и могли в любой момент вступить в бой, если преторианская гвардия попытается навязать императору свою волю или захочет сместить его⁸. Таким образом, прослеживается интересная эволюция: отряды, изначально выделявшиеся в легионах для военной разведки, постепенно превращаются в особые отряды личной охраны императора. Агенты начинают исполнять некоторые обязанности полицейских, формируя особое подразделение уголовного розыска, контролируют население, отслеживают передвижения подозрительных субъектов. Вместе с тем, по мысли Е. Серебряковой, фрументарии Древнего Рима не были тайной полицией в современном понимании. Они не составляли единую группу, управляемую одним начальником, отдающим собственные приказы. Они были солдатами, подготовленными для военной разведки, взятыми на службу центральными или провинциальными властями для особых задач, которые они могли выполнить более эффективно, чем обычный солдат регулярной армии⁹.

Римская военная теория выработала важнейшие принципы организации разведывательной службы. Свое дальнейшее развитие эти прин-

ципы получили в византийских трактатах о военном деле. В «Стратегиконе» Маврикия¹⁰ ясно указано, что до начала войны стратиг обязан собрать все возможные сведения о противнике: их внимательный анализ необходим для принятия окончательного решения относительно времени, места и условий предстоящей кампании (Strat. VII A.). Большую ценность представляли сведения, сообщаемые вражескими перебежчиками (Strat. IX,3.). Однако основная масса разведывательных данных поступала все же не от них, а от собственных разведчиков.

Во времена Маврикия (582 – 602) это уже самостоятельная служба с установленной штатной численностью (в среднем по два человека на каждую тагму), с профессиональной подготовкой, с четкими задачами (Strat. II,11). Интересен термин, которым автор обозначает разведчиков – «κατασκοπος». Среди тех качеств, которыми должны обладать катаскопы, названы трезвомыслие, бдительность, быстрота, а также хорошие внешние данные (Strat. II,11.). В трактате проводится мысль о тождестве патрульной и разведывательной служб (Strat. I,3.). Важные обязанности возлагаются на выдвинутые вперед войска, патрульные посты, которые выполняют двойную функцию: с одной стороны, они ведут наблюдение за неприятельской армией, с другой – препятствуют разведывательным действиям противника (Strat. VIII, 25, 29.). Катаскопы должны были располагаться в укрытых местах, на определенных интервалах друг от друга и поддерживать между собой постоянную связь, особенно ночью, чтобы неприятель не смог воспользоваться их малочисленностью и захватить их. Патрули составлялись из легковооруженных кавалеристов, отличающихся «телесной мощью и душевной отвагой», умеющих отлично владеть оружием, чтобы с честью выходить из стычек; если же они будут захвачены, то должны внушить противнику уважение к себе. Маврикий дает понять, что выделенные в дозор воины обладали специальной подготовкой. Они могли, даже не видя неприятеля, судить о его численности по следам лошадей, по размерам лагеря; должны были уметь определить время прохождения вражеской армии через данный пункт, продолжительность ее стоянок. Задача катаскопов, кроме сбора разведывательных данных, – захват одиночных воинов противника («языков»), отражение внезапных нападений, а также поимка дезертиров и перебежчиков из собственного войска. Именно по последней причине, указывает Маврикий, месторасположение патрулей должно быть тайной не только для чужаков, но и для собственного войска.

Как полагает В.В. Кучма, «Стратегикон» Маврикия знаменует более высокую степень в развитии теории разведывательной, патрульной

и караульной служб, чем это отражено в предшествующих военнo-научных сочинениях¹¹. Но сам термин «κατασκοπος» гораздо многограннее в своем значении. У историка Прокопия Кесарийского это слово обозначает не только военного разведчика, т.е. человека, посланного к войску противника непосредственно во время ведения боевых действий (Procop. В.Р. I.4.10; I.9.12; I.17.35; II.19.27; II.25.10; II.25.15; II.30.37; В.В. I.8.17; I.8.19; I.8.21; I.17.14; I.23.5; II.13.36), но и военнополитического шпиона (Procop.Н.А. 30.12–14; В.Р. I.21.11–17), и даже соглядатаев, которых императрица Феодора направляла следить за своими подданными (Procop.Н.А. 16.14)¹².

Все действия византийцев на чужой территории облегчались наличием эффективной, широко раскинутой разведывательной сети, состоящей главным образом из торговцев и доверенных, хорошо оплачиваемых агентов, занимающих ключевые позиции при враждебных и дружественных дворах¹³. Практика привлечения купечества и вообще лиц, связанных с денежным обращением, к выполнению задач разведывательного характера способствовала расширению значения термина – «τραπεζίτης». Первоначальное значение слова – «меняла»¹⁴ в X в. стало означать кавалериста, используемого для диверсионных рейдов в тыл врага. Главная цель трапезитов состояла в том, чтобы наносить вред неприятельским землям и терроризировать обитавшее там население; если предоставлялась возможность, следовало захватить кого-либо из местных жителей и доставить стратигу для выяснения намерений противника и определения маршрутов его движения (De vel. bell., II.). Эта рекомендация указана в трактате «О боевом сопровождении», написанном в царствование императора Никифора Фоки (963 – 969). Несколько позже трапезиты превратились в более или менее постоянные пограничные части специального назначения; их действия дали основания к тому, чтобы термин «трапезит» в его военном значении стал почти синонимом термину «хонсарий» (χονσαριος) – «разбойник», «грабитель». Об этом свидетельствует автор трактата «Об устройстве лагеря» полководец Никифор Уран. Он подчеркнуто противопоставляет «западный» термин χονσαριοι «восточному» τραπεζιται (De castr., XVIII.)¹⁵. Было установлено, что слово «хонсарий» проникло в греческий из славянского и было, в свою очередь, заимствованием от готского «hansa», означавшего «воровство». Однако этот вопрос остается еще дискуссионным. Кекавмен, византийский полководец XI в., знакомит нас с еще одним термином. В его очерке «О значении разведки в военном деле» указывается

отдельный вид хонсариев. Он называет их «συνδοκίαι». Синодики занимались захватом и конвоированием пленных (Cesaumeni. II,9.)¹⁶.

Таким образом, мы можем с большой долей вероятности утверждать, что разнообразие понятий, связанных с агентурными подразделениями Византии, указывают на более структурированную разведывательную систему в Восточной Римской империи, пережившей своего западного соседа на почти тысячелетие. Сама же терминология претерпела множество метаморфоз и поэтому нуждается в дальнейшем изучении специалистов.

Примечания

- ¹ См.: Вэрри Д. Воины античности. М.: Эксмо, 2004. С. 191.
- ² См.: Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М.: Рус. яз., 2000. С. 306.
- ³ См.: Колобов А.В. Латино-русский военный словарь // www.ancientrome.ru.
- ⁴ См.: Остапенко А.В. Тайная война в Древнем Море. Мн.: Харвест, 2004. С. 489.
- ⁵ См.: Сергеенко М.Е. Жизнь древнего Рима. СПб.: Летний Сад, 2000. С. 41.
- ⁶ Пер. с лат. С.Н. Кондратьева.
- ⁷ См.: Бансон М. Римская империя. М., 2001. С.543.
- ⁸ См.: Ростовцев М.И. Общество и хозяйство в Римской империи. СПб., 2001. Т. 2. С. 117.
- ⁹ См.: Серебрякова Е. Разведка древнего Рима // Независимое военное обозрение. 2003. № 30. С. 7.
- ¹⁰ Пер. с греч. Х. Михаэску.
- ¹¹ См.: Кучма В.В. Военная организация Византийской империи. СПб., 2001. С. 187.
- ¹² Пер. с греч. А.А. Чекаловой.
- ¹³ См.: Волковский Н.Л. История информационных войн. СПб., 2002. С. 38.
- ¹⁴ См.: Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. М., 1991. С. 1251.
- ¹⁵ Пер. с греч. В.В. Кучмы.
- ¹⁶ Пер. с греч. Г.Г. Литаврина.

К.С. Диков

Никифор Фока в оценке Льва Диакона

Никифор II Фока родился в 912 г. Он происходил из могущественного и знатного рода Фок, давшего Византийской империи нескольких крупных военачальников. Никифор с юности участвовал во многих сражениях. Он был провозглашен императором 3 июля 963 г. в военном лагере под Кесарией Каппадокийской. Важным источником по времени

правления этого императора является сочинение Льва Диакона «История»¹. Сообщаемые им сведения нередко уникальны. Из текста «Истории» ясно видно, что автор уважает Никифора и восхищается им. Но и в объективности и беспристрастности современника сомневаться не приходится, о чем свидетельствуют некоторые тексты, показывающие неприятные стороны личности Никифора.

В начале Диакон красочно и подробно описывает внешний облик Никифора: *«Цвет лица [его] более приближался к темному, чем к светлому; волосы густые и черные; глаза черные, озабоченные размышлением, прятались под мохнатыми бровями; нос не тонкий и не толстый; борода правильной формы, с редкой сединой по бокам. Стан у него был округлый и плотный, грудь и плечи очень широкие, а мужеством и силой он напоминал прославленного Геракла»* (Ист. 3; 8). Эти слова сказаны о человеке, которому был пятьдесят один год. А используя свидетельства очевидцев, Диакон пишет о физической силе Фоки: *«...он обладал непобедимой силой и крепостью тела: говорят, что однажды, когда на него напал один из храбрейших варваров, обычно начинавший бой, Никифор направил в его грудь копье и нанес обеими руками удар такой силы, что оно прошло тело насквозь, пронзив переднюю и заднюю стенки панциря»* (Ист. 3; 8).

Историк пишет, что Никифора высоко оценивал император Роман II (959 – 963). *«Роман назначил стратигом-автократором для ведения войны против Крита Никифора Фоку, достойнейшего из магистров, командовавшего тогда войсками Востока, как человека несокрушимой силы, предприимчивого, деятельного и опытного в военном деле»* (Ист. 1; 3). Автор высоко оценивал личные качества будущего императора: *«...он был мужем изобретательным и предприимчивым..., благоразумным и не склонным к наслаждениям...»* (Ист. 1; 5). Хорошо отражены Львом Диаконем и лидерские качества Никифора: *«Обнажив мечи, они [воины] выказали готовность повиноваться ему и следовать за ним, куда он пожелает»* (Ист. 1; 7).

Автор свидетельствует и о таком качестве Никифора Фоки, как жестокость: *«Он приказал отрубить головы у всех убитых и нести их в походных сумках в лагерь; каждому, кто принесет голову, он обещал денежную награду... На следующий день... [Никифор] приказал насадить часть варварских голов на копья и расположить рядами на воздвигнутом им валу, другую же часть бросать камнеметами в город»* (Ист. 1; 8).

Следует отметить, что жестокость была обусловлена суровыми условиями войны и что она соседствовала с милосердием и благородством.

вом: *«В конце концов множество [варваров] пало на поле битвы. Ромеи преследовали их и нещадно истребляли. Те, кто уцелел, избежав гибели в сражении, побросали оружие и стали молить о пощаде. Увидя это, стратиг ... стал сдерживать ожесточение воинов, убеждая их не убивать людей, бросающих оружие, не поступать безжалостно и свирепо с безоружными и беззащитными»* (Ист. 2; 7).

После завоевания Крита Фока стал проводить дальновидную политику по отношению к этой территории: *«Он помирил весь остров, населил его, собрав в общины армян, ромеев и других переселенцев. Оставив для охраны острова огненосные суда, он погрузил на корабли добычу и пленных и отплыл в Византию»* (Ист. 2; 8).

После смерти Романа II Никифор стал участником борьбы за императорский престол. Решительный на войне, Никифор не всегда видел выходы из ситуации в сфере политики: *«Никифор, узнав о перемене верховной власти, не мог ни на что решиться, его приводили в сомнение различные мысли. Неопределенность обстоятельств, превратность и непостоянство судьбы не давали Никифору покоя... Никифор хотел было тотчас же поднять мятеж, но у него не было наготове достаточного числа воинов – ведь войско по его же приказу разошлось по домам, – и он побоялся вступить немедленно в столь трудную борьбу...»* (Ист. 2; 10). Не задолго до событий 963 г. у Никифора умерла жена и трагически погиб сын Варда. Это могло сломить его дух, но сила характера Никифора пересилила обстоятельства, и он согласился принять императорский венец. Став императором Византии, *«Никифор пообещал соблюдать обычное для него благоразумное целомудрие – уклоняться от сожителства с женщиной и воздерживаться от употребления мяса»* (Ист. 3; 9).

Армия любила своего полководца, и он отвечал ей должной взаимностью. После провозглашения императором он обратился к войскам с речью: *«Не потому, о соратники, надел я на себя это царское облачение, что стремлюсь к узурпаторству, но принужденный вами, войском. Я хочу уверить вас всех, что я решился подвергнуть себя такому испытанию и ради собственной безопасности, и особенно – из-за любви к вам»* (Ист. 3; 5). К этому можно добавить слова Льва Диякона: *«...войско любило его всей душою, и каждый гордился его славой»* (Ист. 3; 6).

В конце повествования о правлении Никифора II Фоки Лев Диякон делает что-то вроде вывода о личности императора, о его значимости для Византии: *«Мужеством и силой тела он без сомнения превосходил всех людей его поколения, в воинских делах отличался необыкновенной*

изобретательностью и опытностью.... В делах гражданского управления он был милостив и великодушен... Он был суров и неутомим в молитвах и всенощных бдениях во имя Бога, невозмутим духом во время песнопений и нисколько не подвержен тщеславию. Однако многие считали недостатком его желание, чтобы все безукоризненно следовали добродетели и не уклонялись от высшей справедливости. За отступления от этих правил он строго наказывал и потому казался неумолимым и жестоким для уклоняющихся от законов и был ненавистен тем, кто желал вести беспечную жизнь. Я утверждаю, что если бы завистливая и карающая судьба, разгневавшись на успехи этого мужа, не лишила его так скоро жизни, ромейская держава достигла бы такого величия, какого она в другое время не достигала» (Ист. 5; 8).

10 декабря 969 г. Никифор Фока был убит заговорщиками.

Примечания

¹ См.: Диакон Лев. История. Перевод М.М. Копыленко. М., 1988.

Е. Комарова

Кирилло-мефодиевская проблематика и создание болгарской Церкви

Связь между кирилло-мефодиевской миссией, христианизацией Болгарии и созданием в ней церковной организации могла быть как прямой, так и опосредованной. Последняя выразилась в активной просветительской деятельности учеников Кирилла и Мефодия в болгарских землях уже после смерти братьев и не вызывает сомнения в историкографической традиции. Однако состояние источников не позволяет однозначно ответить на вопрос, имела ли место связь прямая: могли ли Кирилл и Мефодий лично оказать влияние на процесс строительства болгарской церкви. В исследовательской литературе высказано несколько гипотез.

1. Братья проповедовали на территории Болгарии в середине 50-х гг. IX в., задолго до ее официального крещения (864 г.). Эта точка зрения основывается на «Солунской легенде»¹, где рассказывается о некоем Кирилле из Каппадокии, который по велению Бога крестил болгар близ г. Равен на реке Брегалнице, а также «создал им 32 буквы»². Несмотря на то что некоторые историки, например В.А. Истрин, склонны доверять этому апокрифическому рассказу, большая часть ученых относит-

ся к нему скептически. Последние исследования, проведенные в В.М. Лурье, позволяют утверждать, что Солунская легенда была создана миссионером-сирийцем еще в 690 – 720-е гг. и в своем первоначальном виде отражала деятельность сирийских монофизитов в болгарских землях во второй половине VII века³.

2. *Кирилл и Мефодий побывали при дворе болгарского князя в 863 – 864 гг. и убедили его принять христианство.* Путь братьев в Моравию, куда они отправились с миссией в 863 г., действительно мог пролегать через болгарские земли, но единственное доказательство этому – приводимый византийским хронистом Продолжателем Феофана рассказ о тайном крещении князя Бориса после созерцания им картины Страшного суда, изображенной монахом-художником Мефодием⁴. Сюжет носит явно легендарный и тенденциозный характер, хотя возможность личного знакомства Бориса с Кириллом и Мефодием отвергать нельзя.

3. *Существует связь между процессом создания болгарской церкви и решением в конце 60-х гг. IX в. в Риме вопроса о Паннонско-Моравском архиепископстве.* Гипотеза строится на целом комплексе источников: Житиях солунских братьев и их учеников, буллах, письмах и биографиях римских пап, созданных представителями западной церкви. После более чем трехлетнего пребывания в Моравии Кирилл и Мефодий в последние дни 867 г. либо в самом начале 868 г. приехали в Рим⁵. Папа Адриан освятил славянские книги и славянское богослужение, повелел рукоположить учеников Кирилла и Мефодия. Братья были вынуждены задержаться в Риме, поскольку вопрос о создании особой церковной организации для Паннонского княжества и Великой Моравии окончательно решился только через год – к лету 869 г.⁶ Мефодий был возведен в сан архиепископа, и уже осенью 869 г. он возвратился в славянские земли.

Отношения Рима и Болгарии в конце 60-х гг. IX в. были не менее активны. Впервые князь Борис, принявший христианство в 864 г. из Византии, обратился к римскому папе Николаю I через своих послов в августе 866 г.⁷ Причиной смены политико-религиозной ориентации болгарских властей стал языческий мятеж, в котором проявилось недовольство населения чрезмерно строгими религиозными запретами, введенными византийским духовенством на территории Болгарии. Не оправдалась и надежда болгарского князя на предоставление Константинополем автономии болгарской церкви. Папа Николай I благосклонно принял посольство Бориса, ответил на все интересующие его вопросы и уже в ноябре 866 г. отправил к неофитам своих легатов. Но довольно скоро болгаро-римские отношения начали ухудшаться: Борис настаивал

на учреждении в Болгарии архиепископии, а папа Николай (умер в декабре 867 г.) и его преемник Адриан отказывались признать молодую славянскую церковь столь самостоятельной⁸.

Источники свидетельствуют: пока Кирилл и Мефодий в течение первых месяцев 868 – начале 869 гг. находились в Риме, болгарский князь Борис через послов вел с папой Адрианом II активные переговоры⁹. Их предметом вполне могло быть требование князя (в документах не отраженное) либо возвести Мефодия в сан архиепископа Болгарии¹⁰, либо включить болгарскую церковь в состав образованной к лету 869 г. архиепископии, во главе которой встал Мефодий. Папа под таким напором наконец согласился учредить на территории Болгарии автономную церковную организацию, но явно урезанную в своих правах по сравнению с Паннонско-Моравской, так как в ней, в отличие от последней, не разрешалось вести литургию на славянском языке, и она сильнее зависела от Рима. Главу болгарского государства такое положение не устраивало, он предпочел возобновить связи с Византийской империей, возвратив в 870 г. болгарскую церковь под покровительство константинопольского патриархата¹¹.

Таким образом, можно предположить, что деятельность Кирилла и Мефодия еще при их жизни оказала опосредованное влияние на процесс строительства Болгарской церкви и политико-религиозный курс болгарской власти. Гипотеза о связи кирилло-мефодиевской миссии с решением болгарского религиозного вопроса, несмотря на отсутствие в источниках прямых указаний, должна получить дальнейшее развитие.

Примечания

¹ Этот источник был введен в научный оборот в 1856 г. и с тех пор неоднократно привлекал внимание исследователей. Согласно общепринятой датировке, которую поддержал Б.Н. Флоря, легенда была создана в XII в. Болгарский исследователь К. Мечев датировал появление источника приблизительно 869 г.

² Солунская легенда // Родник златоструйный: Памятники болгарской литературы IX – XVIII вв. М., 1990. С.266.

³ См.: Лурье Б. Около Солунской легенды: Из истории миссионерства в период монофелитской унии // Славяне и их соседи. Вып. 6. М., 1996. С. 23–52.

⁴ См.: Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. СПб., 1992. С. 73.

⁵ См.: Флоря Б.Н. Сказания о начале славянской письменности. СПб., 2004. С. 269.

⁶ См.: Там же. С. 277.

⁷ См.: Литаврин Г.Г. Введение христианства в Болгарии // Он же. Византия и славяне (сборник статей). СПб., 1999. С. 301.

⁸ См.: Там же. С. 304–306.

⁹ См.: Латински извори за българската история. София, 1964. Т. 2. С. 185–186, 193–195.

¹⁰ См.: Драгова Н. Славянската църква на св. Кирил и Методий и нейните балкански традиции // 1100 години от блажената кончина на св. Методий. Международен симпозиум. София, 1989. Т. 1. С. 33–52.

¹¹ См.: Литаврин Г.Г. Указ. соч. С. 306–307.

Е. Лисенкова

Княжеский двор и его окружение в раннесредневековых государствах Центральной Европы

Магистральным процессом периода раннего средневековья стало образование государств у славянских народов. Оно тесным образом было связано со становлением княжеской власти. В конце 90-х гг. XX в. в отечественной исторической науке был поставлен вопрос о таком важном ее компоненте, как княжеский двор¹. Под ним мы подразумеваем резиденцию, местопребывание князя и высшей знати, а также систему связей, возникавших между ними. Наиболее полную информацию об этом институте власти в Центральной Европе дают средневековые славянские хроники: «Чешская хроника» Козьмы Пражского и «Хроника и деяния князей или правителей польских» Галла Анонима. Оба источника написаны духовными лицами и относятся по времени создания к первой четверти XII века.

Двор являлся центром политической системы и выполнял разнообразные функции. Во-первых, отсюда правитель контролировал все сферы политической жизни. Во-вторых, здесь формировались основы отношений между представителями разных социальных слоев. В-третьих, именно двор был центром культурной жизни, диктуя свои литературные, архитектурные и иные пристрастия. В-четвертых, двор представлял собой своеобразный экономический организм.

Двор объединял в своем составе значительную по численности группу людей. Его обслуживали многочисленные слуги, каждый из которых имел определенные обязанности. В ближайшее окружение князя входили дружинники и знатные люди. Придворные подбирались по принципу личной преданности, преимущественно из привилегированных слоев. Князь мог отлучить от двора утративших доверие или же, наоборот, приблизить отличившихся перед ним своими заслугами. Та-

ким образом, общность не имела четких границ, она периодически пополнялась и обновлялась. Для внутренней жизни двора были характерны интриги и соперничество. Заговоры могли возникать и против самого князя, и против его родственников. Князь выступал как первый среди равных. Княжеская свита была заинтересована в закреплении власти правителя, она являлась его главной опорой, а он, в свою очередь, должен был вести политику с учетом ее интересов. Свита постоянно находилась при князе. Она сопровождала его в военных походах, передвижениях по стране, дипломатических визитах; князь проводил с ней совещания. При княжеском дворе обязательно находились представители церкви, поскольку именно они являлись наиболее образованными людьми того периода. Вместе с князем жили и его родственники.

Двор содержался за счет подношений подвластного населения. Его обеспечение требовало больших материальных затрат: князь должен был кормить не только себя, но и всю свою свиту. Неразвитость товарно-денежных отношений диктовала особые формы вознаграждения. Правитель мог взять человека к себе на полное содержание, давать ему «харчи» или же уступить участок земли, который позволил бы ему обеспечить свое существование². Главным средством перераспределения получаемых с населения средств были пиры. На них завязывались и устанавливались социальные связи, решались важнейшие вопросы, связанные с управлением, улаживались конфликты. Для правителя пир был одной из возможностей продемонстрировать и прославить свою власть. Во время распределения даров/продуктов князь демонстрировал свою щедрость. Она была важна для оправдания политической гегемонии правителя. Дарами и подношениями он стремился привлечь на свою сторону тех, в чьей поддержке был заинтересован³.

Не всегда одна область могла постоянно кормить государя и его свиту, поэтому князь был вынужден передвигаться по стране. Он перемещался и для того, чтобы поддерживать отношения подчинения. Другими причинами мобильности правителя могли быть удовлетворение духовных потребностей, например посещение святынь, и развлечения, прежде всего охота.

Особый интерес вызывает образ жизни при дворе членов княжеской семьи. Княжеские жены, как правило, являлись представительницами знатных родов. Они занимались благотворительностью: помогали бедным и сиротам, иногда могли выкупать пленных. Многие правители придавали большое значение образованию своих наследников. Княжеские дети воспитывались в соответствии со своим предназначением. Как правило, они росли при дворе, готовились к управлению княжеством.

Иногда одного из детей отправляли на обучение в монастырь, где он знакомился с церковными и монастырскими уставами, а впоследствии мог принять постриг и сделать карьеру на церковной службе. Княжеские сыновья, устраивавшие свою судьбу таким образом, чаще всего становились епископами и получали большое влияние в государстве. Княжеские дочери, получив монастырское образование и обычно приняв постриг, жили в монастыре, расположенном недалеко от княжеского двора. Дети членов правящей династии могли воспитываться и при дворе иностранных правителей, изучая чужие нравы и язык.

Таким образом, двор являлся сложным образованием, включавшим в себя черты политического, социального, экономического и культурного организма. Он являлся частью государственной системы, что объединяло его членов вокруг верховной власти, диктовало особые нормы жизни и поведения для всех его участников, в том числе правителя.

Примечания

¹ См.: Двор монарха в средневековой Европе. Явление. Модель. Среда. М., СПб., 2001. Вып. 1; Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. М., 2004.

² См.: Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986. С. 131–132.

³ О пирах, напрмиер, см.: Гуревич А.Я. От пира к лену // Одиссей. Человек в истории. М., 1999. С. 7–13; Общение за столом: сотрапезничество и застолье в течение веков // Там же. С. 301–310; и др.

Ю.А. Романова

Тема объединения Италии в творчестве Данте и Петрарки

Эпоха Данте была временем величайшего национального унижения Италии. Если для нас Данте прежде всего поэт, создатель «Божественной комедии», то для современников Данте был политиком-практиком. Не только «Комедия», но и другие произведения поэта – «Пир», «Монархия», «О народном красноречии» – не могут быть до конца поняты без анализа его политических взглядов.

Данте Алигьери был гвельфом, его детство прошло под знаком борьбы гвельфов и гибеллинов¹. Когда наметился раскол в партии гвельфов, Данте понял, что папа уже не может представлять силу, которая может объединить страну. Это наглядно продемонстрировал папа

Бонифаций, более занятый светскими проблемами, нежели церковными. Данте был близок к партии Белых, которые папу не поддерживали. В изгнании (он был изгнан из Флоренции за свои политические воззрения) Данте вновь пересмотрел свои взгляды. В 1310 г. в Италию прибыл германский король Генрих VII², в нем Данте видел миротворца и на него возлагал свои политические надежды. Однако они остались не реализованными ввиду ранней смерти императора.

Данте не был идеологом национального объединения всей Италии. Свой идеал он видел в римском государстве эпохи Октавиана Августа (30 г. до н.э. – 14 г. н.э.). Изгнанник Данте был свидетелем или активным участником бескончаемых войн, которые вели на территории Италии иностранные армии, кровавых раздоров между отдельными итальянскими коммунами, а также распрей внутри коммун. Вот почему лозунг *Pax Romana*, выдвигавшийся Августом как символ прекращения гражданских распрей и смут, благоденствия римского народа и подчиненных ему народов всего остального мира нашел в душе Данте живой отклик.

Хотя Данте – сторонник монархии (исключительно монархии мировой), его нельзя назвать противником республиканской идеи. Содержание, которое великий флорентинец вкладывал в понятие «монархия» и «империя», не идентично монархическим представлениям нового времени и не исключает республиканских институтов. «Государство», «республика», «империя» являются у Данте понятием взаимозаменяемым³. В «Монархии» Данте писал: *«...Хотя и говорится, что человеческий род может управляться единым верховным владыкой, не следует это понимать так, будто ничтожнейшие суждения любого муниципия могут проистекать от него одного непосредственно... Ведь народы, королевства и города имеют свои особенности, которые надлежит регулировать разными законами»*⁴, т.е. в правовом ключе, а не войной.

Данте использует латинский термин «муниципий» почерпнутый из римского государственного права, которым в римскую эпоху обозначались провинциальные города Италии, обладавшие различным правовым статусом (по закону Юлия в I в. до н. э. все города Италии получили полные римские гражданские права). Иначе говоря, Данте не требует государственного единства для итальянцев и вполне мирится с существованием самостоятельных королевств и городов во всем мире, причем Италия – не исключение. Усмотреть в «Монархии» идею национального единства Италии невозможно, но идея примата римского народа над всеми другими народами Земли является, напротив, основой мировоззрения Данте⁵.

Исследователи, считающие Данте идеологом национального единства Италии, не учитывают того факта, что для Данте, собственно говоря, не существовало итальянского народа: он всегда пользовался термином «римский народ», считая, что не существует никакого различия между античным миром и его эпохой (исключая различие религий). В этом отношении он разделяет антиисторизм классического средневековья⁶. Данте, подобно другим мыслителям Древнего Рима, считал, что алчность погубила Римскую империю и другие современные ему государства. Только всемирный монарх, по Данте, будет свободен от алчности, ибо ему нечего желать, он и так имеет все: *«Его юрисдикция ограничена лишь океаном»* (Монархия. I.XI).

Тема спасения отечества присутствует и в творчестве Петрарки («Письма без адреса», «О наилучших методах управления государством», «Моя Италия», «Высокий дух», «Новому правителю римского народа», переписка). Раздробленность Италии на массу мелких областей, непрерывная борьба между ними причиняли страдания поэту и патриоту. Но отечеством для Петрарки была не Флоренция, а вся Италия. В его патриотизме проявлялось уже не муниципальное, а национальное сознание.

Петрарка мечтал о мире для всей страны, о возрождении ее былого величия. У него есть масса писем, где он с болью изображает современную ему действительность. *«Узнаю рок, преследующий отечество, и, куда ни обернусь, вижу причины и основания для горя. В самом деле, при растерзанном Риме – каково состояние Италии? При искалеченной Италии – что такое моя жизнь? В общей и частной беде одни помогают деньгами, другие телесной силой, третьи влиянием, четвертые советом; чем я бы мог помочь, кроме как слезами, не вижу»*⁷. Его политические цели – реформа церкви, единство Италии, восстановление мировой роли Рима, прекращение междоусобных войн.

Петрарка искренне верил, что Риму принадлежит право господства над миром, и был глубоко убежден в возможности его осуществления. Поэт возлагал надежды на германского императора, а также папу римского. Наступление мира в Италии он связывал и с ожидаемым возвращением папы в Рим. Он настойчиво призывал папу Урбана V вернуться из Авиньона (речь идет об авиньонском пленении пап), дабы «королева городов» (Рим) не оставалась вечной вдовой. Петрарка участвовал в миссии по примирению Венеции с Генуей, но в условиях, характерных для эпохи острых политических противоречий, мечте Петрарки не суждено было стать реальностью.

Данте и Петрарка видели бедствия и страдания своей родины, осознали всю гибельность положения Италии. Они предлагали свои проекты по изменению политической ситуации. Однако отсутствие объективных условий делало утопическими их мечтания.

Примечания

¹ См. Голенищев-Кутузов И. Н. Данте. М., 1967. С.24.

² См.: Там же. С.45.

³ См.: Беляев В. В. Античные традиции в политической теории Данте // АМА. Вып. 5. Саратов, 1983. С. 5

⁴ Данте А. Монархия / Пер с итал. В.П. Зубова. М., 1999. С. 78.

⁵ См.: Беляев В.В. Указ. соч. С.5.

⁶ См.: Вайнштейн О.Л. Западноевропейская средневековая историография. М., 1978. С.126

⁷ Петрарка Ф. Эстетические фрагменты. М., 1982. С.106.

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

А.В. Семикашева

Эволюция гайдуцкого движения в XIX веке

Обострение противоречий между турецкой властью и христианским населением Балканского полуострова к середине XIX в. привело к кризису гайдуцкого движения. Небольшие гайдуцкие отряды, способные на партизанские действия в ограниченной горной местности, не могли справиться с ролью покровителя и защитника, которую на них возлагал народ. Это осознавали вожди болгарского революционного подполья Георгий Раковский, Васил Левский, Христо Ботев, которые выдвинули идею создания революционных чет. Основными источниками для их изучения стали воспоминания Захария Стоянова¹ и Христо Македонского².

При создании революционных чет за основу была взята организация гайдуцких отрядов, численность которых составляла 10 – 30 человек. Во второй половине XIX в. создавались и более многочисленные отряды, например две четы Хаджи Димитра и Стефана Караджи объединяли 128 членов. Во главе традиционной гайдуцкой четы стоял воевода – самый умный, ловкий и смелый человек в дружине. Руководителя революционной четы З. Стоянов не всегда называет воеводой. Причиной этому было нередкое их предательство, с которым он сталкивался, участвуя в освободительном движении.

Главной особенностью второй половины XIX в. была попытка поставить под контроль массовое движение, ввести дисциплину и пресечь анархию разрозненных гайдуцких чет. С этой целью Г. Раковский выработал «Временный закон для народных лесных чет», который в большинстве случаев игнорировался повстанцами. Предполагалось, что инициаторами создания чет будут повстанческие комитеты, которые возникали в городах и селах Болгарии для подготовки и проведения восстания. Например, в г. Шумене в 1873 г. был создан революционный комитет из 360 членов. Однако местное население неохотно вступало в новые вооруженные формирования.

У каждой гайдуцкой четы было знамя. Однако в эпосе встречаются лишь упоминания его цветовой гаммы: сине-зеленое или багряное. В XIX в. знамя становится обязательным символом борьбы за свободу. В чете Стефана Караджи на нем был изображен вставший на дыбы золотогривый лев. Главное знамя IV Панагюрского округа в Апрельском восстании (1876 г.) было сшито из двух наложенных друг на друга кусков тонкого бархата – зеленого и красного; посередине располагался лев, вышитый канителью. На знамени помещался девиз «Свобода или смерть».

При вступлении в чету гайдуки приносили клятву верности: помогать друг другу в бою, не бросать больных и раненых. Во второй половине XIX в. на смену клятве приходит присяга, которая приносилась возле знамени. Гайдуцкие четы совершали нападения на турецких чиновников, спахиев, купцов и чорбайджиев. Причины тому были разные – от личных обид и пережитой несправедливости до желания получить богатую добычу. Единственным мотивом создания революционных чет было освобождение Болгарии из-под турецкой власти и создание независимого государства. Непосредственно с целями и задачами чет был связан рост численности их участников. Им не надо было нападать из засады, они должны были представлять реальную угрозу для турок, оборонять населенные пункты.

Существование революционных чет теоретически ограничивалось временем проведения восстания. В этом заключалась их особенность. В гайдуки люди уходили надолго, посвящая этому всю жизнь, образуя особое «братство», в котором складывались свои обычаи и нормы поведения.

Гайдуки обращали особое внимание на одежду, которую подбирали исходя из особенностей местности, где действовали их отряды. В ее основе лежал гардероб болгарских крестьян, не отличавшийся разнообразием моделей и фасонов. Революционные четники стремились ввести некую униформу, выделяющую их из общей массы населения.

В условиях постоянных вооруженных столкновений с турками у гайдуков сформировалось особое отношение к жизни и смерти. Турецкие розыскные и карательные экспедиции ловили и уничтожали гайдуков. Сами они ежедневно видели смерть турок или своих товарищей. Мало кто из них доживал до старости. Можно предположить, что гайдуками становились люди авантюрного склада характера. В основе их действий, как показывают гайдуцкие песни, лежала удаль – безудержная, лихая смелость. В свою очередь, в революционные четы уходили болгары, цели которых четко сформулировал Христо Македонский:

«...мы жертвуем собою за свободу Болгарии». Поэтому и четники готовы были принять смерть. Но самоотверженность их была иного рода. Ими руководила вера в победу восстания, которую они приближали, как могли.

Таким образом, сравнив гайдуцкие отряды, появившиеся на Балканском полуострове после его завоевания турками-османами и революционные четы, организовывавшиеся для освобождения болгарских земель во второй половине XIX в., мы приходим к выводу о том, что гайдуцкое движение в XIX в. вошло в полосу кризиса. Не случайно болгарские революционеры использовали лишь идею гайдуцких чет, которые в это время представляли разрозненные отряды, действовавшие самостоятельно и не признававшие революционной дисциплины. Они уже не ставили под угрозу само существование Османской империи. С развитием национально-освободительного движения оно не только становилось массовым, менялся его характер – от стихийных действий гайдуцких чет к организованному, управляемому из подпольных центров военному сопротивлению османам.

Примечания

¹ См.: Стоянов З. Записки о Болгарских восстаниях: В 2 т. М., 1978.

² См.: Из записок Христо Македонского // Не смолкнет эхо над Балканами. М., София, 1988.

А.В. Яблоков

Петр Сцегенный и его «Золотая книжечка...» как источник по истории Польши

Середина XIX в. была временем подъема национально-освободительной борьбы в Польше, являвшейся в тот период неотъемлемой частью Российской империи. Из рядов борцов за независимость Польши вышло немало знаменательных для своего времени личностей. Среди них особо стоит выделить Петра Сцегенного, священника и вместе с тем яркого революционера.

Родился Петр Сцегенный в 1801 г. в деревне Бильчи в крестьянской семье. Отец его был лесником, старостой деревни¹. Петр учился в школе в Бжезинах, затем в воеводском училище в Кельце. Окончив училище, он в возрасте 26 лет устроился на работу частным учителем в деревне Старая Весь Сандомирской губернии. В том же 1827 г. Сцеген-

ный переехал в Варшаву, где воплотилась его давняя мечта стать священником. Сначала он был принят в звании клирика в орден ксендзов-пиаров, который готовил учителей и обеспечивал преподавательским составом 1/3 училищ и школ, являвшихся первой ступенью среднего образования. В 1832 г. Сцегенного направили в город Ополе Люблинской губернии, где он получил сан викария². В том же году Петр переехал в Вильколаз и стал священником в местной церкви.

Сцегенному, выросшему в крестьянской среде, были хорошо знакомы нужды польских крестьян. Общение с прихожанами, их жалобы и чаяния еще более убеждали его в необходимости внести собственный вклад в борьбу за социальную справедливость и национальную независимость Польши. Демократические настроения внутри самого ордена пиаров также были немаловажным фактором, влиявшим на умонастроения Сцегенного. Ксендзы-пиары активно участвовали не только в просвещении, но и в национально-освободительной борьбе. Некоторые члены ордена принимали участие в восстании поляков 1830 – 1831 гг. Таким образом, принятие Петром Сцегенным революционно-демократических идей не было случайным.

Стремясь к улучшению жизни крестьян, Сцегенный предпринял попытку открыть в Вильколазе школу для мальчиков. Благие намерения привнести образование на селе не встретили понимания у местных властей. Они сочли это лишним и запретили создание школы. В Вильколазе Сцегенный познакомился с семьей Яшовских. От них он начал получать запрещенную политическую литературу. Известно, что Сцегенный не только сам читал эту литературу, но и распространял в студенческой среде. О деятельности викария узнал будущий революционер конспиратор Фалинский. Этот человек приехал в Вильколаз и в частных беседах первым предложил Сцегенному создать революционную организацию конспиративного плана. Сцегенный датирует эти события 1840 г.³ В этом же году он на базе полученной политической литературы и своих собственных размышлений создал важнейшую для понимания польской освободительной борьбы работу – «Золотую книжечку, или историю рода человеческого...».

Сделать это его побудил тот факт, что в изученной им литературе революционного характера не учитывались специфические черты польского общества, а именно: чрезвычайная религиозность поляков и огромное доверие к представителям духовенства и их словам. Для Петра казалось естественным и правильным, что революционные идеи должны были сочетаться с христианскими постулатами. В связи с этим Сцегенный, как никто другой, подходил на роль автора подобного сочине-

ния: впитавший революционные идеи священник мог сделать это лучше всего. Создав «Золотую книжечку...» викарий восполнил этот пробел. Он отразил в ней как социальные, так и национальные аспекты повстанческой идеологии, облачив их в форму христианской проповеди⁴.

«Золотая книжечка...» является краткой историей человечества от библейских времен до 1840 г. Основной мыслью произведения можно считать идею социальной справедливости. Обращаясь к истории «высшего сословия», Петр Сцегенный вел родословную «панов» и «королей», поработивших простых тружеников. Он писал: «Паны и господа управляют крестьянами и ремесленниками при помощи кнута и солдат, набранных из тех же крестьян»⁵. Сцегенный доказывал, что свергнуть господство «панов» возможно при помощи восстания народа и перешедшей на его сторону армии. Петр призывал солдат бросить оружие и вернуться домой: *«Вас учили тому, как стрелять и убивать. Кого убивать? Невинных людей ваших ближних, которые вам никогда и ничего плохого не сделали, которые вас даже не знают»*⁶. Он верил, что это восстание будет последним, после которого простые люди будут жить благополучно.

Петр Сцегенный и его «Золотая книжечка...» не встретили поддержки в польском обществе. Лидирующая роль шляхты в подготовке восстаний, во всей национально-освободительной борьбе в Царстве Польском исключала революционные изменения в польском обществе, связанные с уничтожением имущественного неравенства. В свою очередь, Петр Сцегенный не мог поступиться идеалами социально-справедливого государства. Он остался в стороне от борьбы поляков за независимость в 1840 г. Арест викария в 1844 г. окончательно оторвал его от прочих революционеров-конspirаторов на территории Царства Польского. Через 2 года после ареста он был отправлен на каторгу, на Александровский завод Нерчинского округа (с приговором – за создание антироссийской организации). В 1863 г. Петра Сцегенного перевели в Соликамск, а в 1871 г. разрешили вернуться в Люблинскую губернию. С этого времени и до смерти в 1890 году Сцегенный занимался исключительно литературной деятельностью, хотя и поддерживал дружеские связи с бывшими собратьями по борьбе.

После возвращения на родину он написал «Афоризмы» (1875 г.), «Стремление, обязанности и предназначения христианина» (1876 г.) и ряд других работ⁷. Вышеназванные произведения отличались от созданных в 1840-е годы. Петр Сцегенный говорил о том, что только путь просвещения и пропаганды может привести в новый мир свободу, ра-

венство и братство. Он разочаровался в революционных методах борьбы за независимость и социальную справедливость, однако не оставил мысли о справедливом строе общества⁸.

Примечания

¹ См.: Дьяков В.А. Революционная деятельность и мировоззрение Петра Сценного (1801–1890). М., 1972. С. 27.

² См.: Там же. С. 28.

³ См.: Дьяков В.А. Революционная деятельность... С. 37.

⁴ См.: Золотая книжечка или история рода человеческого с библейских времен до 1840 года // Дьяков В.А. Революционная деятельность... С. 197.

⁵ Там же. С. 205.

⁶ Там же. С. 215.

⁷ См. Дьяков В.А. Революционная деятельность... С. 43.

⁸ См.: Афоризмы об устройстве человеческого общества // Дьяков В.А. Революционная деятельность... С. 245–268.

А.М. Чепель

Бернгард фон Бюлов и «мировая политика» Германии

Повороту Германии к «мировой политике» способствовал экономический подъём, узость национального рынка, наличие качественно новой системы международных транспортных коммуникаций, недовольство гегемонией прежних лидеров колониального мира. Первоначально правящие круги Германии намеревались заставить европейские державы считаться с нею при новых колониальных захватах, а затем в империи возросла готовность включиться в борьбу за передел уже поделенного мира. Олицетворением «мировой политики» был Бюлов, ставший в конце 1900 г. канцлером Германии.

Бернгард фон Бюлов был политическим деятелем новой империалистической формации, сторонником политики, которая уже не ограничивалась узкими рамками Европы, а отражала стремления быстрорастущего империалистического хищника – Кайзеровской Германии – к мировому господству. Переход к «мировой политике» обозначила речь Б. Бюлова – тогда еще статс-секретаря – в рейхстаге в декабре 1897 г., в которой он заявил, что *«времена, когда немец уступал одному соседу сушу, другому море, оставляя себе одно лишь небо... – эти времена миновали... Мы не хотим находиться в чьей-либо тени, мы требуем сво-*

его места под солнцем»¹. Среди приверженцев «мировой политики» сложилось два течения, различия между которыми сводились к способам ее реализации. Юнкеры и магнаты тяжелой индустрии были сторонниками силового захвата чужих территорий. Представители экспортных отраслей банковского капитала более целесообразной считали экономико-финансовую экспансию. В целом, германский империализм сочетал экономическое проникновение с политической и военной экспансией.

Одним из объектов германской экспансии являлось Марокко, которое к началу XX в. формально не было еще поделено между великими державами. Европейское проникновение в султанат Марокко началось в 40-х гг. XIX в., однако в центре межимпериалистических противоречий эта страна оказалась на рубеже столетий. Первыми о своих «правах» в Марокко заявили французские колонизаторы, оказавшиеся после захвата Алжира у марокканской границы. Их основными конкурентами в «мировом проникновении» выступали англичане, а также испанцы, итальянцы и немцы.

Как отмечает немецкий исследователь Ф. Фишер, Германия намеревалась расширить свои экономические взаимоотношения с султанатом, так как этого настойчиво требовали такие могущественные и влиятельные фирмы, как Крупп, Маннесман и ряд других². Миссия в марокканский порт Таншер, которую Вильгельм II предпринял против своей воли, была идеей Бюлова. Бернгард хотел любым путем избавиться от настроенного крайне антигермански французского министра иностранных дел Теофила Делькассе, который был главным действующим лицом при создании Антанты. Бюлов рассчитывал, что с помощью этого визита будет укреплено положение Германии в Северной Африке и тем самым будет нанесен превентивный удар по формирующемуся англо-французскому союзу. Однако возраставший германский экспансионизм в Марокко подтолкнул британские и французские правящие круги к преодолению существующих между ними противоречий. На международной конференции в испанском городе Альхесирасе (январь 1906 г.), созванной для обсуждения вопроса по Марокко, Германия оказалась в изоляции и вынуждена была признать особое положение Франции в Марокко.

При активном участии Бюлова как главы внешнеполитического ведомства Германия в начале XX в. предприняла ряд сугубо империалистических шагов. В 1899 г. был принят первый закон о развитии флота; через 2 года флотская программа была удвоена. Б. Бюлов в своей работе «Внешняя политика Германии» отмечает, *«что такое обладание берегами, как невозможность развивать свои силы на море и – в послед-*

нем счету – расширить континентальную политику до пределов мировой?»³. Бюлов неоднократно заявляет, что свою основную задачу с самого вступления в должность статс-секретаря, а затем и канцлера он усматривал в том, чтобы обеспечить Германии возможность спокойно построить мощный военный флот и благополучно провести Германию сквозь ту «опасную зону», которую она неминуемо должна пройти вследствие неизбежной оппозиции Англии⁴.

Вступление на путь «мировой политики» Германия ознаменовала приобретением опорных пунктов в Китае. Воспользовавшись убийством в провинции Шаньдун двух немецких миссионеров, Германия в 1898 г. оккупировала бухту Клао-Чао и навязала правительству Китая договор об ее аренде с портом Циндао на 99 лет. Позднее богатая природными ресурсами провинция Шаньдун стала сферой Германского влияния. Германия путем соглашения с группами английских и германских банков добилась разграничения сфер железнодорожного строительства и закрепила монополию на железнодорожные концессии в Шаньдуне.

Германский империализм вел свою захватническую политику таким образом, что сразу нарушал и интересы России, и интересы Англии, не ограничивая свои аппетиты каким-либо одним участком – либо борьбой за океанские колонии и морское первенство против Англии, либо за Ближний Восток против России. Если говорить о личной ответственности, то именно Бюлов отвечал за эту политику.

Примечания

¹ Бюлов Б. Воспоминания / Под ред. В.М. Хвостова. М.; Л, 1935. С. 108–109.

² См.: Fischer F. Krieg der Illusionen. Die deutsche Politik von 1911 bis 1914. Düsseldorf, 1978. S.102.

³ Бюлов Б. Внешняя политика Германии / Под ред. В.М. Хвостова. М.; Л, 1935. С. 108–109.

⁴ См.: Fischer F. Krieg der Illusionen. S. 104.

Позиция США во время Корейской и Вьетнамской войн (опыт сравнительного анализа)

За последние несколько лет Соединенные Штаты Америки, невзирая на отрицательную позицию ООН и мировой общественности, пошли на открытую агрессию в отношении ряда стран: Югославии, Афганистана, Косово. Вполне вероятен сейчас и конфликт с Ираном. В этой связи более чем актуально обратиться к истории двух крупных локальных конфликтов периода холодной войны – Корейской и Вьетнамской войнам, в ходе которых войска США вели крупномасштабные боевые действия.

Участие США в Корейской и Вьетнамской войнах можно сравнить по ряду позиций. Во-первых, вмешательство Соединенных Штатов в оба конфликта, во Вьетнаме и в Корее, было обусловлено одинаковой целью: они стремились сдержать «наступление коммунистов». Во-вторых, обнаруживается интересная параллель при рассмотрении этих войн через призму внутренней политики США. Обе войны начались при демократах Г. Трумане и Л.Джонсоне, стали причиной их политического краха и привели к власти президентов-республиканцев Эйзенхауэра и Никсона, при которых конфликты были прекращены. Из этого положения следует третий пункт о смене глобальных внешнеполитических концепций Соединенных Штатов в результате Корейской и Вьетнамской войн. Война в Корее привела к смене концепции «сдерживания» концепцией «отбрасывания коммунизма». А вьетнамская война характеризуется принятием новой Гуамской доктрины¹. В-четвертых, войны в Корее и во Вьетнаме стали непосредственным отражением теории ограниченной войны. Если в Корее Соединенным Штатам удалось восстановить довоенный статус-кво и не ввязаться в полномасштабный конфликт ни с СССР, ни с Китаем, то во Вьетнаме эта теория не сработала². В-пятых, и в Корее, и во Вьетнаме Америка пыталась противопоставить врагу коалицию международных сил³. В-шестых, и во Вьетнаме, и в Корее возникла угроза применения ядерного оружия, однако в Корее возможность использования атомной бомбы была гораздо более вероятной. В-седьмых, войны в Корее и Вьетнаме серьезно ударили по эконо-

мике Соединенных Штатов⁴. Наконец, в-восьмых, обе войны не оставили равнодушными американское общественное мнение.

Учитывая ограниченный объем данной статьи, наиболее подробно мы остановимся лишь на последнем пункте, так как эта сторона вопроса далеко не изучена в отечественной исторической литературе. По результатам опросов общественного мнения подавляющее большинство респондентов (70%) выражало поддержку лично президенту Эйзенхауэру и проводимой им внешней политике⁵. В частности, и по вопросу войны в Корее. Иная картина представляется при рассмотрении отношения американцев к вьетнамской войне. Коренное отличие сводится к тому, что огромная часть американского общества резко негативно воспринимала курс на эскалацию войны во Вьетнаме президентов Л. Джонсона и Р. Никсона и правительства в целом. В стране проходили массовые антивоенные протесты, многие призывники попросту уклонялись от набора. Дело дошло до того, что в университете Кента в штате Огайо национальные гвардейцы открыли огонь по толпе студентов, убив четырех и ранив десятерых из них. Еще двое погибли в штате Миссисипи. По всей стране в двадцати одном университете для подавления беспорядков приходилось прибегать к помощи Национальной Гвардии⁶.

Но если война во Вьетнаме широко осуждалась американской и мировой общественностью, то на отношения двух сверхдержав эта война практически не повлияла. В мае 1972 г. успешно прошел визит Никсона в Москву, в течение которого был подписан целый комплекс документов: «Основы взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки», Договор об ограничении систем противоракетной обороны, Договор об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-1) и т.д.

Таким образом, можно констатировать, что, хотя Вьетнам оставил гораздо больший след в американской истории – это был локальный конфликт, он не смог серьезно помешать разрядке. Корейская война, наоборот, носила более глобальный и сложный характер. С одной стороны, в ходе этой войны США и СССР стояли на грани прямого столкновения. Но, с другой стороны, окончание Корейской войны, исторически совпав со смертью Сталина, привело к некоторой оттепели в международных отношениях, что выразилось в подписании летом 1953 г. перемирия на Корейском полуострове. Таким образом, под режим статус-кво, фактически соблюдавшийся в Корее с прекращением активных боевых действий в 1951 г., было подведено правовое основание. Возникла некая негласная договоренность о сферах влияния в

Дальневосточном регионе. Однако в целом уровень взаимного недоверия между Москвой и Вашингтоном оставался высоким. Самой тревожной чертой была безрассудно высокая готовность сверхдержав – США и СССР – прибегать в кризисных ситуациях к угрозам применения ядерного оружия.

Примечания

¹ См.: Иванян Э. История США. М., 2004. С. 494.

² См.: Дэвидсон Ф.Б. Война о Вьетнаме. М: Эксмо, 2004. С. 300-301

³ См.: Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика. М., 2002. С. 116–117.

⁴ [www. politstudies. ru/ universum/dossier/01/ wall-bibliograf](http://www.politstudies.ru/universum/dossier/01/wall-bibliograf). (Валлерстайн «Закат американского могущества»)

⁵ [www. eisenhower. utexas. edu/korea/documents/publidcopinionthekoreanwar.html](http://www.eisenhower.utexas.edu/korea/documents/publidcopinionthekoreanwar.html)

⁶ См.: Иванян Э. Указ. соч. С. 494.

А.В. Мильто

Интерпретация истории Сомали в произведениях Нуруддина Фара

Для африканских писателей, проживающих за рубежом, Африка всегда оставалась источником вдохновения и главной темой произведений. Нуруддин Фара – не исключение. Он был вынужден покинуть Сомали в 1970-х гг., жил в Нигерии, Судане, Гамбии, Уганде, ЮАР, Эфиопии, Индии, Германии, Италии, США и никогда не забывал о том, что он африканец. За пределами Африки он обрел успех и славу, став знаменитым. Полиглот и интеллектуал, он сразу начал писать на английском языке, хотя многие критиковали его за это. Несмотря на то что большая часть его жизни прошла в изгнании, Н. Фара стал основоположником сомалийского романа, являясь первым сомалийцем, написавшим роман о Сомали.

Н. Фара родился в 1945 г. в Байдоа¹ – городе, расположенном в той части Сомали, которая находилась под британским контролем. Он рос в среде, где не было единого языка общения. Окружающие его люди говорили на сомалийском, амхарском, английском, итальянском, арабском языках. Ребенком он овладел ими в совершенстве. В детстве Н. Фара посещал британскую колониальную школу и кораническую школу при мечети. В юности он изучал социологию, литературу и философию в Пенджабском университете в Индии (1966 – 1970) и позд-

нее – в университете Эссекса в Великобритании (1974 – 1976). Пройдя курс обучения, он вернулся домой, в Сомали, и некоторое время преподавал в Могадишо.

В Сомали, где национальная письменность существует только с 1973 г., всегда были сильны традиции устного народного творчества. Мифы и легенды передавались от поколения к поколению из уст в уста. Профессиональной сказительницей и поэтессой была мать Н. Фары. Родными для него языками были сомалийский, амхарский и арабский, но Н. Фара сделал выбор в пользу английского. По его собственному признанию, такое решение было вызвано практической необходимостью: «он смог найти только пишущую машинку с английской клавиатурой»². Возможно, слова Н. Фары следует рассматривать как шутку: его выбор, безусловно, является данью времени. Писатель, пишущий на английском, в значительной мере ориентирован на международную аудиторию.

В 1970 г. Н. Фара написал свой первый роман «Из кривого ребра»³. В нем рассказана история Эблы, необразованной, независимой девушки, которая бежала из семьи, узнав, что ее готовят в жены старику на 40 лет старше. Попав в Могадишо, она обнаружила собственное бессилие, точнее, полную зависимость от мужчин в обществе, где женщинами торгуют как крупным рогатым скотом, а единственная альтернатива тому, чтобы быть проданной другими в качестве движимого имущества – жены, продать себя самой в качестве проститутки. Роман Н. Фары, несмотря на незатейливый сюжет, сложен по сути. В нем, как в сомалийском обществе, уживается идеализация политической автономии в Сомали и критика государственной стратегии, направленной на дискриминацию женщин.

Резонанс романа был велик, особенно на западе. Вскоре после публикации романа Н. Фара получил адресованное ему письмо. Оно начиналось словами «Дорогая миссис Н. Фара». Автор письма, англичанка или американка, растроганная романом, ничего не зная о молодом писателе, автоматически предположила, что он женщина. Так возник миф о «феминисте» Н. Фаре. Власти Сомали нашли произведение политически нежелательным. Нападки на традиционные общественные институты (племенные кланы, патриархальные семьи), натурализм в описании жизни и быта сомалийцев, критика политического курса диктатора Мухаммеда Сиада Барре превратили Н. Фару в изгнанника.

Его второй роман «Обнаженная игла»⁴ написан в духе постмодернистских традиций. В центре внимания автора оказались взаимоотношения между расами, этносами и полами, проблемы идентично-

сти, выживания, дискриминации и сегрегации женщин в условиях складывания диктаторского режима. Его героями стали африканцы (сомалийцы) и европейцы, мужчины и женщины. Власти осудили «Обнаженную иглу». Известие о том, что роман подвергся жесточайшей критике со стороны правительства, а сам он объявлен изменником, Н. Фара получил по телефону в аэропорту Рима, незадолго до вылета в Сомали. Получив предупреждение об угрозе заключения в тюрьму как диссидента и возможной казни как предателя, Н. Фара решил не рисковать и не возвращаться на родину. Следующие три года он провел в Риме, но именно тогда он пришел к мысли о том, что его дом – Африка. С 1980 г. преподавал в университетах Африки, Европы, Северной Америки. В течение двадцати лет Н. Фара не был в Сомали, где его произведения находились под запретом до недавнего времени. Только в 1996 г. Н. Фара увидел вновь родную землю.

В изгнании Н. Фара динамично работал. Его первая трилогия «Вариации на тему африканской диктатуры» включает романы: «Сладкое и кислое молоко»⁵ (1979 г.), «Сардины»⁶ (1981 г.), и «Сезам, закройся»⁷ (1983 г.). Это наиболее зрелая в художественном отношении и сложная работа Н. Фары. В трилогии проведены параллели между колониальной практикой и авторитарным режимом в постколониальном Сомали. Н. Фара воссоздал атмосферу политической тирании и репрессий, царившую в стране. В центре его произведений – герои, остро переживающие не только социально-политический, но и духовный кризис, время физического и интеллектуального взросления, отчуждения, одиночества.

«Сладкое и кислое молоко» – роман о политическом терроре и двух близнецах: дантисте Лойаане и журналисте Сойаане, погибшем при невыясненных обстоятельствах. Расследуя причины смерти брата, Лойаан обнаружил, что Сойаан был членом организации, которая нацелилась на свержение господствующего режима. Книга получила литературную премию Британского совета. Второй том трилогии «Сардины» продолжает тему женской дискриминации. Это история об увольнении женщины, редактора одной из газет, за отказ напечатать полностью речь генерала. В «Сардинах» автор, используя характерные африканской традиции символы, образы и знаки, попытался провести параллель между диктатурой в семье и государстве. Неудивительно, что завершающая часть трилогии – роман «Сезам, закройся» – представляет собой весьма красноречивый обвинительный акт деспотизму в Сомали.

Вторую трилогию «Кровь на солнце» он посвятил трагическим последствиям межклановых распрей и гражданской войны в Сомали. За-

мыслей первого романа «Карты»⁸ (1986 г.) возник в годы пограничной войны с Эфиопией (огаденской войны). Нападение на Огаден было вызвано идеей реализации правительственной доктрины «пятиконечной звезды» – соединения в границах единого государства всех сомалийских земель: Итальянского, Британского и Французского Сомали (ныне Республика Джибути), а также восточных частей Эфиопии⁹. В 1977 г., не признавая совместную границу с Эфиопией и пытаясь поднять в сомалиязычных районах антиэфиопское восстание, Могадишо выдвинул войска в эфиопский Огаден. Сомалийские войска были разгромлены. Н. Фара описал тяготы войны на примере конкретных людей – сложных и противоречивых человеческих судеб. В центре внимания автора судьба двух персонажей: Аскара, осиротевшего сомалийского ребенка, и его приемной матери Мисры, женщины с эфиопского нагорья. Война разрушила их, казалось, неразрывную связь: Аскар убил Мисру.

Роман «Дары»¹⁰ (1992 г.) – любовная история, однако фоном, на котором разворачиваются события, является гражданская война, экономическая депрессия, голод. После свержения в 1991 г. диктатора М.С. Барре Сомали переживала трудные времена. В центре повествования история женщины, сумевшей выжить в голодные годы. «Дары» предлагают читателю более оптимистичный взгляд на разорванную войной землю, чем «Карты». В романе «Тайны»¹¹ (1998 г.), завершающем трилогию, Н. Фара сосредоточил внимание на традиционной, хотя и переживающей кризис, клановой организации в Сомали. Роман, словно отражает смысл старинной поговорки, популярной в Сомали: «Я и Сомали – против всего мира; я и мой клан – против Сомали; я и моя семья – против клана; я и мой брат – против нашей семьи; я – против своего брата»¹². Обращение к мифам и легендам призвано показать связь времен и приверженность разных народов к единым, общечеловеческим ценностям. В книге воедино слились философия и поэзия, правда и вымысел, трагедия и комедия. Реальные события и факты обрели черты некой фантазмагии, а ирреальные персонажи оказались похожими на обычных людей.

Долгое отсутствие и невозможность возвращения домой не могли не трансформировать образ Сомали в сознании писателя. И неудивительно, что в романе «Связи»¹³ (2004 г.), написанном после долгожданного возвращения на родину, Н. Фара поделился с читателями своими новыми впечатлениями. Сомали, которое он увидел, кардинально отличалось от Сомали двадцатилетней давности. Государство с таким названием существовало только на карте. Сомали оказалось поделено на десятки независимых друг от друга территорий, в каждой из которых

правили лидеры вооруженных группировок, опирающиеся на свой клан. Роман отражал собственную историю Н. Фара, которая, как две капли воды, была похожа на истории сотен тысяч беженцев, которых гражданская война в Сомали заставила покинуть родные дома. Его продолжением стала другая история, изложенная в книге «Вчера, завтра: голоса сомалийской диаспоры»¹⁴ – первая работа писателя, написанная в жанре публицистической литературы.

С точки зрения человека творческого, у изгнания была и положительная сторона. Н. Фара считал, что эмиграция обеспечила ему не только физическую безопасность, но и свободу творчества: он смог писать, не подвергаясь политическому давлению со стороны властей¹⁵. Его произведения выполняли социальную и просветительскую функцию, отражая проблемы бытия и человечности на основе личного опыта: эмоционального, социального, профессионального – положительного и отрицательного. Литературное признание не обошло писателя стороной. Н. Фара получил немало наград. В 1998 г. «Книжное обозрение» «Нью-Йорк Таймс» назвало его «самым значимым африканским писателем, появившимся за последние 25 лет»¹⁶. В том же 1998 г. он стал лауреатом престижной Ништадской международной премии по литературе. Нуруддин Фара был также награжден премией «Гринзани Кавур» в Италии, премией имени Курта Тухольского в Швеции, премией за лучший роман в Зимбабве, премией литературного фестиваля Сен-Мало за французское издание «Даров» (1998). Творчество писателя заслужило одобрение со стороны многих его коллег, в частности от Нгуги ва Тхионг’о (Кения), тематику произведений которого можно считать близкой Н. Фаре.

Н. Фара – уникальный писатель, один из самых стильных африканских авторов. Несмотря на зрелый возраст, он продолжает удивлять читателей каждым своим произведением. Его занимают исторические сюжеты: Сомали, люди, утратившие свое прошлое и не всегда способные найти себя в настоящем. Его мир многогранен и населен большим количеством людей, выражающих разные мнения. Многообразие точек зрения отнюдь не противоречит терпимости в отношениях друг к другу. Это жизненное кредо писателя нашло отражение практически во всех его произведениях. Его творчество отличается толерантностью. Он выступает за прекращение споров, конфликтов, войн, за милосердие и сострадание, за свободу и права человека в мире и в своей стране – Сомали.

Примечания

- ¹ См.: Wright D. The novels of Nuruddin Farah. Bayreuth African Studies, 2004. P. 5.
 - ² <http://www.britannica.com/eb/article-9123722>
 - ³ См.: Farah N. From a Crooked Rib. Heinemann International, 1970.
 - ⁴ См.: Farah N. A Naked Needle. Heinemann International, 1976.
 - ⁵ См.: Farah N. Sweet and Sour Milk. Allison & Busby, 1979.
 - ⁶ См.: Farah N. Sardines. Allison & Busby, 1981.
 - ⁷ См.: Farah N. Close Sesame. Allison & Busby, 1983.
 - ⁸ См.: Farah N. Maps. Pantheon Books, 1986.
 - ⁹ См.: Заяц Д.З. Республика Сомалиленд // География: Приложение к газете «Первое сентября». 2002. № 21 (1–7 июня).
 - ¹⁰ См.: Farah N. Gifts. Serif, 1993.
 - ¹¹ См.: Farah N. Secrets. Arcade, 1998.
 - ¹² Сомали: ад для живых // Эхо планеты. 1992. № 45. С. 6–7.
 - ¹³ См.: Farah N. Links. Riverhead, 2004.
 - ¹⁴ См.: Farah N. Yesterday, Tomorrow. Voices from the Somali Diaspora. Cassell, 2000.
 - ¹⁵ См.: Derek Wright. The novels of Nuruddin Farah. Bayreuth African Studies, 2004. P. 169.
 - ¹⁶ Ibid.
-

Е.Е. Тупицина

Кваме Нкрума – образ политика

Кваме Нкрума (1909 – 1972) – политик, философ, лидер освободительного движения, президент Ганы (1960 – 1966), идеолог panaфриканизма, он принадлежал к числу интеллектуалов, которые подобно марксистам были готовы любой ценой изменить мир. Жизненный путь К. Нкрумы драматичен. В юности он мечтал стать священником, в итоге стал президентом, борцом за освобождение Африки. Для политика высшего ранга ему пришлось пережить много: в его жизни были блестящие победы, абсолютная власть и любовь народа, неожиданный крах, предательство соратников, изгнание, ощущение вины, переоценка ценностей, осознание скорой смерти от неизлечимой болезни.

К. Нкрума родился в субботу. Детей, появившихся на свет в этот день недели у нзима, этнической группы юго-запада колонии Золотой Берег, называли по традиции Кваме. Местный священник записал в метрике: вторник, 21 сентября 1909 г., что и стало официальной датой. Мать вела счет годам первенца по числу официальных праздников и говорила, что он родился в 1912 г.¹ Споры возникали и вокруг имени ребенка. Священник записал «Фрэнсис», отец, чеканщик по золоту, на-

стоял, чтобы тот добавил «Нвиа Кофи». Англо-африканское имя стало обозначением принадлежности К. Нкрумы к двум культурам, разным духовным мирам, ни с одним из которых он не состоял в полном согласии.

Детство К. Нкрумы прошло в тихой провинции. Мальчик знал местные легенды и предания, читал английскую классику, исправно посещал церковь. К 20 годам К. Нкрума получил неплохое для африканца образование – 8 лет миссионерской школы, 4 года колледжа принца Уэльского. В годы учебы его крестили по обряду римско-католической церкви. Огромное влияние на мировоззрение К. Нкрумы оказал проректор колледжа Д. Аггрей².

В 1935 г., заняв деньги у богатого дядюшки, К. Нкрума уехал в Америку. Он быстро вошел в ритм американской жизни и за десять лет жизни в США успел многое: закончил 2 университета, получил 4 ученые степени, приобрел жизненный опыт. К. Нкрума изучал философию и теологию. Он обращался к работам У. Дюбуа и М. Гарвея о единстве судеб африканцев и американских негров, о необходимости уничтожения колониальных границ и создания единой Африки. Поиск истоков социальной несправедливости привел К. Нкруму к трудам классиков марксизма.

Политический дебют К. Нкрумы состоялся на V Панафриканском конгрессе в октябре 1945 г. в Манчестере, по окончании которого был брошен призыв к народам колоний бороться за освобождение «всеми возможными способами». Для осуществления своих замыслов в конце 1947 г. он вернулся на Золотой Берег. Колониальные власти не исключали, что Золотой Берег может получить самоуправление, но были уверены, что на смену им придут «надежные» африканцы, усвоившие идеалы колонизаторов (состоятельные юристы, бизнесмены, врачи). Именно они вошли в партию Объединенный Конвент Золотого Берега (ОКЗБ). К. Нкрума занял пост генсека ОКЗБ. Он проявил себя хорошим тактиком, умеющим до поры скрывать свои цели.

К. Нкрума выгодно отличался от других политиков. Он не брезговал обедом в бедной хижине, спал на циновке, не кичился ученостью. Прекрасный оратор, человек харизматичный, он без труда завоевывал сердца и умы соотечественников. Его разрыв с ОКЗБ произошел 12 июня 1949 г., когда К. Нкрума создал Народную Партию Конвента и выдвинул лозунг «Независимость немедленно!»³. В январе 1950 г. НПК объявила кампанию гражданского неповиновения. Колониальные власти вынуждены были пойти на уступки: в 1952 г. К. Нкрума стал премьер-министром первого африканского правительства Золотого Бе-

рега, с 7 марта 1957 г. – независимой Ганы. К. Нкруме пришлось решать наиболее острые проблемы молодого государства: экономические, политические и социальные. К. Нкрума сталкивался с сепаратистскими настроениями со стороны отдельных этнических групп (ашанти) и со стороны членов нового правительства. Чрезвычайные меры тоталитарного характера привели к установлению в стране авторитарного режима. В 1964 г. он был провозглашен пожизненным президентом республики Гана. В этих условиях нарастал культ личности К. Нкрумы. В изобилии появились его статуи, монеты, марки с его портретом. В честь него называли фабрики и площади, корабли и институты.

Между тем кризис в ганском правительстве нарастал. Среди чиновников процветало взяточничество и коррупция. К. Нкрума пытался бороться, но кадровые перетасовки не давали результата. Увеличивался рост дефицита госбюджета, что привело к повышению цен и налогов. Последним фактором, повлиявшим на дестабилизацию ситуации, стало снижение цен на какао-бобы (основной экспортный продукт в Гане) на мировом рынке с 290 до 180 седи за тонну. 24 февраля 1966 г., когда президент находился в зарубежном турне (Ханой), части армии и полиции захватили власть. Недавний кумир, он в глазах соратников и оппозиции стал тираном и бездарным политиком, демонстранты сбрасывали с пьедестала статуи вождя, срывали его портреты. Бывшая местом массового паломничества хижина в деревне Нкрофул, где родился К. Нкрума, была снесена бульдозером. К. Нкруме пришлось стать изгнанником. Местом его жительства стала Гвинея, куда он приехал по приглашению своего друга Секу Туре. Там он написал несколько работ, посвященных анализу допущенных ошибок. К. Нкрума скончался в Бухаресте 27 апреля 1972 г. В июле того же года его останки (по просьбе ганского правительства) были доставлены в Гану и захоронены согласно воле покойного на его родине в Нкрофуле.

Образ К. Нкрумы как политика достаточно противоречив: харизматический лидер, кумир образованной молодежи, борец за освобождение Африки, тиран, человек, утомленный работой и бессонницей, христианин, увлеченный идеями К. Маркса. Драма К. Нкрумы состояла в том, что он был в первую очередь африканцем, а не ганийцем, о чем собственно и свидетельствует его мировоззрение и деятельность⁴.

Примечания

¹ См.: Нкрума К. Автобиография. М., 1961. С. 9.

² См.: Там же С. 21.

³ См.: Потехин И.И. Становление новой Ганы. М., 1965. С. 181.

А.С. Загрузина

Сирия на рубеже столетий: облик режима

Распад СССР в 1991 г. привнес изменения в политические процессы стран ближневосточного региона, в том числе и Сирии. Приверженность социалистическому выбору, а затем отказ от него вынудили руководство Сирийской Арабской Республики (САР) искать свое место в обновляющейся системе международных отношений и мирового порядка. Процесс демократизации в арабских странах должен был воплотиться не в качестве идеального типа, а как проявление реальных условий (то есть верховенство демократического закона и свободы, но не произвол отдельных индивидов или учреждений).

В САР с конца 1990-х гг. XX в. начала устанавливаться так называемая «неолиберальная демократия», орудием которой стало авторитарное государство. Особенностью государственного строя стала включенность в «специфическое движение арабских стран к усвоению западных демократических норм и, в конечном итоге, формированию гражданского общества»¹. Подтверждением начала эволюции сирийского строя в демократическом направлении был рост числа «независимых» кандидатов в Народном Совете (парламенте). В 1986 г. их насчитывалось 35 человек (17,9%), в 1990 г. – 84 человека (33,6%), в 1994 г. – 83 (33,2%). В их число входили такие деятели, как И. Синкар, бизнесмен, представитель компании «Мерседес Бенц» в САР и М. Сайф, представитель германской компании «Адидас» в Сирии. Оба кандидата были избраны в состав сирийского парламента в 1994 г.²

«Лицом» режима в 1990-е гг. продолжал оставаться Хафез Асад. Он придерживался авторитарных основ правления, но по политическим взглядам и убеждениям являлся скорее сирийским националистом, нежели революционером-социалистом. Он был приверженцем демократии, но чуждался либерализма. Несмотря на преклонный возраст, Х. Асад дважды переизбирался на посту президента САР. В 1991 г. он собрал 99,99% голосов, в 1999 г. – 99,98% и был избран абсолютным большинством. Выборы в условиях авторитарного режима оставались безальтернативными.

К концу XX в. основными задачами руководства страны стали пересмотр устарелых подходов Партии Арабского Социалистического Возрождения, разрешение проблемы внутрипартийного расслоения,

вопроса по выводу Сирии из экономического кризиса и преодоления политической изоляции страны в арабском регионе. В 1996 г. ПАСВ официально заявила о переходе к курсу, направленному на всеобъемлющее урегулирование и мир внутри страны³.

В 90-х гг. в Сирии разразился серьезный внутривластный и внутрипартийный кризис. Численность правящей ПАСВ составляла на тот момент 800 тыс. членов и кандидатов в члены и контролировала как Региональное, так и Общеарабское Руководство партии. Региональное Руководство имело функции совещательного органа, где работали только проверенные люди со стажем и все решения выносились с одобрения спецслужб. Большинство в Региональном Руководстве составляли сунниты, но реальную власть осуществляли алавиты⁴. Именно внутри Регионального Руководства сложилась группировка, возглавляемая М. Хейдаром, требовавшая начала мирных переговоров с Израилем, вывода сирийских войск из Ливана и нормализации отношений с Ираком. В сложившихся обстоятельствах Х. Асад был вынужден использовать так называемую «идеологию перемен», которая предполагала всеобъемлющую поддержку политического курса президента, сплочение всех сил для заполнения идеологического вакуума, оживление деятельности местных организаций и проведение чисток в военных кругах и в среде спецслужб. При соблюдении вышеперечисленных условий становился возможным переход к рыночной экономике путем стимулирования притока иностранных капиталов и коммерциализации госсектора. Проведение преобразований открыло дорогу во властные структуры суннитской торговой буржуазии, ранее лоббировавшей свои экономические интересы путем заключения выгодных браков с представителями родовитых семейств. К середине 1990-х гг. 60% парламентариев и делегатов партийных съездов ПАСВ были суннитами, что не исключало контроля со стороны алавитов⁵.

Активизировали свою деятельность ряд экстремистских группировок, что представляло серьезную угрозу режиму Х. Асада. В 1995 г. из-под стражи был освобожден один из руководителей организации «Братья – мусульмане» Б.М. Абдель Фатах Абу Гуде. В течение нескольких последующих лет Х. Асад амнистировал ряд заключенных, ранее принадлежавших к той же организации. Однако переговоры с Израилем породили очередной всплеск исламского экстремизма. В 1996 г. была раскрыта и ликвидирована организация «Исламские ваххабиты». Сохранить баланс в стране удалось только за счет вмешательства сирийских вооруженных сил и спецслужб. Тем не менее, по данным Международной Амнистии, в сирийских тюрьмах с 70-х гг. по-прежнему «томятся сотни

политических заключенных, которые сидят без суда и следствия, права переписки, встреч с адвокатами и близкими»⁶.

Численность сирийской армии к началу 90-х гг. составляла 404 тыс. человек⁷. Армейская верхушка добилась к концу XX в. «властной автономии и приобрела определенную самостоятельность в процессе выполнения властно-управленческих функций»⁸. Х. Асад взял курс на создание лояльной государству прослойки «новой буржуазии» в целях расширения социальной базы режима и перенесения суннито-алавитского противостояния из религиозной сферы в область конкурентной борьбы. В результате к началу 1990-х гг. образовалось прочное объединение алавитских и суннитских бизнес-сообществ, базировавшихся на единых экономических интересах и «растущих политических амбициях»⁹. Старая военно-бюрократическая элита пыталась взять под свой контроль финансовые потоки в стране и тормозила проведение либеральных экономических преобразований, претендуя, таким образом, на особую роль в государстве. Поэтому с 1993 г. Х. Асад приступил к постепенному обновлению высшего эшелона армии и служб госбезопасности. Был уволен со своего поста начальник военной разведки А. Дуба. В 1994 г. был снят со своего поста и посажен под домашний арест командующий специальными войсками А. Хейдар. Летом 1994 г. своим приказом Х. Асад отправил в отставку 20 генералов. В итоге президент очистил руководящие кадры армии и спецслужб от сторонников бескомпромиссного противостояния с Израилем и США и замеченных в неблагоприятных делах деятелей, способных скомпрометировать имидж Сирии в глазах Запада.

На рубеже XX – XXI вв. во внешнеполитической сфере также произошли существенные изменения. Основными задачами на данном направлении стали: установление сотрудничества со странами Ближнего Востока, возобновление процесса мирного урегулирования с Израилем, нормализация отношений с США и восстановление двустороннего сотрудничества с Российской Федерацией. В отношениях внутри региона доминирующим оставалось общеарабское единство. Президент САР говорил, что «мусульманин с мусульманином сплочены в единое целое, в котором каждый поддерживает другого. Первейшее, что нас всегда будет объединять, – это общность религии, истории и культуры»¹⁰. Но основой межарабского сотрудничества по-прежнему оставались позиции исламских государств по отношению к Израилю. Несмотря на многочисленные проекты мирного урегулирования, Х. Асаду так и не удалось добиться оптимальных для Сирии решений и заключить договор.

В отношениях с США произошел значительный сдвиг. Если раньше взаимодействие с Америкой полностью зависело от занимаемых ею позиций по отношению к Израилю, то в 90-е гг. XX в. решающим стало американо-иракское противостояние. С Ираком Сирию связывала не только общая граница, но и политические особенности. К тому моменту у власти в Ираке находилось местное отделение партии БААС, с которой сирийские баасисты находились в конфронтации¹¹. В 1991 г. Сирия примкнула к возглавляемой США антииракской коалиции и поддержала операцию «Буря в пустыне», хотя прочного союза между Дамаском и Вашингтоном не получилось, так как Х. Асад видел главную опасность в распространении антииракской компании на сирийские территории. В отношениях с Россией «похолодание» завершилось только во второй половине 90-х гг XX в. Заинтересованность Российской Федерации в формировании новых геополитических реалий в ближневосточном регионе позволила восстановить сирийско-российское двустороннее сотрудничество. В октябре 1997 г. Е.М. Примаков выступил посредником в обмене посланиями между премьер-министром Израиля Б. Нетаньяху и президентом САР Х. Асадом¹². В том же году были возобновлены переговоры о выплате сирийского долга по вооружению. В июле 1999 г. Х. Асад посетил Москву и встретился с президентом Б.Н. Ельциным. Таким образом, президент Х. Асад на рубеже XX – XXI вв. вел взвешенную игру на международной арене, действуя умеренными средствами и предпочитая небольшой успех «в виде благоприятных решений или резолюции арабского саммита» радикальному изменению ситуации на Ближнем Востоке.

В 90-е гг. XX в. в руках Х. Асада по-прежнему оставались основные рычаги управления государством и правящей элитой. На данном этапе принципы процесса складывания политической элиты в Сирии оставались прежними: конфессиональный, социальный, региональный и родоплеменной. Однако в рамках данного периода религиозный принцип отошел на второй план. Решающую роль стала играть личная преданность президенту Х. Асаду. Суннитская торгово-промышленная и финансовая буржуазия официально получила возможность занять определенное место в правящих кругах и в составе политической элиты. По-прежнему особую роль играла армия и спецслужбы. Демократические изменения в рамках правящих кругов выразились в широком представительстве рабочих, крестьян, интеллигенции, представителей частного предпринимательства, а также женщин в Народном Собрании (Салиха Санкар – министр здравоохранения, Начах Аттар – министр

культуры; в 1998 г. – 26 женщин); это постепенно вывело правящую элиту САР на общемировой уровень.

Как выяснилось позже, после смерти Х. Асада (10.06.2000), процесс реорганизации и демократизации 90-х гг. XX в. был частью плана, разработанного президентом с целью передачи власти своему сыну Башару. Х. Асад рассчитывал создать группировку проверенных и лично преданных ему политических деятелей, которые впоследствии оказали бы поддержку Б. Асаду на начальном этапе его президентской карьеры. 27 июня 2000 г. сирийский парламент единогласно избрал Б. Асада президентом страны. 10 июля 2000 г. по результатам всенародного референдума «за» его кандидатуру высказалось 99% избирателей. В Сирии на рубеже веков имел место феномен, в условиях которого высшая власть в государстве перераспределялась в рамках одной семьи. Условно его можно рассматривать как некий «сирийский тип наследования президентского поста»¹³.

Таким образом, на пороге нового тысячелетия САР представляла собой сложное политическое образование. Продолжая оставаться в целом типичным авторитарным государством, с жестким режимом и контролирующим механизмом, Сирия постепенно приобрела демократические черты, что, в первую очередь, свидетельствовало о гибкости руководящей политики. Ведущая роль сохранялась за геополитическими интересами. Характерной особенностью данного государства стало то, что его лидер сумел совместить традиционные мусульманские основы общества с современными западными веяниями.

Примечания

¹ См.: Гучетль Г.И. Демократизация в арабском мире: опыт Туниса и Сирии. М., 1999. С. 40.

² См.: Гучетль Г.И. Указ. соч. С. 110–111.

³ См.: Медведко Л. Счастливая звезда Хафеза Асада // Азия и Африка сегодня. 1996. № 4. С. 49.

⁴ Алавиты – религиозное меньшинство в рамках шиитского толка, пришедшее к власти в 70-х гг. XX в. благодаря Х. Асаду, алавиту по происхождению.

⁵ См.: Ахмедов В.М. Сирия на рубеже столетий: власть и политика. М., 2003. С. 12, 28–29, 74–75.

⁶ Радышевский Д. Сирийский «сфинкс» // Московские новости. 2000. № 4. С. 15.

⁷ Общая численность населения Сирии в 90-е гг. XX в. составляла 11 млн. 338 тыс. человек.

⁸ Ахмедов В.М. Вооруженные силы в общественно-политической жизни Сирии // Восток (ORIENS). 2003. № 4. С. 91.

⁹ Там же. С. 91–92.

¹⁰ Речь, произнесенная президентом Хафезом Асадом от имени арабских стран на VIII встрече глав исламских государств в Тегеране 10.12.1997 // Мир Глазами президента Сирии Хафеза Асада / Под ред. В.М. Ахмедова. М., 2000. С. 180.

¹¹ ПАСВ=БААС – Партия Арабского Социалистического Возрождения.

¹² См.: Примаков Е. Годы в большой политике. М., 1999. С. 359–384.

¹³ <http://www.kommersant.ru/dok.html.z439330>.

К.С. Кананыхина

Ибаданский университет – «кузница» кадров интеллектуальной элиты Нигерии

После Второй мировой войны в Нигерии начался культурный подъем, вызванный новыми историческими условиями. Отчасти такому подъему способствовало расширение сети культурно-просветительских учреждений, вызванное ускорением развития страны. В то же время с «ростом антиколониализма и национализма»¹ усиливалось движение местной интеллигенции за национальное самоутверждение, за возрождение и становление национальной культуры.

Британские власти со своей стороны также были заинтересованы в создании вестернизированной африканской элиты, готовой сотрудничать с ними. Крупнейшие иностранные компании стали широко применять новые формы внедрения в нигерийскую экономику, направленные на создание внутренней социально-политической опоры своего господства: повсеместно открывались новые школы и колледжи, институты и библиотеки. 17 ноября 1948 г. в Ибадане, крупнейшем культурном центре йоруба, наиболее многочисленной народности юга, был открыт университетский колледж – первое высшее учебное заведение Нигерии, дипломы об окончании которого приравнялись к дипломам Лондонского университета².

Студенты обучались на трех факультетах: естественном, медицинском и гуманитарных наук. В этом смысле Ибаданский колледж отличался от первых африканских вузов: Каирского университета, колледжа Фура-Бей в Сьерра-Леоне, университета Либерии, которые готовили специалистов гуманитарного профиля. И хотя многие считали Ибадан высшим учебным заведением «второго сорта» (по сравнению с европейскими, а точнее с английскими университетами), его выпускники были лучше подготовлены к работе в условиях африканской действительности, нежели обладатели дипломов зарубежных университетов.

По мнению П.Л. Ван ден Берга, некоторое время преподававшего в Ибадане, «нигерийский университет был нигерийским только по своему местонахождению и внешнему облику студентов. В остальном — это чисто британское учебное заведение»³. В университетском колледже работали опытные преподаватели — главным образом, англичане, обеспечившие довольно высокий уровень профессиональной подготовки национальных кадров. В их числе были бывшие колониальные чиновники и высококвалифицированные специалисты, заинтересованные в результатах своей деятельности. Колониальные власти неохотно привлекали немногочисленные национальные кадры к преподаванию в Ибадане: нигерийцы, получившие европейское образование, зачастую впитывали передовые идеи и в силу специфики своей профессиональной деятельности могли влиять на идейные позиции и настроения учащейся молодежи в весьма нежелательном для метрополии направлении. В 1948 г. в колледже работали только два нигерийца: профессор О. Аджосе и доктор К.А. Абойоми (медицина), в 1949 г. их стало 6⁴.

В 1960 г. в Ибаданском университетском колледже основную массу преподавателей составляли иностранные специалисты. Их число превышало 200 человек. Сотни экспатриантов работали в научно-исследовательских институтах и лабораториях. В целом удельный вес иностранцев в общей массе работников интеллектуального труда составлял 45 – 50%⁵. Что касается основной массы преподавателей Ибадана, то она была крайне консервативна. Постоянный и жесткий контроль над системой университетского образования со стороны колониальных властей способствовал превращению колледжа в «кузницу» нигерийской интеллектуальной элиты, в меру образованной и послушной.

В 1950 г. в колледже обучались около 100 студентов, накануне провозглашения независимости (1959 – 1960 гг.) их было чуть больше тысячи. В целом выпускники Ибадана представляли собой малочисленную вестернизированную прослойку «черных европейцев», численность которой к 1960 г. вряд ли превышала 3 тыс. человек⁶. Ибаданский университетский колледж получил статус университета в 1962 г. Заимствованная с Запада англосаксонская традиция позволила новому высшему учебному заведению динамично развиваться. В 1960 – 1980-е гг. Ибаданский университет, ставший после провозглашения независимости самым популярным высшим учебным заведением Нигерии, «путеводной звездой», «символом академического мастерства», рос на глазах: открывались новые факультеты и отделения, немало талантливой молодежи пополнило ряды студентов и аспирантов, влилось в состав

преподавателей и сотрудников⁷. Ибаданские медики, фармацевты, агрономы, ветеринары, а также историки и экономисты пользовались широкой известностью в странах Тропической Африки.

В 1960 г. в Ибадане обучалось немногим более 1 тыс. человек, в 1970 г. – 3,5 тыс., в начале 80-х гг. – 11,5 тыс., в начале 90-х гг. – 12 тыс., в начале XXI в. – 12 645 чел. Таким образом, за более чем сорокалетний период независимости (1960 – 2005 гг.) число студентов выросло более чем в 12 раз. С середины 60-х гг. университет стал осуществлять подготовку бакалавров, магистров и докторов наук по двадцати специальностям, в числе которых: сельское хозяйство, экономика, биохимия, ботаника, химия, латинский и греческий языки, педагогика, театроведение, английский язык, лингвистика, география, лесоведение, математика, медицина, фармакология, физика, зоология, политические науки, социология, теология и т.д.⁸ На фоне энергетического кризиса, произошедшего в Нигерии в 1970-е гг., Ибаданский университет был на пике своего роста в интеллектуальном плане. За счет того, что особое внимание правящих кругов было обращено на образование, в частности выделялись некоторые денежные суммы, Нигерия стала современной развивающейся страной, чье общество нуждалось в высококвалифицированных кадрах.

Во второй половине XX в. в Африке престиж профессора университета оставался высоким. По данным проведенных в Ибаданском университете в 1963 г. социологических исследований, в ходе которых были опрошены 100 студентов экономического и медицинского факультетов, 62 человека поставили профессию преподавателя университета на первое место⁹. Материалы более поздних опросов свидетельствуют, что в 1980 – 1990-х гг. она продолжала лидировать в опросных листах (наряду с профессией врача, юриста, управляющего). Престиж гуманитарных знаний был выше, чем естественно-технических, прежде всего это касалось профессий историка, социолога, политолога¹⁰.

Несмотря на то что расцвет Ибаданского университета продолжался до 1983 г., он сумел сохранить за собой имя лучшего высшего учебного заведения Тропической Африки. Одно только его название уже говорит само за себя. Более того, оно стало неким лейблом, при произношении которого статус его не вызывает сомнения. Помимо вышеперечисленного, необходимо отметить, что Ибаданский университет – это вуз, имеющий мощнейшую инфраструктуру образования: студенческие и профессорские союзы, научные и интеллектуальные общества, крупнейшую библиотеку, научно-исследовательские лаборатории и центры. Под его эгидой выходят в свет множество научных периодических изданий, журналов и сборников. Наиболее читаемыми и популярными в

научной среде были: «Нигерийский журнал социально-экономических исследований», издаваемый совместно экономическим обществом и Нигерийским институтом экономических и социальных исследований, «Нигерийский журнал естественных наук» – печатный орган Нигерийской научной ассоциации, «Нигерийский географический журнал», публикуемый географической ассоциацией, и другие¹¹.

Сотрудники исследовательских центров Ибаданского университета работают над широким кругом проблем, касающихся развития различных отраслей промышленности и сельского хозяйства, внутренней и внешней политики. По данным международных справочников, они ежегодно публиковали десятки статей по интересующей их тематике в авторитетных научных журналах западноевропейских стран и США. Например, в «Индексе ссылок по общественным наукам» за 1990 г. сканировано 44 статьи, принадлежащих перу ибаданских специалистов¹². Ибаданский университет по-прежнему остается крупнейшим центром исследований в области медицины, сельскохозяйственных и общественных наук. По числу статей, сканированных в «Индексах...», ибаданские ученые заметно опережали не только специалистов всех других научно-исследовательских центров этого профиля, но и исследователей большинства африканских стран.

Таким образом, в рамках этого университета создана благоприятная атмосфера для интеллектуальной деятельности и есть все условия для научных исследований. Все это подтверждает его высокий статус и престиж обучения в нем. Более того, Ибаданский университет славится своими выпускниками. Одним из них является Воле Шойинка, лауреат Нобелевской премии 1986 г. в области литературы. Его автобиографическое произведение «Ибадан» служит достоверным источником о том периоде жизни, когда писатель обучался в этом учебном заведении. Гордостью университета стал и Чинуа Ачебе, выдающийся писатель. В его статьях, посвященных Африке в целом и Нигерии в частности, много информации об Ибаданском университете, о его нравах, традициях. Джон Пеппер Кларк тоже был выходцем из этого университета, однако упоминания о нем в его произведениях встречаются лишь косвенно.

Подводя итоги, необходимо отметить, что Ибаданский университет в Нигерии представляет собой престижное учебное, научное и интеллектуальное заведение неарабской зоны Нигерии. В настоящее время он является первым африканским интеллектуальным центром. Изучение его роли в становлении интеллектуальной элиты Африки представляется особо актуальным еще и потому, что в 2008 г. будет отмечаться 60-летний юбилей со дня его основания.

Примечания

- ¹ См. История Нигерии в новое и новейшее время. М., 1981. С. 301.
- ² См.: The International Journal of African historical studies. 1980. V. 13, № 4. P. 658–661.
- ³ Van den Berghe P. L. Power and privilege in an African university. L., 1973. P. 19.
- ⁴ См.: Ibadan voices. Ibadan university in transition. Ibadan, 1981. XXII. P. 39, 311.
- ⁵ См.: Ibadan voices. Op. cit. P. 77–84.
- ⁶ Подсчитано по: UNESCO. Statistical yearbook. 1963. P. 1964. P. 211; UNESCO. Statistical yearbook. 1968. P. 1969. P. 203–205.
- ⁷ Ibadan voices. Op. cit. P. 89, 263.
- ⁸ Подсчитано по: Ibadan voices. Op. cit. P. 300. University of Ibadan. 28th Foundation day anniversary. Adresses and citation. Ibadan, 1976. P. 6, 21.
- ⁹ См.: Nigerian Journal Of Economic And Social Studies. 1965. V. 7, № 3. P. 329.
- ¹⁰ См.: Гавристова Т. М. Африканские интеллектуалы за пределами Африки. Ярославль, 2002. С. 142.
- ¹¹ Africa south of Sahara. 1973. P.641. The World of Learning. 1982–1983. V. 1. P. 1035–1036.
- ¹² Подсчитано по: SSCI. Social science citation index. 1990. Annual corporate index. Source index. P. 1211–1215.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

История средневековой Руси

А.В. Кузьмичев

Сложение древнерусского иконостаса в иконах XII – XV веков

Как сложившееся явление иконостас известен с начала XV в. Первые русские иконостасы связаны с творчеством Феофана Грека и Андрея Рублева, но нельзя забывать, что в сложении иконостаса активную роль сыграла церковь в лице митрополита Киприана, а также Великий московский князь Василий Дмитриевич¹. Проблема путей сложения иконостаса может быть в некоторой степени решена, если обратиться к изобразительному материалу. До нашего времени дошло несколько икон XII – XV вв., где представлены изображения деисусных композиций. Как известно, деисусный чин – главный по смыслу в иконостасе. Слово «деисус» или «деисис» означает «моление». Проследить, как изменялось содержание и состав деисусных композиций, изображенных на иконах, а значит, понять пути развития деисусного чина и самого иконостаса – такую задачу исследователи еще не ставили. Она представляется тем более актуальной, что анализируемые нами иконы были созданы в те эпохи, от которых не сохранились храмы.

XII веком датируются две иконы деисуса, созданные во Владимире. Разный состав и иконография персонажей свидетельствует о том, что содержание деисусной композиции еще окончательно не сформировалось. Если на одной иконе представлены Спас, Богоматерь и Иоанн Предтеча, то на другой изображены Христос-Эммануил и два ангела, молитвенно склоняющихся к нему. Только с конца IV в. происходит размежевание двух основных типов изображения Христа – исторического и символического. Именно за символическим изображением Христа и сохранился образ младенца (отрока) и имя Эммануил. С этого времени Эммануил связывался с алтарем и жертвенником. Число изо-

бражений резко возрастает в те периоды, когда вновь вспыхивали споры о таинстве воплощения, о почитании икон или же о том, кому приносится евхаристическая жертва. Наряду с этими композициями во второй половине XII в. вновь широко распространяются изображения Эммануила с поклоняющимися ему ангелами. В данном «Чине» акцентируется мысль о таинстве воплощения и постоянном ангельском служении Эммануилу. В интерьере храма икона находилась над воротами жертвенника².

Икона «Илья Пророк» из с. Выбуты XIII в. находилась в местном храме. Кроме житийных клейм, здесь на верхнем поле представлена деисусная композиция. Деисус воплощает идею заступничества святых за род человеческий на Страшном суде. По церковной традиции Илья Пророк был вознесен на небо после жизни; он же перед Страшным судом будет встречать каждого человека. Икона могла быть поставлена в память о каком-то большом несчастье, постигшем Псков, как общее «моление» о душах погибших, чьим защитником на Страшном суде будет Илья. К таким событиям можно отнести нашествие немцев на Псков в 1240 г. или голод 1253 г.³

Икона «Николы» 1294 г. из Липенского монастыря Новгорода мастера Алексы Петрова представляет следующий шаг в развитии деисусного чина. В этом образе воплощена идея всеобщего заступничества, ходатайства за весь мир. На ней можно видеть многочисленные фигуры святых, которые превращают композицию в подобие иконостаса. В верхнем поле в центре – «Этимасия» (престол уготованный), а по сторонам – архангелы, апостолы; на боковых полях – святители и мученики. Подобное расположение святых по чину (архангелы, апостолы, святители, мученики) в молении о заступничестве – особенность русских деисусных чинов⁴.

Необычен деисус в псковской иконе «Сошествие во ад» XIV–XVI вв. В центре деисусного чина представлен Никола, по сторонам от него – Богоматерь и великомученник Георгий, архангелы Михаил и Гавриил, Дмитрий Солунский и Илья, Параскева Пятница и Козьма и Варвара. Вынос образа Николы в центр деисусного чина говорит об исключительном месте, которое занимал святой в русском сознании. С его именем связывается надежда на избавление после смерти от геенны огненной и от адских мук. Интересно, что в композиции отсутствует Иоанн Креститель, а вместо него изображен Св. Георгий. Нет здесь и привычных апостолов и святителей, вместо них – мученики⁵.

Икона «Деисусный чин и молящиеся новгородцы» второй половины XV в. показывает утвердившийся к этому времени деисус. Изобра-

женные на иконе бояре были прихожанами церкви Спаса на Ильине улице и Знаменского собора, откуда и происходит икона. Икона является вариантом особого рода композиций, известных в искусстве византийского круга, — двухъярусных деисусных чинов, где нижний ярус отведен фигурам земных заступников. Но в этой иконе изображены предки боярина Антипы Кузьмина⁶. Здесь выражена мысль о заступничестве умерших в загробном мире за живых. Данная икона свидетельствует о том, что к XV в. в Новгороде оформился особый тип изображения Христа в деисусе («Спас на престоле»), тогда как в Центральной России изображался «Спас в силах».

Формирование содержания и смысла, правил расположения икон, иконографии святых происходило не сразу. Устойчивые правила устанавливаются лишь к XV в. Формирование иконостаса шло как по пути разработки символики, так и в плане закрепления в нем образов тех или иных святых. Идея деисусного чина иконостаса совершенствовалась в связи с развитием чина православной службы. Деисус воспринимался как образ будущего Страшного Суда и установления высшей справедливости. Это был и образ торжества Церкви, ее высшего единства. Отсюда в центре деисусного чина изображали Христа как судию (на престоле) и в окружении небесных сил. Христу по значимости (по чину) предстоят святые всех категорий святости, объединенные общей молитвой.

Примечания

¹ См.: Грабарь И.Э. История русского искусства. Т. 6: Допетровская эпоха. М., 1919. С. 212–214.

² См.: Лифшиц Л.И. «Ангельский чин с Эммануилом» и некоторые черты художественной культуры Владимиро-Суздальской Руси // Древнерусское искусство. М., 1988. С. 211–230.

³ См.: Лифшиц Л.И. Очерки истории живописи древнего Пскова. Середина XII – начало XV века: Становление местной художественной традиции. М., 2004. С. 72–116.

⁴ См.: Смирнова Э.С. Икона Николы 1294 года мастера Алексы Петрова // Древнерусское искусство. М., 1975. С. 81–105.

⁵ См.: Шалина И.А. Псковские иконы «Сошествие во ад»: О литургической интерпретации иконографических особенностей // Восточнохристианский храм. Литургия и искусство. СПб., 1994. С. 230–256.

⁶ См.: Смирнова Э.С. Живопись Великого Новгорода. М., 1982. С. 246–248.

Косторезное ремесло средневекового Ярославля (по материалам Успенского раскопа 2004 – 2005 гг.)

Ремесло являлось неотъемлемой частью жизнедеятельности человека средневековой Руси. Многочисленные археологические источники подтверждают существование еще в домонгольскую эпоху деревообрабатывающего, косторезного, кузнечного, ювелирного, кожевенного и других ремесел на всей территории Древнерусского государства.

Одним из самых распространенных видов производства, вероятно, была резьба по кости. Существовал ряд факторов, способствующих широкому применению кости в качестве материала для изготовления разнообразных изделий, таких как доступность, легкость и примитивность обработки, прочность. Именно поэтому костяные предметы являются одной из массовых категорий находок, обнаруженных в результате археологических исследований на различных древнерусских памятниках. Изделия, изготовленные из кости весьма разнообразны – от предметов туалета, украшений, предметов культа до орудий, связанных с домашним производством и промыслами. Поэтому изучение таких вещей очень важно для реконструкции повседневного быта человека в средние века.

Существует много вариантов классификации костяных предметов, но наиболее приемлемым, на наш взгляд, является деление изделий из кости на две большие группы:

- 1) предметы быта и вооружение;
- 2) туалетные принадлежности.

Косторезное ремесло было достаточно широко распространено в Ярославле, о чем свидетельствуют многочисленные костяные изделия, встреченные в ходе археологических исследований на территории города, в том числе на самом большом раскопе – в районе Стрелки на месте бывшего Успенского собора в 2004 – 2005 гг. (1200 м²).

В результате работ на Успенском раскопе были обнаружены около 50 костяных вещей¹. Среди них к изделиям первой группы отнесены следующие категории предметов:

- ♦ рукояти (9 экз.; примерная датировка XII – XIV вв.);
- ♦ кочедыки – предметы, использовавшиеся в Древней Руси для плетения лаптей (7 экз.; XII – XIII вв.);

- проколки (3 экз.; XII – XIII вв.) применялись для проделывания отверстий, прорезов в мягких материалах, например, в коже;
- наверхия (2 экз.; XV – XVI вв.), вероятнее всего, не имели практического применения, а служили украшением какого-либо предмета, например писал;
- челнок (1 экз.) – неотъемлемая часть ткацкого станка (датировку установить невозможно из-за нарушенной стратиграфии слоя);
- томар (1 экз.; начало – середина XIII в.) – костяной затупленный цилиндр с несквозным отверстием, который предназначался для охоты на пушного зверя; и т.д.

Среди предметов второй группы выделяются:

- гребни (13 экз., среди них типа «Е» (3 экз.) – конец XI – конец XIII вв.; «Л» (3 экз.) – XII в.; «Д» (2 экз.) – XII – XIII вв.; «М» (2 экз.) – XII – начало XIII вв.; «К» (1 экз.) – первая половина XII – первая половина XIV вв. по типологии Б.А. Колчина²);
- накладки (4 экз.; XII–XIII вв.), которые служили украшением какого-либо изделия, например гребня, лука;
- пуговицы (3 экз.; XIII в.);
- подвеска-крест (XIII – XIV вв.)
- предметы для настольных игр (шахматная фигура и 5 игровых костей – XII – XIII вв.) и т.д.

Предметы второй группы составляют примерно половину найденных вещей, тогда как на основной части древнерусских памятников количественное большинство почти всегда принадлежит предметам быта, вооружению. Высокое качество обработки некоторых костяных вещей наводит на мысль об использовании токарного станка для их производства (например, подвески-креста³, шахматной фигуры⁴). Вызывает сомнение местное происхождение ряда костяных изделий, например, таких, как наверхия⁵, до 2005 г. не встречавшихся в культурном слое Ярославля. Аналогии данным изделиям имеются в Москве (раскопки на Манежной площади)⁶. Большинство костяных вещей из Успенского раскопа могут служить доказательством существования в Ярославле местной резьбы по кости как минимум на непрофессиональном уровне. Основная часть изделий была произведена вручную и использовалась по назначению самими изготовителями.

Примечания

¹ Опись находок Успенского раскопа в 2004 г., опись находок Успенского раскопа в 2005 г. // Архив Ярославского историко-архитектурного художественного музея-заповедника (далее Архив ЯИАХМЗ).

² Колин Б.А. Хронология Новгородских древностей // Новгородский сборник. Новгород. 1992. С. 166.

³ Опись находок Успенского раскопа за 2005 г // Архив ЯИАХМЗ. № 1116.

⁴ Там же // Архив ЯИАХМЗ. № 1461.

⁵ Там же // Архив ЯИАХМЗ. № 578, 1303.

⁶ Сведения любезно предоставлены сотрудником Института Археологии РАН канд. ист. наук Д.О. Осиповым.

Т.Н. Марасанова

Тирания Ивана Грозного в оценках исследователей

В «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона слово "тирания" означает жестокое правление, произвол, насилие, угнетение, мучение, притеснение кого-либо, а тираном называют жестокого, хотя и законного государя¹. Впервые Ивана IV называли тираном современники-иностранцы Г. Штаден и Д. Флетчер². Джером Горсей говорил о нем как о «жестоком, кровожадном, безжалостном человеке»³. Из исследователей термин тиран по отношению к царю в своей работе «История Российская» употребляет Р.Г. Скрынников, но в других своих работах тираном Ивана IV он не называет. Также говорит об Иване IV как о тиране А.А. Булычев⁴. Остальные исследователи в своих работах слово «тиран» не употребляют, но говорят об Иване Грозном как о жестоком правителе, власть которого была основана, особенно в период опричнины, на мучении, произволе, угнетении. В то же время А.А. Зимин, Ф. Павленков, А.Я. Дегтярев, С.Ф. Платонов, В.О. Ключевский, П.А. Садиков не пишут о том, насколько тирания была оправдана и за что казнили неугодных царю людей. Д.Н. Альшиц, Р.Г. Скрынников и С.М. Соловьев в своих работах постоянно говорят о казнях и бесчинствах Ивана Грозного.

Д.Н. Альшиц отмечает, что факторами вызревания опричнины и последующего произвола были как объективные моменты социально-политического развития Московского государства, так и субъективные. Вызревание опричнины переросло в государственный переворот с целью установить полную и твердую власть царя⁵. В.О. Ключевский, С.М. Соловьев, П.А. Садиков, А.А. Зимин и С.Ф. Платонов признают, что она была учреждена потому, что Иван IV заподозрил вельмож в неприязни к себе и хотел иметь при себе лично преданных людей, а неугодных решил казнить⁶. Однако Р.Г. Скрынников говорит о том, что учредить опричнину Ивану IV посоветовали соратники, причем устано-

вить именно диктатуру, террор, с помощью которых он сможет сокрушить оппозицию⁷. Главной задачей политической борьбы Д.Н. Альшиц считает внесение раскола и вражды в среду своих подданных⁸. Установление опричнины было хорошо продуманным шагом со стороны Ивана Грозного, ему удалось устранить сопротивление старого Государева двора и установить свою диктатуру. Тот, кто не был согласен с Иваном IV и установившимся новым режимом, подлежал наказанию, вплоть до смертной казни. А.А. Булычев отмечает: «Репрессии, которым подверглись многие люди, были расчетливой, холодной политической волей Ивана IV, который перепутал христианскую идею неограниченной власти самодержавного монарха с правом на вседозволенность»⁹.

Р.Г. Скрынников пишет о том, что казни не всегда были оправданы и истребление людей доходило до сотен тысяч человек¹⁰. С.М. Соловьев в какой-то степени оправдывает Ивана IV и говорит о том, что его жестокость, возможно, объясняется суровостью нравов того времени; борьба между старым и новым уже шла давно и приняла такой характер, который не мог содействовать «умегчению» нравов, кроме того, даже сами приспешники Грозного убеждали его в необходимости насилия, так как в обстановке острого внутреннего кризиса всякое проявление слабости могло иметь катастрофические для власти последствия¹¹. Как отмечает П.А. Садиков, Иван IV не создал одного из самых высших прав – права быть верховным наставником, воспитателем народа. Он пошел по более «легкому» пути – пути казней, костров, пыток¹².

О том, оправданы ли были его казни или нет, в своей переписке с князем Андреем Курбским Иван Грозный говорит, что все казни были оправданы, потому что казненные плели интриги против него, замыслили заговор. Иван IV обвиняет их и говорит о том, что у них был «шанс спастись, но они этим шансом не воспользовались»¹³. Ф. Павленков видит в Иване Грозном деспота и объясняет это тем, что он требовал одобрения, восторгов и похвалы за каждый свой поступок, каким бы он ни был. «Все от начала до конца говорит о разгуле личной страсти, решившейся отречься от каких бы то ни было стеснений»¹⁴.

А.Я. Дегтярев отмечает, что на протяжении всего периода царствования Грозному иногда мерещились измены и нередко действительно были предательства и заговоры¹⁵. Во всех людях Иван Грозный видел своих врагов. Возможно, эта опасность и породила в нем тирана, который не останавливался ни перед чем, чтобы наказать своих обидчиков, изменников и просто неугодных ему людей. Он явно переусердствовал, и его правление превратилось в тиранию, направленную против всех.

Р.Г.Скрынников помещает «Синодик опальных царя Ивана Грозного» в одну из своих работ¹⁶, который включает в себя большое количество имен.

Практически все исследователи, за исключением Р.Г. Скрынникова и А.А. Булычева, термин «тирания» в своих исследованиях не употребляют. Возможно, это связано с тем, что в предшествующую эпоху также были и пытки, и казни. Если сравнить это с Западом, то можно увидеть то же самое, что и при Иване IV. Как отмечает Н. Попов, кровавое правление Ивана Грозного вполне вписывается в эпоху Людовика XI Французского, Генриха VIII и Марии Кровавой в Англии, герцога Альбы в Нидерландах, когда были убиты десятки тысяч протестантов, Филиппа II Испанского¹⁷. А.Я. Дегтярев отмечал, что во Франции только в одну теплую августовскую ночь 1572 г. накануне дня святого Варфоломея религиозные фанатики вырезали тысячи гугенотов¹⁸.

Следует признать, что термин «тирания» растворился в таких понятиях, как жестокость, угнетение, кровожадность, и авторы, используя эти слова, подразумевают тиранию.

Примечания

¹ См.: Брокгауз Ф.А., Эфрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. 65. СПб., 1901. С. 224.

² См.: Штаден Г. Записки немца-опричника. М., 2002; Флетчер Дж. О Государстве Русском. М., 2002. С. 47.

³ Горсей Д. Записки о России XVI – начала XVII вв. М., 1990. С. 93.

⁴ См.: Булычев А.А. Между святыми и демонами: Заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. М., 2005. С. 177.

⁵ См.: Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России. Л., 1988. С. 111–112.

⁶ См.: Зимин А.А. Опричнина. М., 2001; Ключевский В.О. Исторические портреты. М., 1990; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 5–6. М., 1963; Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950.; Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI – XVII вв. М., 1995.

⁷ См.: Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 1983. С. 101.

⁸ См.: Альшиц Д.Н. Указ. соч. С. 117.

⁹ Булычев А.А. Указ. соч. С. 177.

¹⁰ См.: Скрынников Р.Г. Иван Грозный. С. 138.

¹¹ См.: Соловьев С.М. Указ. соч. С. 712–713.

¹² См.: Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 63.

¹³ Переписка Ивана Грозного с Курбским / Ред. Я.С. Лурье, Ю.Д. Рыков. М., 1981. С. 144.

¹⁴ Павленков Ф. Иоанн Грозный, Петр Великий, Меншиков, Потемкин, Демидовы. Челябинск, 1994. С. 42.

¹⁵ См.: Дегтярев А.Я. Трудный век Русского царства. Л., 1988. С. 65.

¹⁶ См.: Скрынников Р.Г. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный. Смоленск, 1990. С. 432.

¹⁷ См.: Попов Н. Послесловие // Павленков Ф. Иван Грозный, Петр Великий, А.Д. Меншиков, Г.А. Потемкин. М., 1998. С. 343.

¹⁸ См.: Дегтярев А.Я. Указ. соч. С. 66.

Н.Г. Новосёлова

Малые города Верхнего Поволжья в период Смутного времени

В отечественной урбанистике существует обширная историография, затрагивающая различные аспекты исторического развития старинных русских городов. При этом основное внимание ученых сконцентрировано на столичных городах Москве и Санкт-Петербурге, а также на ряде крупных губернских центров. Долгое время «в тени» оставались вопросы изучения истории малых городов России, в том числе и Нерехты. В современных условиях назрела насущная необходимость исследования социально-политических и экономических процессов на документальном материале малых городов нашего Отечества. «Что город, то норы, что деревня, то обычай. Место и время дает формы предметам: тожество в многообразии», – отметил русский историк XIX в. И.М. Снегирев¹. Костромской край находился на землях, где в XIV – XVII вв. активно шли процессы формирования русского народа, складывания и развития русского централизованного государства.

В эпоху Смутного времени мирное течение жизни русского общества было прервано. С 1605 г., после появления в России войск Лжедмитрия I жители Верхнего Поволжья повели тяжелую и кровопролитную борьбу с польско-литовскими интервентами. Захватив огромный по территории и богатый край, враги приступили к грабежу и разбою на занятой ими территории. Они оскорбляли национальные и религиозные чувства людей, глумились над их святынями, расхищали имущество и сжигали дома мирных жителей.

Народным ответом на насилие интервентов было сначала глухое и робкое, затем открытое недовольство и ненависть местного населения, готовые в любой момент вылиться в вооруженное восстание. Лжедмитрий I был сильно обеспокоен этими событиями и пытался снизить накал народных волнений. Например, когда в 1605 г. был «розорен» Ни-

колаевский монастырь в Плесе, он дал «игумену Пимену с братьею» тарханную грамоту², «пожаловал» их «деревнями, и починки, и пустоши, владети по старине», разрешил «роспаши, и пожни ведати и пахати» и «деревни и починки ставити». Кроме того, Лжедмитрий I освободил монахов и монастырских крестьян от выплаты податей и подсудности «воеводам, и наместником, и городовым приказщиком, и губным старостам, и выборным судьям, и архиепископу, и дворетцкому и дьяком и десятильником»³. Однако прекратить разбой своего войска Лжедмитрию I так и не удалось.

Василий Шуйский, свергнувший Лжедмитрия I в 1606 г., пользовался поддержкой населения центральной и северо-восточной части страны. Основной движущей силой борьбы с интервентами являлись, прежде всего, посадские люди и крестьяне. В Верхнем Поволжье, как и по всей стране, возникло и начало набирать силу освободительное движение. Выражая взгляды и чувства всех русских людей, жители Солигалича в отписке царю Василию Ивановичу Шуйскому 15 марта 1609 г. писали: «И впредь мы, сироты твои Государевы, за святые Божии церкви, и за тебя Государя Царя и Великого князя Василья Ивановича всеа Руси, и за всю православную крестьянскую веру и за свои дома, рады помереть заодин и с твоими Государевыми изменники битися до смерти»⁴.

В 1608 г. в районе Кинешмы вспыхнуло антипольское восстание, которое пытался подавить польский гетман пан Лисовский. Под его командованием большой отряд поляков опустошил Плес. Однако жителей Костромской земли это не остановило, и в ноябре 1608 г. началось восстание в Галиче. Освободительные действия галичан были немедленно поддержаны северянами. В начале 1609 г. восставшие подошли к Костроме и освободили город от поляков. Затем они двинулись к Ярославлю, однако часть бояр и дворян изменила делу освобождения. Лисовский занял Кострому и, собрав значительные силы, направился к Галичу. В результате город был сожжен, а Лисовский принудил жителей Галича и Солигалича присягнуть на верность Лжедмитрию II⁵.

В 1609 г. другой отряд во главе с паном Стравинским двигался от Ярославля к Костроме. Поляки должны были пройти через Нерехту, что неизбежно ставило её под угрозу грабежа, разбоя и разорения. Решив принять сражение, нерехтчане, большесольцы и крестьяне окрестных деревень собрались вместе, вооружились копьями, луками и дали полякам бой у Больших Солей. Польский отряд превосходил местное население в количественном отношении, в вооружении и в во-

инском искусстве, что предопределило его победу. Поляки жестоко отомстили нерехтчанам и большесольцам за сопротивление. В Нерехте разгром был настолько чудовищным, что даже спустя 12 лет после него, в 1621 г., город представлял собой страшную картину опустошения: «228 пустых дворовых мест – две трети всех дворов, 36 пустых лавочных мест – около одной трети всех лавок, 23 – из двадцати пяти – закрывшихся варниц»⁶. П.Е. Навоев считал, что после этого разгрома Нерехта так и не смогла оправиться⁷. События Смутного времени значительно ухудшили и без того нелёгкое экономическое положение нерехтчан и вылились в «бунташные» настроения «посадского люда» и жителей окрестных сёл и деревень XVII столетия.

Таким образом, жители малых городов наряду с населением всей страны участвовали в освободительной борьбе 1605 – 1612 гг. против польско-литовских захватчиков. Благодаря самоотверженности и мужеству русского народа, России удалось выстоять в это непростое время, дать отпор интервентам и сохранить свою независимость.

Примечания

¹ «Милостивый государь Михаил Яковлевич»: Письма от Михаила Диева к И.М. Снегиреву. М., 1909. С. 12.

² Тарханная грамота Лжедмитрия Плесскому Николаевскому монастырю // Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 2. № 347. С. 412–415.

³ Там же. С. 414.

⁴ Отписка Царю сольгаличан // Там же. № 177. С. 206.

⁵ См.: Козляков В.Н. Служилый город Московского государства XVII века (От Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000. С. 44.

⁶ Диев М.Я. История города Нерехты. Л.29.

⁷ См. Навоев П.Е. Описание Костромской губернии. Б. м., б. г. С. 55.

История Российской империи (XVIII – начало XX вв.)

Портрет Екатерины II (на основе «Записок»)

Уже в юном возрасте Екатерине были присущи изрядная наблюдательность, склонность к самостоятельным суждениям, умение неплохо разбираться в людях. Всё это подтверждают слова Н.М. Карамзина относительно мемуаров Екатерины: «Очень любопытно! Двор Елизаветы как в зеркале»¹. Принцессе всё очень понравилось в новой стране, включая будущего супруга. Она пишет: «Великий князь казалось был рад приезду моей матери и моему»². Пётр Фёдорович поначалу ощущал к Екатерине если не любовь, то симпатию и родственные чувства. Однако скоро невеста настороженно замечает, что великий князь не ценит русский народ, своих приближенных. Он неприятно удивляет Екатерину тем, что простодушно признаётся ей в своей влюблённости во фрейлину императрицы. Будущая императрица отмечает: «Я слушала краснея эти родственные разговоры»³. Юная принцесса отлично понимала: чтобы покорить императрицу, завоевать популярность, ей необходимо стать столь же русской, как если бы она родилась на этой земле: «Её желание «обрусеть» было так велико, что учитель русского языка не нахвалится старанием своей ученицей»⁴. Будущая императрица с интересом занималась русским языком, усваивала основы православной веры.

Вскоре после прибытия Екатерина тяжело заболела. Мать решила пригласить к ней лютеранского священника, но та отказалась, изъявив желание беседовать со своим наставником в православии Симеоном Тодорским. Результат не заставил себя ждать: «Это очень подняло меня во мнении императрицы и всего двора»⁵. Смекалка помогала Екатерине использовать любую сложную ситуацию: «Я привыкла во время болезни лежать с закрытыми глазами; думали, что я сплю, и тогда графиня Румянцова и находившиеся при мне женичины говорили между собой о том, что у них было на душе, и, таким образом, я узнавала массу вещей»⁶. Екатерина стремится контролировать своё поведение, следуя точно выработанной программе: почитать мать, выказывать послушание императрице и отменное уважение великому князю, приобретать расположение общества⁷.

Будущая государыня была требовательна к себе и крайне принципиально относилась к выполнению поставленных перед собой задач.

Чувство собственного достоинства побуждало Екатерину самостоятельно преодолевать обиды, не демонстрируя их публично во избежании сочувствия: *«Я считала себя униженной, если бы мне выразили участие, которое я могла бы принять за жалость»*⁸. Несомненно, она обладала большой силой воли.

В мемуарах великая княгиня пытается взглянуть на себя со стороны и в то же время даёт идеализированную характеристику своей личности, отмечая благородство, более мужской нежели женский склад ума, внешнюю привлекательность. Екатерина II не была лишена тех качеств, которые при соответствующей обработке превращаются в талант. Завоёвывая симпатии окружающих, она работала над собой. Невеста наследника очень скоро приспособилась к новым условиям. Она была целеустремлённым человеком, способным бороться за осуществление своей мечты.

Примечания

¹ Михайлов О.Н. Екатерина II – императрица, писатель, мемуарист // Сочинения Екатерины II. М., 1990. С. 202.

² Екатерина II. Памятник моему самолюбию. М., 2003. С. 182

³ Сочинения Екатерины II. М., 1990. С. 28.

⁴ Оболенский Г.Л. Век Екатерины Великой. Время героев и героических дел. М., 2001. С. 24.

⁵ Сочинения Екатерины II. С. 30.

⁶ Там же.

⁷ См.: Там же. С. 45.

⁸ Там же. С. 49.

Н.В. Лисицина

Крестьянская преступность и её проявление в семье (на примере Ярославской губернии в конце XVIII – первой половине XIX вв.)

Внутрисемейная преступность в среде крестьянства имела свои особые черты: правонарушения, направленные против имущества, были малочисленны по сравнению с правонарушениями против жизни и здоровья. Преступления против собственности совершались в форме воровства или кражи, как, например, в случае с «крестьянской женой»

Авдотьей Ермолаевой, которая украла у своего мужа «деньги, вещи и лошадь»¹, или в форме порчи имущества. Примером служит дело о поджоге дома собственного свёкра крестьянкой Марфой Ивановой, при этом сгорели ещё 11 домов этой деревни². Женщине очень повезло, что она предстала именно перед государственным правосудием, так как по царившим в русской общине обычаям она могла подвергнуться линчеванию.

Мотивация совершения преступлений против имущества родственников являлась отличной от подобных правонарушений, направленных против собственности посторонних лиц: побуждающим посылom в данных случаях было не столько желание обогатиться, сколько обида либо стремление отомстить, например, за жестокое обращение с собой. Существовало три основных вида правонарушений этой категории, а именно: убийства, преступления сексуального характера и нанесение физического вреда здоровью, которое в большинстве случаев выражались в побоях. Побойи не только не порицались, но даже считались полезными: *«Чем больше бьёшь жену, тем щи вкусней»*, а потому иногда они могли даже поощряться – *«Люби жену как душу, трясси её как грушу»*³. Иногда жестокое обращение становилось причиной совершения более тяжких преступлений. Так, сын убил своего отца за то, что последний регулярно, «напившись допьяна», терроризировал всю семью⁴, за то же самое крестьянка Дарья Тимофеева пыталась убить своего мужа⁵.

Другой особенностью внутрисемейной преступности было то, что злодеяния совершались фактически беспричинно. Таких примеров масса: двое крестьян независимо друг от друга убили своих жён, находясь в состоянии «душевного расстройства»⁶, несколько крестьянок в подобном состоянии убили своих малолетних детей. По этой же причине совершались практически все преступления сексуального характера, иначе как объяснить, например, факт домогательства крестьянина Матвея Андреева к своей 11-летней дочери⁷. В других случаях главными причинами преступлений были межличностные конфликты. Крестьянка Василиса Филиппова убила супруга с помощью другого крестьянина, бывшего долгое время её любовником, из-за нежелания жить с ним, хотя муж очень хорошо к ней относился⁸.

Абсолютное большинство правонарушений не были спланированы заранее и совершались по «пришедшей мысли», в большинстве случаев виновные сами сознавались в содеянном. Например, крестьянка, убившая своего годовалого сына, сама немедленно пошла к дальним родственникам из той же деревни и рассказала о произошедшем, а те сооб-

щили старосте, и таким образом дело дошло до суда⁹. Изредка совершались попытки бегства, какую предприняла женщина, пытавшаяся убить мужа. На несколько дней после этого она исчезла из своей деревни, но, в конце концов, вернулась и при участии старосты призналась во всём¹⁰. Зачастую преступления совершались в тех семьях, где были отходники, причем интересно отметить, что совершали их не сами отходники, люди, по выражению А.Ф. Кони, «хлебнувшие Москвы и Петербурга»¹¹, а остававшиеся дома члены семьи. Вполне наглядным является случай с «крестьянской женой», которую «без всякой вины» ежедневно жестоко избивал свекор, в то время как её муж в это время находился в Петербурге¹².

В основе большинства правонарушений лежали межличностные конфликты, во многом обусловленные традиционными особенностями крестьянской жизни (такими, например, как приниженное положение женщины, снохачество), своё негативное влияние оказывали и такие факты, как отходничество и часто встречаемые душевные болезни у крестьян.

Примечания

¹ Государственный архив Ярославской области (далее ГАЯО). Ф. 150. Оп. 1. Д. 219.

² См.: ГАЯО. Ф. 150. Оп. 1. Д. 1809.

³ Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1997 С. 243.

⁴ ГАЯО. Ф. 150. Оп. 1. Д. 2824.

⁵ Там же. Д. 96.

⁶ Там же. Д. 651, 881.

⁷ Там же. Д. 1144.

⁸ Там же. Д. 220.

⁹ Там же. Д. 2316.

¹⁰ Там же. Д. 96.

¹¹ Кони А.Ф. Избранное. М., 1989 С. 55.

¹² ГАЯО. Ф. 150 Оп. 1. Д. 297.

**Женщина в духовном сословии
в конце XVIII – начале XX вв.
(на материалах Ярославской епархии)**

По словам Т.Г. Леонтьевой, женщина из духовного сословия, попадья – «самый неуловимый типаж социальной истории старой России»¹. Ни дореволюционные, ни современные историки практически не обращались к этой теме. Источниковая база также не отличается широтой. В основу данного исследования легли источники личного происхождения, их дополняют законодательные акты, формулярные ведомости, материалы судебно-следственных дел и описи имущества.

Статус женщины в духовном сословии соответствовал статусу ее отца, а затем мужа. Верхнюю ступень этой лестницы занимали супруги протоиереев и священников (протопопицы и попадьи). Затем шли жены дьяконов – дьяконицы и, наконец, псаломщицы (в первой половине XIX в. делились на дьячих и пономариц). В среде приходского духовенства сложилось сугубо прагматическое отношение к браку. Брак в это время был одним из основных способов поступления на должность. В духовном сословии наследование профессии шло не только по мужской, но и по женской линии. В этом случае за одной из дочерей клирика для ее будущего мужа закреплялось место ее покойного или престарелого отца и церковная должность рассматривалась в известной мере как приданое.

Церковные власти на наследственность в сфере занятия церковных должностей смотрели как на способ социальной помощи, возможность обеспечить вдов, сирот и престарелых родителей умерших клириков. Епархиальные архиереи поощряли браки кандидатов на вакантные должности с дочерьми не просто духовных лиц, а клириков того же ранга, причем преимущественно с сиротами. Сватовство в семьях духовенства часто напоминало сделку, где обе стороны старались не продешевить. Н.Г. Помяловский писал в «Очерках бурсы»: *«Бывало и то, что до самого венца роль невесты брала на себя ее родственница, молодая и недурная собой женщина, иногда замужня, и уже только в церкви по левую руку жених видел какого-нибудь монстра...»*². Для большинства женщин было характерно раннее вступление в брак. Например, дьячок села Абакумцево Ярославского уезда женился в 21 год на девушке 14 лет. Она вспоминала впоследствии: *«В годовые праздники батько пиру-*

*ет с гостями, а я играю в светелке с куклами»*³. Как правило, муж в духовных семьях был старше жены. Однако с ростом количества священнослужителей, имеющих полное семинарское образование и закончивших духовные академии, разница в возрасте постепенно увеличивается.

Источники мемуарного характера часто рисуют идиллическую картину, где жена клирика предстает образцовой женой и матерью, верной помощницей мужа во всех его делах, и по приходу, и по домашнему хозяйству. Иную картину открывают нам материалы архивных фондов, прежде всего, судебно-следственные дела. Так, в фондах Ярославской духовной консистории и духовных правлений сохранились жалобы от жен духовенства с просьбами оградить от грубостей и побоев со стороны мужа. Например, жена пономаря села Мирославки Ярославского уезда писала в своем прошении: *«Муж мой не живет со мною по согласию супружескому, всяким образом меня притесняет, пропитания не дает и даже бьет жестоко и безвинно»*⁴. Пономарь села Спасского Семен Федоров выгнал свою жену из дома с пятинедельной дочкой, когда она не согласилась заложить платье из приданого⁵. Большинство судебных дел, заведенных по прошениям жен приходских клириков, завершались примирением и письмом женщины, где она объясняла, что все неполадки в браке произошли по ее вине. Вот одно из наиболее ярких и интересных писем, написанное женой священника Серафимой Жущиковой: *«... я оскорблялась по пустякам, ... не употребляла усилий применяться к его характеру и требованиям, я была капризна и неуступчива, ... я вводила мужа в невольные грехи слова и дела, я расстраивала его душу, вместо того, чтобы ее умиротворить и успокоить»*⁶.

Что же заставляло женщину отказываться от своего прошения? Вероятнее всего, главной причиной были культивируемые в среде духовенства традиции христианского смирения и всепрощения, уважения и покорности к мужу. Немалую роль играла также и возможность остаться без средств к существованию. Нетрудно представить, насколько отчаянным было положение женщины, решившейся в таких условиях написать прошение в консисторию.

В семьях духовенств имели место не только побои, ни и случаи адюльтера. Например, в 1855 г. в консистории разбиралось дело «о любовной связи пономаря Николая Власова с просвирней Александрой Петровой». Жена пономаря писала, что ее муж *«не перестает иметь любодеяние, без всякого зазрения ходит к ней [просвирне] в дом днем и ночью, ... за удержание его от любодеяния ... мне частовременные на-*

носит побои, от которых я делалась почти без памяти»⁷. Дело завершилось удалением просвирни Александры Петровой из этого прихода.

Главной задачей брака в рассматриваемый период являлось «воспроизводство» себе подобных. По сведениям Б.Н. Миронова, крестьянская женщина, находившаяся весь репродуктивный период в браке, рожала примерно 10 – 11 раз, при этом каждый третий из рожденных детей умирал в течение первого года жизни, и только каждый второй доживал до 20 лет⁸. В определенной мере это было характерно и для семей духовенства. Например, митрополит Евлогий (Георгиевский) вспоминал, что в его семье родилось 14 детей, из них лишь 7 выжили⁹. В среднем в семьях духовенства было 4 – 5 детей. Ведущую роль в их воспитании играла мать. В семьях духовенства даже при наличии материального достатка не принято было нанимать гувернанток. Образ матери занимает ведущее место в большинстве детских воспоминаний. Многие клирики подтверждали, что их первые религиозные впечатления были связаны именно с материнскими уроками и наставлениями.

Нередко за замужеством следовало вдовство. В первой половине XIX в. вдове было несколько проще, так как существовала возможность «закрепления» места за одним из детей до его совершеннолетия либо передача места в качестве приданого за дочерью. Дети-сироты, как правило, обучались в духовных учебных заведениях на казенном содержании. В 1823 г. возникло Попечительство о бедных духовного звания. Прежде чем выдать пособие, Попечительство выясняло, нет ли у вдовы каких-либо родственников, могущих оказать помощь, не получает ли она пособия от поступивших на место мужа, какого она поведения и где проживает¹⁰. Пособие, выдаваемое Попечительством, как правило, было небольшим: от 6 до 45 руб. в год. Иногда вдове выдавалось единовременное пособие в размере 50–100 руб. для выдачи дочери замуж. Но капиталы Попечительства были невелики, оно не могло охватить всех вдов и сирот, хотя количество лиц, получающих пособие, постепенно увеличивалось. Например, в 1825 г. по Ростову и Ростовскому уезду 59 вдов получали пособие, в 1831 г. – 85, а в 1835 г. – 100 человек¹¹.

В еще более незавидное положение попадали те дочери клириков, которых родители не смогли выдать замуж за неимением приданого. Например, у дьякона Стефана Князева было 6 дочерей, лишь одну из них пристроил из милости его родственник, остальные остались в девицах, *«решившись работать до смерти своей на родителей, братьев, племянников и внуков»*¹². Эти женщины либо всю жизнь жили в качестве приживалок в семьях родственников, либо получали мизерное посо-

бие от Попечительства, либо жили «на содержании от трудов своих»¹³. Нередко эти женщины решались на такой шаг, как рождение ребенка вне брака. Например, дочь священника девица Анна Петрова 37 лет в 1852 г. родила дочь Дарью. На нее было возложена семилетняя церковная публичная епитимия: «в воскресные и праздничные дни ... полагать по 10 земных поклонов с произношением молитвы, во все посты исповедоваться...»¹⁴. Часто такие проступки карались исключением из духовного звания, т.е. лишением всех мер социальной защиты.

Таким образом, для женщины из среды приходского духовенства в рассматриваемый период было два пути: выйти замуж либо остаться «старой девой». При этом выбор того или иного пути меньше всего зависел от самой женщины. Несмотря на свое бесправное положение, именно женщина в духовных семьях определяла уклад семейной жизни и оказывала решающее влияние на воспитание детей.

Примечания

¹ Леонтьева Т.Г. Матушка. О попадьях, поповнах и «тонких материях» семейного бытия // Родина. 2001. № 10. С. 48.

² Помяловский Н.Г. Очерки бурсы // Помяловский Н. Г. Мещанское счастье. Молотов. Очерки бурсы. М., 1984. С. 340.

³ Картины прошлого // Ярославские епархиальные ведомости. (ЯЕВ) 1900. Ч. неоф. № 43.

⁴ Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 230. Оп. 1. Д. 7312. Л. 1.

⁵ Рыбинский филиал ГАЯО. Ф. 210. Оп. 1. Д. 2129. Л. 1.

⁶ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 6. Д. 849. Л. 63 об.

⁷ Там же. Д. 203. Л. 1–2.

⁸ См.: Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. Т. 1. СПб., 2003. С. 233.

⁹ См.: Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. М., 1994. С. 6.

¹⁰ ГАЯО. Ф. 617. Оп. 1. Д. 2. Л. 9.

¹¹ Там же. Д. 1, 7, 10.

¹² Князев Н. Диакон Стефан Князев (посмертный биографический очерк) // ЯЕВ. 1891. Неофиц. часть. № 31.

¹³ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 1. Д. 14 – 284. Л. 23.

¹⁴ Там же. Оп. 3. Д. 729. Л. 13.

Возникновение молоканства в Тамбовской губернии

Известный исследователь русского сектантства Ф.В. Ливанов писал, что Тамбовская губерния являлась одной из тех губерний России, в которых молоканская и духоборческая секты были особенно распространены. В настоящей работе мы постараемся определить генезис и начальные этапы распространения молоканства на Тамбовщине. Впервые правительство обратило внимание на неизвестную доселе ересь в 1765 г. Ф.В. Ливанов об этом писал: «Но гораздо раньше духоборчества является в Тамбовской губернии молоканство. До 1765 г. оно уже разрослось в народе до значительных размеров, так что вызвало, наконец, в этом году строгие меры начальства. При допросах молокане в 1765 г. объявили, что их вера принята ими от предков». Далее исследователь делал выводы: «Если под предками их разуместь даже не далее, как их дедов, т.е. третье поколение, от которого перешло к ним молоканство, то и тогда начало молоканства в Тамбовской губернии будет восходить к самым первым годам XVIII столетия»¹.

При Петре I в Москве жил лекарь Дмитрий Евдокимович Тверитинов, который во взглядах был схож с будущими молоканами. Последователи Тверитинова разносили молоканство в нижегородское и костромское Заволжье. Первые семена молоканства, по-видимому, были занесены в Тамбовский край последователями московского лекаря. Тверитинов и его последователи не называли себя молоканами. Это название было дано сектантам по причине употребления ими в пост молока. Тамбовская консистория еще в 1765 г. в своем донесении Синоду назвала эту секту «Молоканиею» за отвержение постов и употребление молока в среду и «пятюк»².

Наиболее сильное распространение молоканство получило при Семене Уклеине. Вот что писал Ливанов об Уклеине: «Семен Матвеев Уклеин был дворцовый крестьянин села Уварова Борисоглебского уезда, портной по ремеслу. Занимаясь шитьем одежды, он для этого постоянно ходил по разным селам Тамбовской и Воронежской губерний и однажды забрел в село Горелое. Здесь полюбилась ему дочь духоборческого учителя Иллариона Побирохина»³. Отрекшись от православия и оставив прежнюю жену, Уклеин принял духоборчество и женился на дочери Побирохина». Поначалу Семен Уклеин был вместе с Побирохи-

ным распространителем духоборчества. Когда же Уклеин разошелся во взглядах со своим тестем, то оставил духоборчество и активно стал распространять молоканство. «Молокане в Тамбовской губернии до этого времени жили разбросанно по разным местам. Уклеин, научившись в школе Побирохина образовывать секты, скоро объединил молокан под своим учительством. По примеру Побирохина, он избрал себе в помощники тоже учеников, но не 12, а 70, и с ними успешно организовал разьединенное до того молоканское общество, удалившись в Моршанский уезд в село Рыбное, к дворцовому крестьянину Швецову, отцу известного, в последующей истории тамбовского молоканства, начальника секты, шацкого купца Семена Швецова»⁴.

Уклеин составил довольно полную систему молоканского вероучения, известную под названием «Учение молокан по изложению Семена (Семушки) Матвеева Уклеина», в которой изложены 25 пунктов учения. Одним из ярких моментов деятельности Уклеина был его торжественный вход в г. Тамбов. Ливанов об этом событии писал: «Окруженный 70-ю учениками, он торжественно, с пением псалмов, вошел в г. Тамбов для проповедования нового учения... Но местная полиция схватила его и вместе с учениками заключила в тюрьму»⁵. В результате «притворного раскаяния» Семен Уклеин был освобожден и отправился в село Рассказово. Он оставил Тамбовскую губернию и понес проповедь молоканства по территории России. В Тамбовской, Саратовской и Воронежской губерниях он имел более 5 тыс. последователей. На территории Тамбовщины яркими распространителями молоканства были Афанасий Никитин, Гавриил Войкин и Никифор Васильев.

Правительство с момента обнаружения секты молокан стало ее преследовать. Тамбовские молокане писали императору Александру I: «Препоручи, Августейший Монарх, исследовать слезную картину действия с нами начальства тамбовского на месте, в селениях, чрез нарочно присланных из столицы, в праводушии испытанных людей; тогда узнаешь истину, что мы умираем от побоев бесчеловечных, и тогда раскроется пред светом и пред богоподобным Монархом свиток, который изобличит, что в изыскании преступления нашего руководствуются не гласом закона и совести, но другими видами, достойными взыскания и преграды...»⁶.

В конце XVIII – начале XIX в. в Тамбовской губернии проживали 2 043 души молокан, в том числе 976 душ мужского пола (купцов – 10, мещан – 23, однодворцев – 719, удельных крестьян – 116, помещичьих крестьян – 108); 1 067 душ женского пола (из купечества – 13, мещанства – 11, однодворцев – 795, удельных крестьян – 138, помещичьих –

110). Правительство и духовенство в это время еще не различали молокан и духоборцев.

Примечания

¹ Ливанов В.Ф. Раскольники и остожники. Т. 2. Репринтное издание. Сан-Франциско. 1979. С. 83–84.

² Там же. С. С. 57.

³ Там же. С. 84.

⁴ Там же. С. 86.

⁵ Там же. С. 92.

⁶ Там же. С. 122–123.

М.В. Государева

Первые преподаватели и студенты Ярославского высших наук училища

Историческая жизнь Ярославского Демидовского высших наук училища, позже преобразованного в лицей, всегда привлекала широкий исследовательский интерес. Изучение вопросов, связанных со студенческим и преподавательским составом училища, с процессом обучения и условиями их жизни и деятельности, является важным и неотъемлемым элементом в исследовании истории развития высшего образования в Ярославском крае.

24 января 1803 г. Александр I утвердил предварительные правила народного образования, в которых призывал своих верноподданных принять деятельное участие в устройстве предполагаемых учебных заведений¹. Среди первых, кто откликнулся на этот призыв, был Павел Григорьевич Демидов. Уже 4 апреля 1803 г. последовал рескрипт императора о принятии капитала от П.Г. Демидова для учреждения в Ярославле высших наук училища², а 6 июня вышел указ императора Сенату утвердить «благотворительное распоряжение статского советника Демидова»³. Но сразу реализовать это не удалось, поскольку трудно было закладывать основание вузу в провинциальном, хотя и крупном, городе, учебные заведения которого еще не могли должным образом подготовить к высшему образованию.

Тем не менее 1 августа 1804 г. начались занятия в Ярославском высших наук училище. Его первыми студентами стали прибывшие в Ярославль воспитанники Московского университета, окончившие университетскую гимназию и произведенные в студенты. Все они были

детьми бедных родителей, а в Ярославле были распределены к находящимся при училище, тоже переведенным сюда профессорам: К.И. Янишу – по естественной истории, химии и технологии, И.Е. Срезневскому – по словесности, древним языкам и русскому красноречию, В.О. Шишацкому – по математике, И.Д. Вильке – по естественному и народному праву, Ф.А. Шмидту – по философии. Отправленные в Ярославль студенты (Ф. Чанов, В. Соц, П. Васюхнов, А. Симонтовский, А. Пospelов) поступали на содержание училища. Сразу по приезде в город, в соответствии с формой, положенной для Московского учебного округа, им были сшиты синие мундиры с малиновыми воротниками и обшлагами. К этим пяти студентам 1 января 1805 г. перешел из Московской гимназии студент К. Клименко, а также присоединились для слушания лекций несколько учеников Ярославского главного народного училища, проявившие желание «усовершенствоваться в науках». Среди последних были 6 воспитанников Дома призрения ближнего (Дьячков, Попов, Сильвестров, Губастов и двое Константиновых) и один вольнослушатель, или, как его называли тогда, «вольнообучающийся».

С таким немногочисленным составом слушателей и начались занятия в училище. Преподавание на первых порах затруднялось тем, что не все профессора хорошо владели русским языком. Профессора Шмидт, преподававший философские науки, и Вильке – правоведение, читали свои лекции на немецком языке, в котором слушатели оказались не сильны, вследствие чего им пришлось читать на латинском. На латыни читали лекции К.И. Яниш (по естественной истории, физике и химии) и В.О. Шишацкий (по геометрии и тригонометрии). Лишь И.Е. Срезневский, преподававший словесность, читал лекции на русском языке.

В ноябре 1803 г. глава правления училищ Министерства просвещения М.Н. Муравьев обратился с письмом к губернскому предводителю дворянства А.О. Кожину, чтобы он через уездных предводителей известил ярославских дворян об открытии училища и собрал сведения о желающих отдать туда своих детей на воспитание и обучение. Он полагал, что те молодые люди в возрасте 12 – 15 лет, которые будут приняты в училище, должны иметь некоторые предварительные знания или особенные дарования, а список желающих должен был рассматривать сам благотворитель⁴. А.О. Кожин разослал письма уездным предводителям с приложением копии отношения М.Н. Муравьева и особой формы для заполнения о месте жительства и количестве душ дворянина, а также о том, какого возраста дети и чему они научены. В результате из всех уездов получили достаточно большое количество ответов, причем

родители записывали в списки и малолетних детей (например, мышинский помещик, прапорщик Ефим Степанов Пересветов указал своего сына Андрея, «возраста 1 год 6 месяцев»⁵). В основном, претенденты были в возрасте 7 – 15 лет, «наученные российской грамоте, чтению, письму и части арифметики». К сожалению, документов, свидетельствующих о том, кто в итоге был принят в училище и как там учился, не сохранилось.

Таким образом, первые преподаватели и студенты училища были очень немногочисленны, в процессе обучения встречалось много трудностей и проблем, но ситуация постепенно менялась и, учитывая опыт первого времени, в дальнейшем число студентов увеличилось и улучшился качественный уровень преподавания.

Примечания

¹ См.: Егоров А.Д. Лицеи России (Опыт исторической хронологии): В 5 кн. Кн. 3: Демидовский юридический лицей: В 2 ч. Иваново, 1994. Ч. 1. С. 8.

² См.: Щеглов В.Г. Высшее учебное заведение в г. Ярославле имени Демидова в первый век его образования и деятельности: Исторический очерк. Ярославль, 1903. С. 9.

³ Покровский С.П. Демидовский лицей в его прошлом и настоящем. Ярославль, 1914. С. 12.

⁴ ГАЯО. Ф. 214. Оп. 1. Д. 593. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 13.

М.А. Михайлова

Усадебный быт провинциальных помещиков (на примере Карабихи)

Русская усадьба – этот важный пласт отечественной культуры – в последнее время все чаще привлекает интерес исследователей. Особое внимание уделяется изучению повседневного быта обитателей «родовых гнезд» пореформенного периода. Результаты исследования личности хозяина провинциального имения с его каждодневными заботами, личными пристрастиями при сопоставлении с другими примерами могут привести к выводам, касающимся проблем социального развития России в целом.

До начала 60-х гг. XIX в. Карабиха принадлежала князьям Голицыным, в 1861 г. Н.А. Некрасов сначала арендовал, а с 1863 г. стал юридическим собственником Карабихи. В 1867 г. Николай Алексеевич

продал усадьбу брату Федору Алексеевичу (1827 – 1913), но до 1875 г. продолжал посещать своё ярославское имение. Условно мы выделяем «некрасовский» (с 1860-х до 1875-го гг.) и «посленекрасовский» (с 1870-х гг. до начала XX в.) периоды в истории Карабихи.

Образ жизни владельцев усадьбы в «некрасовский» период её существования раскрывают мемуарные источники. Так, из воспоминаний племянницы петербургского знакомого поэта М.И. Ушаковой (Вилькен), посетившей усадьбу летом 1863 г., мы узнаем, что, кроме нее, Н.А. Некрасов пригласил в Карабиху своих родственников, друзей-писателей, знакомых. Этот сезон был самым многолюдным в карабихской жизни: в усадьбе отдыхали М.Е. Салтыков-Щедрин, А.Н. Островский, рассказчик и актер И.Ф. Горбунов, Н.И. Филимонов, актеры Н.Е. Турчанинов и А.А. Рассказов, писатель и драматург А.А. Потехин и др. Дни были заполнены отдыхом, весельем: прогулки в город на тройках, оживленные обеды, попытка поставить домашний спектакль по пьесе А.Н. Островского, сборы поэта на охоту и его работа над литературными произведениями после нее. Мария Ивановна вспоминала, что поэт обычно *«утром вставал... рано, часов в 8 и тотчас же уходил гулять в сад по своей любимой померанцевой аллее; вечно с ним провожателями были его две любимые собаки: Уэн и Оскар»*¹. После обеда, если были какие-нибудь приехавшие знакомые, поэт с ними уходил в свой кабинет, где, по словам мемуаристки, *«шло чтение, разговоры, споры»*².

После оформления купчей в 1867 г. на имя брата поэт приезжал в усадьбу уже в качестве гостя, предварительно спросив на то разрешение. Жил он не в Большом доме, а во флигеле. Для его родственников визит Николая Алексеевича был настоящим праздником, вносил оживление *«в крайне однообразную»*³ жизнь усадьбы, все с нетерпением его ждали. Племянник Николая Алексеевича, Александр Федорович (1866 – 1941), вспоминал: *«Знакомых у нас почти никогда не было. Дворян-помещиков отец (Ф.А. Некрасов. – М.М.) не любил, считал их кутилами. Он вел совершенно отдельную от семьи жизнь, редко появлялся в общей столовой среди детей»*⁴. Перед приездом поэта течение жизни в имении изменялось, *«спешно приводили в порядок флигель Николая Алексеевича, выносили и чистили мебель, ковры, ружья и другие принадлежности охоты, ...во всем чувствовалась суматоха»*⁵. Когда поэт приезжал, вся семья собиралась вместе. Николай Алексеевич стремился как можно больше времени проводить со своими родственниками: *«у братьев (Федора и Николая Алексеевичей – М.М.) было обыкновение обедать поочередно друг у друга... Оба брата придира-*

лись к каждому подходящему случаю, чтобы угостить нас шампанским»⁶. По-прежнему, приезжая в Карабиху, поэт много работал над своими поэтическими произведениями. С некоторыми из них он знакомил своих родных: «в парке под громадным кедром, на разостланном ковре, мужчины с папиросами, а женщины с конфетами» слушали Николая Алексеевича⁷.

Уже при жизни Н.А. Некрасов был знаменитым человеком, часто приезжал в усадьбу со своими друзьями – выдающимися деятелями культуры. О Карабихе этого периода можно говорить как о художественно-культурном центре. Усадьба во время его визитов выполняла в первую очередь развлекательную функцию, но уже после смерти поэта приоритетной становится хозяйственная функция. Для семьи Федора Алексеевича Карабиха была постоянным местом жительства и единственным источником дохода.

В «посленекрасовский» период жизнь в имении как будто замирает. Только на праздники – Масленицу, Пасху, Рождество, летние каникулы – происходит воссоединение карабихцев (дети выросли, дочери выходили замуж, уезжали в Ярославль, Петербург, Москву, а сыновья учились в различных учебных заведениях). Дочь племянницы поэта, Наталья Александровна Краева, так передала сотрудникам Государственного литературно-мемориального музея-заповедника Н.А. Некрасова «Карабиха» воспоминания своей матери о карабихском быте: «Федор Алексеевич семью держал строго. Одевались скромно, пальто покупалось на вырост, платья ситцевые, туфли самые дешевые, за 1 рубль. Ели скромно, почти весь год солонина, овощи свои, варенье. Торты, конфеты, пирожные не покупали. Раз в год всем шили наряды и на 1–2 недели возили в театры в Москву»⁸.

Составляющие повседневной жизни Карабихи – занятия музыкой и сельским трудом, общение с природой, поездки в Ярославль, увлечение карточными играми, влияние религиозных канонов на быт в усадьбе, соблюдение традиций⁹ – были типичны для образа жизни среднепоместных дворян, живших в своих загородных имениях в этот период. Карабиха имела свои индивидуальные особенности, отличия в повседневном быту ее обитателей, обусловленные близостью столиц, а также личностями владельцев усадьбы. Но с конца 70-х гг. XIX в. в укладе карабихцев все больше проявлялись типичные черты провинциальной усадебной жизни.

Примечания

¹ Ушакова М.И. Воспоминания о Н.А. Некрасове // Некрасовский сборник. Пг., 1918. С. 38.

² Там же. С. 39.

³ Некрасов А.Ф. Мои воспоминания о Н.А. Некрасове и его близких (1937) // Документальный фонд Государственного литературно-мемориального музея-заповедника Н.А. Некрасова «Карабиха». НВФ-6947. С. 5–6.

⁴ Там же. С. 5.

⁵ Там же. С. 6.

⁶ Некрасова Н.П. Мои воспоминания о Н.А. Некрасове // Некрасов: К 50-летию со дня смерти. Л., 1928. С. 10–11.

⁷ Там же. С. 14.

⁸ Цит. по: Кокорнова О.М. Жизнь усадьбы Карабиха в конце XIX – начале XX вв. (Письма родных к Константину Федоровичу Некрасову) // Карабиха: Историко-литературный сб. / Сост. Б.В. Мельгунов. Ярославль, 2002. Вып. 4. С. 277.

⁹ См.: Там же. С. 275–303.

Т.В. Фролова

Документы церковного учета в историко-демографических исследованиях городского населения России XIX в. и состояние их сохранности в ГАЯО

С 1960-х гг. в историко-обществоведческих дисциплинах начали формироваться новые направления в исследованиях, связанные с изучением социальных процессов на микроуровне. В настоящем исследовании мы попытаемся проанализировать степень изученности документов церковного учета в исследовательской литературе, а также состояние их сохранности в Государственном архиве Ярославской области (далее ГАЯО).

Возможности использования документов церковного учета как источников для статистических и демографических исследований стали изучаться со второй половины XIX в. Обращает на себя внимание исследование А. Бушена¹. Все списки населения, составляемые в России, он разделил на три группы: фискальные, полицейские, списки о состоянии. Особое внимание автор уделит источниковедческому анализу метрических книг, которые, по мнению автора, имели ряд недостатков принципиального значения, усложнявших их использование в качестве статистических источников². Большое значение для исследований со-

циально-демографических процессов в России имели работы В.М. Кабузана. Используя данные ревизского учета населения, он проследил изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в.³ В.М. Кабузан имел целью изучение производительных сил в Российской империи, поэтому документы церковного и полицейского учета населения играли для него вспомогательную роль. Из историко-социологических исследований особо следует отметить исследование Б.Н. Миронова, затрагивающее вопросы социального развития России в XVIII – начале XX вв.⁴

Со второй половины XX в. стали появляться публикации, посвященные использованию в историко-демографических исследованиях новых методов. Так, А. Сови обратился к изучению проблемы старения населения⁵. Не меньший интерес представляют публикации И. Фогта⁶, К. Дзенге и Э. Быковской⁷, Р. Андорки⁸, в которых на материале различных стран исследовались вопросы рождаемости и плодovitости женщин. Методы определения интенсивности показателя смертности младенцев в первый год жизни затронуты в статье Й. Венедикова⁹. Однако большинство этих трудов используют в качестве источников уже обработанные статистические данные. Большую роль в выявлении и проведении анализа материалов ревизий и данных церковного учета имеют работы Х.Э. Палли¹⁰. Весь комплекс источников был разделен им на две большие группы. На основе периодичности ведения записей Х.Э. Палли были выделены длинные (долговременные) серии церковных метрических записей, материалы периодических ревизий, ежегодные списки населения. Вторую группу представляли отдельные списки населения и материалы частичных ревизий. Используя эти источники, автор на примере зарубежных исследований рассматривает возможности и методы их использования для изучения различных аспектов народонаселения на микроуровне¹¹.

В конце XX – начале XXI в. появляется значительное количество работ, посвященных степени изученности, репрезентативности, методам использования и, что немаловажно, сохранности документов церковного учета в различных регионах России¹². Трудоемкость обработки массовых источников потребовала изучения технологии обработки первичных данных массовых источников¹³. В последние годы появились исследования, посвященные анализу демографического поведения населения отдельных регионов, и различным аспектам демографического поведения сельского и городского населения¹⁴. В то же время исследователями были отмечены и недостатки при ведении документов церковного учета¹⁵.

В целом отметим, что документы церковного учета относительно недавно были введены в научный оборот, хотя они представляют значительный интерес для историко-демографических и социологических исследований. В ряде регионов созданы достаточно обширные базы данных, как по состоянию массовых источников, так и по представленным в них сведениям. Например, можно отметить базу данных «METRICS», включавшую на 2000 г. описания 13 000 метрических книг Алтайского края XVIII – первой трети XX вв.¹⁶

Основным документом, регистрировавшим все акты гражданского состояния в России XIX в., являлись метрические книги. Изначально они расчерчивались приходскими священниками от руки. К середине XIX в. метрические книги стали печататься типографским способом, что способствовало унификации заносимых в метрические книги сведений. Метрические книги ежегодно высылались из духовной консистории в каждую приходскую церковь до начала календарного года. Состояли метрические книги из трех разделов: «о родившихся», «о браках», «о умерших».

Достоверность ведения метрических записей неоднократно становилась объектом специальных источниковедческих исследований. Изучение этих публикаций позволило выделить наиболее характерные недочеты метрических книг. Достоверность записей могла зависеть от добросовестности священника, ведущего записи. Однако наиболее уязвимым представляется раздел «об умерших» и, в частности, указание причины смерти, особенно среди детей. Практически повсеместной была отметка «неизвестно» в причинах смерти детей до 1 года. Интересно отметить, что в последней трети XIX в., после введения вакцинации от оспы, в случае смерти детей священник должен был указывать наличие прививки от оспы¹⁷.

Информативным источником являются исповедные росписи. Они составлялись в каждом приходе в двух экземплярах: один предназначался для отчета в Духовной консистории, второй обо всех жителях прихода. Структура исповедных росписей включала в себя сведения духовные, статские, военные, купцы и мещане. В конце росписи представлялись сведения о «разноквартирующих» или о «чужеприходных».

Первым в семейных списках был указан глава семьи, затем – все остальные члены семьи, в зависимости от степени родства. Так, если во главе семьи находился отец, после него вписывалась жена, затем их дети¹⁸ строго по старшинству, затем супруги и дети сыновей или дочерей. Обязательно в росписях должно было указываться семейное положение каждого члена семьи, а в случае вдовства женщины указывалось отче-

ство ее детей. Последними фиксировались снохи, племянники, тетки. Напротив каждого имени в отдельной графе проставлялся возраст, присутствие или отсутствие на исповеди и причины, по которым человек не принимал святого причастия в отчетный период. Исповедные росписи в начале XIX в. расчерчивались от руки. Исповедные росписи, отпечатанные типографским способом, появляются с 1840-х гг. В конце XIX – начале XX в. встречаются бланки исповедных росписей, на каждой странице которых вверху был изображен герб Российской империи. Под гербом была изображена лента с надписью «Московская синодальная типография»¹⁹.

Как любой официальный документ метрические книги и исповедные росписи должны представляться наиболее достоверным видом источника. С другой стороны, несмотря на контроль со стороны епархиальных властей за правильностью ведения документации в приходах, неточности, подчистки или явные упущения в составлении документов все же допускались²⁰.

Говоря о степени сохранности документов церковного учета, следует отметить, что сотрудниками ГАЯО достаточно регулярно проводились проверки и экспертизы материалов, отложившихся в 230 фонде. К сожалению, результаты проверок и экспертиз нашли крайне незначительное отражение в описях: на последних страницах были включены списки выбывших или утраченных дел. Уточнение названий дел, внесенных в архивные описи, в общем массиве можно назвать единичными. Так, наиболее распространенной является ситуация, когда в архивных описях дело имеет общее название «Исповедные росписи г. Ярославля» за определенный год. После получения дела из хранилища выявлялось, что в дело включены исповедные росписи одной или нескольких церквей из почти пятидесяти существовавших в городе Ярославле в XIX в. Состояние сохранности архивных дел также не нашло отражение в описях. Несоответствие названий дел и отсутствие сведений о состоянии сохранности в значительной мере затрудняют работу исследователей с материалами фондов.

Немаловажное значение при работе с массовыми источниками имеет также степень сохранности и доступности источников для исследователей. Несмотря на массовость источников, состояние их сохранности ограничивает возможности для работы с ними.

Примечания

¹ См.: Бушен А. Об устройстве источников статистики населения в России. СПб., 1864.

² См.: Там же. С. 79–81.

³ См.: Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в. (По материалам ревизий). М. 1971.

⁴ См.: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т.1. СПб., 2000.

⁵ См.: Сови А. Старение населения и продление жизни // Методы демографических исследований / Под ред. Л.Е. Дарского. М., 1969. С. 48–58.

⁶ См.: Фогт И. Компоненты числа рождений // Методы демографических исследований. С. 59–79.

⁷ См.: Дзенъе К., Быковская Э. Измерение уровня плодovitости женщин в Польше и 16 странах Европы и Северной Америки // Методы демографических исследований. С. 80–93.

⁸ См.: Андорка Р. Экономические и социальные факторы, определяющие региональные различия плодovitости в Венгрии // Методы демографических исследований. С. 119–132.

⁹ См.: Венедиков Й. Метод определения интенсивности смертности в первый год после рождения // Методы демографических исследований. С. 133–142.

¹⁰ См.: Палли Х.Э. Демографические процессы в прошлом: методы получения и обработки информации // Методы исследования. М., 1986. С. 34–44.

¹¹ См.: Палли Х.Э. Указ. соч. С. 34.

¹² См.: Владимиров В.Н., Силина И.Н. Метрические книги как историко-демографический источник // <http://www.hist.msu.ru>; Дитрих И.И. Исповедные росписи и метрические книги как источник по исторической демографии г. Пскова // <http://e-lib.gasu.ru/mak/arhiv/2005/37.doc>; Канищев С.Г. Современные исследования по исторической демографии России: Особенности массовых источников и некоторые проблемы их изучения // <http://kleio.asu.ru/aik/bullet/30/106.html>

¹³ См.: Канищев В.В., Кончаков Р.Б., Морозова Э.Б. Технология комплексной обработки баз данных по исторической демографии России // <http://www.hist.msu.ru>; Канищев В.В., Зайцева О.М., Стрекалова Н.В. Технология обработки электронных баз данных по социальной стратификации Российского города начала XX в. // <http://www.hist.msu.ru>; Маркова М.А. О точности учета младенческой смертности в метрических книгах Карелии // www.hist.msu.ru; Менухова П.А. Опыт применения когортного анализа при изучении демографических процессов в Олонецкой губернии (1810–1918 гг.) // <http://www.hist.msu.ru>.

¹⁴ См.: Кончаков Р.Б. Демографическое поведение крестьянства тамбовской губернии в XIX – начале XX в.: Новые методы исследования: Автореф. ... канд. ист. наук // <http://www.tabovdem.ru/abstract.php?id=konchacov>; Дьячков В.Л., Кончаков Р.Б., Канищев В.В. Декабрьские рождения: К вопросу о роли религиозного фактора в демографическом поведении традиционного крестьянства. Тамбовская губерния, XIX – начало XX в. // http://www.tambovdem.ru/theses.php?id=conference_december.

¹⁵ Смирнова С.С. К вопросу о влиянии эпидемий на смертность в карельской деревне во второй половине XIX в. // <http://www.hist.msu.ru>.

¹⁶ См.: Кашенко С.Г. Историческая демография на VII конференции АИК // <http://www.hist.msu.ru>.

¹⁷ См.: ГАЯО. Ф. 230. Оп. 10. Д. 46.

¹⁸ В исповедных росписях незаконнорожденные дети, приемные и подкидыши обычно фиксировались в общем порядке. Однако при этом делалась приписка в том случае, если ребенок относился к одной из трех вышеназванных категорий.

¹⁹ См.: ГАЯО. Ф. 230. Оп. 3. Д. 2831.

²⁰ См.: Там же. Оп. 1. Д. 1024. Л. 15 об., Д. 1305. Л. 13 об.

М.Ю. Белова

Организация помощи престарелым гражданам в Ярославле в дореволюционный период

Самые ранние сведения об организации богаделен относятся к 1551 г., когда Патриарх обратился к правительству с просьбой организовать во всех городах и селах помощь для нуждающихся престарелых мужчин и женщин¹. Мы не располагаем информацией об открытии в это время богаделен в Ярославле. Первые известия об их существовании в нашем городе мы находим у С. Соколова в его очерке о Ярославском Леонтиевском приходе. В 1688 г. на средства купца И.И. Мякушкина на месте сгоревшего деревянного храма Рождества Христова в Леонтиевском приходе выстраивается новый каменный храм и каменное же «богадельное строение». В 1717 г. в нем содержались 25 человек: 9 мужчин и 16 женщин. С. Соколов предполагает, опираясь на перечень Леонтиевского прихода, что еще до строительства каменного здания богадельня существовала и размещалась в двух деревянных. Всего в городе в 1717 г. при церквях было 12 богаделен, в которых числилось 453 человека. Богадельщики пользовались только помещениями. Все же остальное призреваемые должны были добывать сами путем прошения милостыни, отчего они назывались «нищими». Нищие находились в ведении местного причта. Внутренний распорядок вел староста, выбираемый из их же среды. Основным местом для сбора подаяний была своя церковь, не возбранялось ходить и по другим церквам, если там намечалось значительное стечение богомольцев. По указу от 3 сентября 1722 г. на нищих отпускалось из государственных служб «жалованье» 12 844 руб. да на устройство богаделен «подможных» 2 000 руб. 35 коп. В XVIII в. в Ярославле наблюдается рост богаделен при церквях. В 1743 г. их насчитывается 16 с 525 богадельщиками, в 1777 г. – 22 с 611 призреваемыми². Прибыв в Ярославль 1 апреля 1777 г., наместник А.П. Мельгунов затребовал от воеводской канцелярии сведения о школах, сиротах, нищих, бо-

гадельнях и пр. Согласно его распоряжению богадельни стали находиться в компетенции Приказа общественного призрения.

Кроме приходских, с 1764 г. богадельни были во всех епархиях при Архиерейских домах «для самых увечных и пропитания достать не могущих разночинцев». Для каждого класса архиерейского дома устанавливалось количество богадельщиков: для первого класса – 50 человек, для второго, к которому относился ярославский архиерейский дом, – 30, для третьего – 25. В 1794 г. в штатной богадельне при Ярославском архиерейском доме содержались 25 человек (16 мужчин и 9 женщин). В 1800 г. количество призываемых составляло 33 человека. На каждого богадельщика в год было положено по 6 руб. С 1797 г. по Высочайшей росписи добавили ещё по 5 руб. По указу 1799 г. разночинцы в богадельнях заменялись вдовами старше 40 лет.

Были в Ярославле и частные богадельни. Одна из первых – это богадельня Баловых, расположенная в каменном доме в Тверицкой слободе. Некоторые из частных богаделен открывались при церквях. Например, богадельня близ церкви Тихона Чудотворца им. М.М. Литова для 15 женщин, женская приходская богадельня в ограде Власьевской церкви, содержавшаяся на средства (до 10 тыс. руб.) Е.Г. Оловянишниковой³, Всехсвятская богадельня, устроенная на средства (25 тыс. руб.) Д.А. и А.Н. Друженковых для призрения бедных и неспособных к труду лиц обоего пола без различия сословий⁴.

С начала XIX в. имеются сведения о содержании богаделен и управлении ими органами городского самоуправления. Сначала в ведении городской думы находилась одна богадельня – Общественная Леонтиевская близ кладбищенской церкви. В 1827 г. в распоряжении думы поступила и стала существовать на счет городских доходов богадельня Баловых. В 1875 г. её призываемых переселили в Леонтиевскую богадельню, а саму Тверицкую богадельню закрыли.

Число призываемых людей в богадельнях штатом не определялось. Прием туда осуществлялся лишь с соглашения городских органов власти. Несмотря на то что по уставу общественного призрения на полицию возлагалась обязанность отправки в богадельни неимущих, впавших в убожества и не могущих снискать трудом пропитания⁵, определение времени, условий и очереди приема нуждающихся в призрении лиц в городскую богадельню полностью зависело от муниципального управления⁶. Один из членов городской управы выбирался заведующим богадельнями. С 1877 г. городская дума решила «для большего порядка» учредить должность надзирателя (он же староста) с

оплатой 10 руб. в месяц. Теперь староста назначался не из призреваемых, а со стороны «из людей более способных»⁷.

По документам можно проследить распределение средств, расходованных думой на содержание богаделен. Так, в Леонтиевской богадельне к 1901 г. число призреваемых достигло 209 человек при ежегодном содержании в 7377 руб. 65 коп., из которых 7067 отчислялось из городских средств, а 309 руб. 35 коп. являлось процентами с неприкосновенного капитала в размере 5087 руб., вносимого частными лицами на содержание богадельни. В день на каждого призреваемого приходилось 9 $\frac{3}{5}$ коп. В год расходовалось 4830 руб. на питание, 560 руб. на одежду (покупка ситца, миткаля и платков, по две пары рубашек и шаровар для мужчин, по платью, две рубашки и платку женщинам), 270 руб. на обувь, 13 руб. «на вареги», 40 руб. на починку овчинных тулупов, 140 руб. на постельное белье, 15 руб. на починку кроватей, 120 руб. на мыло, 18 руб. на солому для тюфяков, 40 руб. на посуду кухонную и погребальную, 175 руб. на погребения призреваемых, 100 руб. на покупку картофеля для посадки и на др. огородные закупки, 150 руб. мелких расходов, 825 руб. на отопления, 75 руб. на освещение. Смотрителю богадельни в год выплачивалось 210 руб., хлебопеку 15 руб., помощнику его 6 руб., кашевару 15 руб., дровоколу 24 руб., трем прачкам 144 руб., за уход за слабыми призреваемыми 12 руб.

В 1883 г. потомственный почетный гражданин ярославской 1 гильдии купец, отец городского головы А.И. Вахрамеев подал в городскую думу следующее заявление: "Желаю устроить в городе Ярославле богадельню для призрения 20 престарелых, не имеющих средств к своему пропитанию женщин, жертвуя для этой цели мой дом, а для содержания призреваемых капитал в 20 000 руб." ⁸ Потом сумма увеличилась до 30 тыс. руб. Деньги были положены на хранение на вечный вклад в городской общественный банк. В год на содержание богадельни расходовалось 1,6 тыс. руб. ⁹ По мнению городской думы, богадельня находилась «во всех отношениях в образцовом состоянии» ¹⁰.

В 1916 г. в городе по подсчетам П. Критского существовали 19 богаделен, в том числе две городские – Леонтиевская и Топлениновская, две при фабриках – спичечной Дунаева и ЯБМ. Заботились о престарелых горожанах и некоторые общества, например мещанское и ремесленное ¹¹.

Примечания

¹ См.: Абросимова Е.А. Исторические аспекты законодательного регулирования деятельности российских благотворительных организаций // Благотворительность в России. СПб., 2001. С. 304.

² Соколов С. Исторический очерк Ярославского Леонтиевского прихода (1608–1783) и кладбища (1783–1901) // Труды Ярославской Губернской Ученой Архивной Комиссии. Кн. 3, вып. 2. Ярославль, 1901. С. 3, 13–14, 21, 41–42.

³ См.: Критский П. Путеводитель-справочник по Ярославлю. Ярославль, 1917. С. 48.

⁴ См.: Краткие сведения о монастырях и церквях Ярославской епархии. Ярославль, 1908.

⁵ См.: Устав о общественном призрении //Собрание законов Российской Империи. Т. 13. СПб, 1857. С. 122–123.

⁶ См.: Городовое положение 11 июля 1892 года с относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями. Изд. неофиц. СПб., 1915. С. 210.

⁷ Журналы Ярославской городской думы за 1877 год. Ярославль, 1878. С. 100.

⁸ См.: Правила богадельни Вахрамеева в г. Ярославле. Ярославль, 1901.

⁹ См.: Журнал Ярославской городской думы за 1883 г. Ярославль, 1884. С. 153.

¹⁰ ГАЯО. Ф. 509. Оп. 2. Д. 1548

¹¹ См.: Критский П.А. Указ соч.

Г.Н. Храпков

Приходское духовенство Ярославской епархии второй половины XIX – начала XX вв.

В XIX – начале XX вв. основное население в России являлось в основном крестьянским и православным. И сельское приходское духовенство было неотъемлемой частью жизни общества, играя в нем важную роль. Основным объектом изучения в данной статье является приходское духовенство Ярославской епархии второй половины XIX – начала XX в. Предмет исследования – взаимоотношения между духовенством и государством, между священниками и их прихожанами, взгляды самих служителей культа на смысл своей службы в приходе. Источники позволяют сделать вывод о том, что большинство сельских священников в приходах Ярославской епархии ревностно исполняли свои пастырские обязанности. Священники стремились оградить прихожан от всяких пороков, особенно пьянства, и энергично боролись против них. Материалы «Ярославских епархиальных ведомостей» позволяют отметить, что зачастую прихожане не одобряли подобную деятельность священников.

Если конфликт заходил глубоко, крестьяне могли оставить священнослужителя без помощи в сельскохозяйственных работах на летнее время, без топлива на целый год и т.д. Иногда сам священник под негативным влиянием прихода начинал предаваться пьянству и другим порокам. Например, священник села Закедье Ростовского уезда Евграф Беликов много пил, избивал жену и детей, выгонял членов причта из церкви во время служения с бранными словами, совершил незаконное бракосочетание и т.п.¹

Помимо личностных факторов, на подобное поведение влияли такие причины, как охлаждение крестьян к храму, непочитание дней воскресных и праздничных, безразличное отношение к постам, оговоры при сборе новины, сокращение платы за требоисправления, пьянство, драки и убийства и т.д. Это были далеко не все причины. К ним следует отнести также отсталость духовенства по сравнению со светским обществом, замыкание на своих личных интересах и т.д. Священнослужители становились все более равнодушными к положению своих прихожан и не только уклонялись от решения или простого обсуждения социально-экономических проблем, но иногда и препятствовали попыткам что-либо сделать. Отчасти такое поведение объяснялось тем, что материальное обеспечение было крайне недостаточным. Духовенство постоянно заботили думы о наиболее прочном материальном положении, о повышении по службе, о получении наград.

Сами священники, такие как Михаил Камкин и Андрей Боголюбов, не только признавали наличие в их среде подобных недостатков, но и предлагали свое решение подобных проблем. По их мнению, в условиях пастырского служения был необходим надзор священнослужителей друг над другом. Предполагалось созывать пастырские собрания, которым были бы предоставлены права рассматривать доклады, проекты и вопросы, оценивать деятельность и поступки священников и, кроме того, рассматривать возникавшие тяжбы. В последнем случае пастырское собрание должно было проявить полную беспристрастность. Решение суда чести помогало бы епископу принять правильный приговор на счет того или иного дела. В конечном итоге для священников, которые не боялись бы суда чести, предполагалось только одно: исключить их из среды духовенства в заштатные священники или вообще из духовного звания.

В целом можно отметить, что приходское духовенство все-таки действовало в приходах весьма активно при наличии многих трудностей и препятствий. И хотя некоторые священники предавались пьянству и другим порокам, духовенство старалось и прилагало много сил,

чтобы не допускать подобного в епархиях. Со священниками считалось, с одной стороны, епархиальное начальство, а с другой стороны, и светские власти.

Примечания

¹ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 6. Д. 25.

И.В. Меньшова

Естественное движение населения Ярославской губернии в конце XIX – начале XX в.

В рамках данной статьи речь пойдет о характеристике рождаемости в Ярославской губернии и, в частности, в Даниловском уезде в конце XIX – начале XX в. Условия, определяющие уровень рождаемости, менялись на различных этапах развития общества. В последнее время распространено деление их на объективные (жилищные условия, доход и т.д.) и субъективные (причины, по которым люди не хотят иметь много детей, идеальное и желаемое число детей и т.п.). Причем их действие осуществляется в разном сочетании и с не одинаковой степенью интенсивности¹.

На протяжении середины XIX – начала XX в. показатели рождаемости на всей территории России были достаточно высокими и стабильными. До начала XX в. сохранялся так называемый «традиционный тип» репродуктивного поведения. Коэффициент рождаемости в России в конце XIX в. составлял около 50 промилле (далее – ‰). В начале XX в. он несколько понизился и остановился на отметке 40 – 44‰². Достаточно высокая рождаемость в конце XIX в. поддерживалась ранним вступлением в брак. Непосредственное влияние на репродуктивное поведение населения в тот период оказывала значительная младенческая смертность.

Многодетная семья функционировала успешнее не только в экономическом, но и в социальном отношении. Престиж многодетного главы семьи в традиционном (доиндустриальном) обществе был высок. Дети были участниками крестьянского производства: сначала – помощниками, потом – основной производительной силой. Многодетность освящалась православной церковью, прерывание беременности и вообще уклонение от рождения детей считалось тяжёлым грехом. Таким образом, высокая рождаемость в русской деревне диктовалась социально-

экономическими условиями. В начале XX в. происходит постепенное сокращение рождений, что было формой приспособления людей к новым условиям жизни.

В Ярославской губернии в середине XIX – начале XX в. показатели рождаемости были достаточно высокими. Согласно данным Ярославского губернского статистического комитета (ЯГСК) в губернии с 1875 по 1885 гг. среднее число рождений составляло около 40‰³. В середине XIX в. коэффициент рождаемости в Даниловском уезде равнялся 37,7‰. Показатели рождаемости в уезде колебались от 42,5‰ в 1862 г.⁴ до 36,6‰ в 1894 г.⁵ В начале века показатели рождаемости в губернии колебались от 33,6‰ в Любимском, Мышкинском уездах до 43 – 44‰ в Ростовском и Ярославском⁶. В Даниловском уезде в 1901 г. коэффициент рождаемости равнялся 33,7‰⁷, в 1904 г. – 43,2‰⁸.

Характеризуя естественное движение населения, следует иметь в виду, что на первом году жизни умирала приблизительно 1/4 часть всех новорожденных, а до 10 лет доживала примерно половина родившихся⁹. Поэтому лишь очень высокая рождаемость могла обеспечить социально-экономические интересы семьи. Представление о многодетной семье в прошлом не совсем точно, так как в основном это были семьи «многоплодные». Настоящая многодетная семья могла возникнуть только в результате счастливого стечения обстоятельств.

Особого внимания среди факторов, которые в значительной степени ограничивали рождаемость, заслуживает отход. Врач Григорьев, работавший в Ярославской губернии, установил в 1880-е гг., что в среднем ярославские крестьянки в «отхожих» семьях имели первые роды спустя 2,9 года после вступления в брак, в то время как в земледельческих губерниях – на первом году брака¹⁰. В Ярославской губернии подобное влияние «отхода» на демографическое поведение крестьян сохранялось и в начале XX века.

Большинство женщин в деревне в начале XX в. даже при быстром развитии здравоохранения рожали без всякой медицинской помощи. Даже в Московской губернии на рубеже XIX – XX вв. всего 2% родов происходило при помощи акушерок, остальные роженицы не получали никакой помощи¹¹. В Даниловском уезде на всё население женского пола, а это более 39 тыс. человек, в 1902 – 1909 гг. приходились 6 акушерок и повивальных бабок¹². Как сообщается в «Вестнике Ярославского земства», «помощь при родах среди сельского населения в настоящее время должна быть признана до крайности несовершенной: до 98% всех рожениц рожают безо всякой помощи или находятся в руках невежественной, самозванной повитухи. Прямым следствием такого по-

ложения является практически поголовное заболевание крестьянок различными женскими болезнями»¹³.

Итак, тип репродуктивного поведения населения Ярославской губернии оставался преимущественно традиционным.

Примечания

¹ См.: Естественное движение населения современного мира. М., 1974. С. 83.

² См.: Население России в XX веке: Исторические очерки. М., 2000. Т. 1. С. 44.

³ Труды. ЯГСК. Вып. 9. М., 1885. С. 3–4.

⁴ Памятная книжка Ярославской губернии на 1862 год. Ярославль, 1863. С. 19–20.

⁵ ГАЯО. Ф. 642. Оп. 1. Д. 23563. Л. 42.

⁶ Лозинский Б.Р. Съезды земских врачей Ярославской губернии. Ярославль, 2002. С. 124.

⁷ ГАЯО. Ф. 642. Оп. 1. Д. 23849. Л. 1.

⁸ ГАЯО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 1046. Л. 9(об.)–10.

⁹ Кваша А.Я. Популярная демография. М., 1977. С. 10–11.

¹⁰ См.: Дьячков В.Л. Природно-демографические циклы как факторы российской истории XIX – первой половины XX вв. // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII – XX вв. Тамбов, 2002. С. 186–187.

¹¹ См.: Население России в XX веке. С. 63.

¹² ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 729. Л. 31 об.

¹³ ВЯЗ. 1900. № 331–332. Отдел V. С. 8.

А.А. Кожевникова

Ростовский краевед А.Я. Артынов

Александр Яковлевич Артынов (1813 – 1896) – ростовский краевед, этнограф, фольклорист, историк-самоучка. С детства А.Я. Артынов слушал сказки и предания местных старожилов, записывал произведения народного фольклора. Он оставил богатое рукописное наследие, до сих пор недостаточно изученное и мало известное. При жизни А.Я. Артынову удалось опубликовать только семь своих работ. Историк В.С. Иконников так оценил заслуги А.Я. Артынова: «В Ростовском крае от XIII века сохранилось немало легенд и преданий с признаками великокняжеских былин дружинной Руси, большая часть которых нашла место в позднейших летописях и компиляциях, как летопись, принадлежавшая библиотеке Спасо-Яковлевского монастыря XVII в., и сказа-

ния по истории Ростова и ростовских князей Александра Артынова, в которых историческая основа смешивается не только с мифологическими, но и со сказочными элементами...»¹. Историко-этнографический очерк о селе Угодичи выдержал пять изданий². Сегодня труды А.Я. Артынова активно издаются стараниями Ю.К. Бегунова³.

В 1832 г. А.Я. Артынов написал свое первое сочинение о селе Угодичи⁴. В 1837 г. ему досталась рукопись дяди Михаила Дмитриевича «Книга истории села Угодичи и о городе Ростове и его округе»⁵. С тех пор А.Я. Артынов систематически стал вести записи легенд и преданий по истории своего края. Он познакомился с редактором «Ярославских губернских ведомостей» Ф.Я. Никольским, любителями старины П.В. Хлебниковым, Е.В. Трехлетовым, историком А.А. Титовым⁶. *«С этого времени, – вспоминал А.Я. Артынов, – все более и более страсть к любознанию усиливалась во мне, которая с 1832 года по 1850 год сделала из меня живую историю города Ростова Великого»*⁷. Вдохновленный первыми успехами, А.Я. Артынов решил начать «писать историю» Ростова Великого⁸. При этом А.Я. Артынов успевал заниматься и коммерческими делами⁹.

А.Я. Артынов был знаком с Иваном Сергеевичем Аксаковым. Их встреча произошла в 1849 или 1850 г. в Ростове¹⁰. И.С. Аксаков провел в Ярославской губернии чуть менее двух лет (1849 – 1851), но время это для него было весьма важным, определившим во многом его духовные и общественные искания¹¹. И.С. Аксаков отредактировал составленную А.Я. Артыновым на основе труда его дяди Михаила Дмитриевича работу «Село Угодичи...»¹². Летом 1850 г. А.Я. Артынов тщательно переписал в отдельную тетрадку все записанные им песни и некоторые из них послал в копиях И.С. Аксакову в город Данилов, где он в то время отдыхал. Часть этих песен была издана А.А. Титовым в «Воспоминаниях...» А.Я. Артынова и в «Чтениях в обществе истории и древностей Российских при Московском университете»¹³. С «Ярославских губернских ведомостей» № 20 за 1850 г. началось печатание труда А.Я. Артынова «Село Угодичи...»¹⁴. Спустя много лет А.Я. Артынов писал о встрече с И.С. Аксаковым в своих «Воспоминаниях...»¹⁵: *«...удостоили меня своим посещением посланные от правительства собирать статистические сведения граф Сиверс, граф Чапский и Иван Сергеевич Аксаков. Я им, чем мог, тем и служил. Аксаков, увидев написанную мною историю села Угодичи, тотчас же взял, исправил и отослал для напечатания ректору «Ярославских губернских ведомостей» Ф.Я. Никольскому»*¹⁶.

В феврале 1869 г. известный меценат граф А.С. Уваров пригласил А.Я. Артынова на I Археологический съезд в Москву. Здесь 23 марта 1869 г. произошла встреча А.Я. Артынова с историком М.П. Погодиным¹⁷. Последний дал совет А.Я. Артынову написать свои воспоминания, и «Воспоминания крестьянина села Угодичи...» были опубликованы в 1882 – 1884 гг. А.А. Титов правильно подчеркнул: *«Здесь пишет человек, которому известен только маленький уголок Русской земли, но известен он ему доподлинно хорошо, как в настоящем, так и в прошедшем»*¹⁸.

1870 – 1871 гг. – это время фольклорных экспедиций А.Я. Артынова по Ростовскому уезду. Как собиратель он понимал необходимость документирования записей, поэтому в конце каждой записанной сказки или предания он указывал, от кого текст записан. Затем А.Я. Артыновым были написаны «История Ростова Великого», «Ростова Великого князя, иерархи и знаменитые люди», «Село Угодичи», пятая авторская редакция и многие другие. Но все названные труды А.Я. Артынова пока не изданы, а их рукописи находятся в петербургских, московских и ростовских архивах и библиотеках. В 1885 г. А.Я. Артынов пожертвовал некоторые старинные вещи в Ростовский музей церковных древностей. В 1886 г. директор Ярославского Демидовского лицея С.М. Шпилевский попросил его вступить в члены предварительного комитета предстоящего VII Археологического съезда в Ярославле. На съезде в 1887 г. был прочитан доклад А.Я. Артынова «Село Угодичи».

Дата смерти А.Я. Артынова долго была неизвестна, и только из обнаруженного в Ростове дневника его сына Якова установлено, что Александр Яковлевич скончался на 83-м году жизни в 3 часа утра 17 февраля 1896 г. (по старому стилю) и похоронен в родном селе Угодичи¹⁹.

Наследие, оставленное А.Я. Артыновым, очень богато. Сегодня зарегистрировано 16 его печатных работ и 55 рукописей²⁰. А.Я. Артынов – первый из местных краеведов, кто дал обоснованные версии генезиса названий многих населенных пунктов Ростовского края²¹. В фондах Ростовского музея-заповедника хранится фотография²² (такая же фотография имеется в фондах Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге), на которой запечатлен А.Я. Артынов в возрасте 68 лет. В 1999 г. в школьном музее села Угодичи была открыта мемориальная комната А.Я. Артынова для того, чтобы все желающие могли познакомиться с экспозицией дома, где жил и творил краевед. Среди вещей этой комнаты – подлинные, принадлежавшие когда-то А.Я. Артынову секретер, кресло, люстра, настенные часы, переданные в дар музею его потомками

Тивилиными²³. До наших дней сохранился дом, в котором родился и вырос А.Я. Артынов. Сейчас этот дом принадлежит Сергею Николаевичу и Серафиме Николаевне Тивилиным. На доме А.Я. Артынова в 1988 г. установлена мемориальная доска к 175-летию со дня рождения краеведа.

Примечания

¹ Цит. по: Бегунов Ю.К. Сказания об основании г. Ярославля и сказочная повесть Артынова о богатыре Тугарине-Закедье // Карабиха. Ярославль. 1993. Вып. 2. С.309.

² См.: Сказания Ростова Великого, записанные Александром Артыновым. СПб., 2000. С. 10.

³ Там же.

⁴ Ростовский филиал (РФ) ГАЯО. Ф. Р-946. Оп. 1. Д. 58. Л. 5.

⁵ Сергеев П.А. Ростовский краевед // Календарь памятных дат по Ярославской области на 1963 год. С. 47.

⁶ См.: Астафьев А.В., Астафьева Н.А. А.Я. Артынов (1813–1896) // Астафьев А.В., Астафьева Н.А. Писатели Ярославского края. Ярославль, 1990. С. 188–189.

⁷ Цит. по: Бегунов Ю.К. Артынов и его сказочные повести // Карабиха. Ярославль, 1997. Вып. 3. С. 297.

⁸ См.: Бегунов Ю.К. Артынов и его сказочные повести... С. 299.

⁹ РФ ГАЯО. Ф. Р-946. Оп. 1. Д. 58. Л. 5.

¹⁰ См.: Бегунов Ю.К. Артынов и его сказочные повести... С. 301.

¹¹ См.: Смирнов С.В. Иван Аксаков и ярославские «старинари» // Русь. 1991. № 1. С. 77.

¹² Артынов А.Я. Село Угодичи, Ростовского уезда, Ярославской губернии: Историко-этнографический очерк. Ярославль, 1889.

¹³ См.: Бегунов Ю.К. Артынов и его сказочные повести... С. 301.

¹⁴ Артынов А.Я. Село Угодичи...

¹⁵ См.: Артынов А.Я. Воспоминания крестьянина села Угодичи, Ростовского уезда Ярославской губернии / Предисл. А.А. Титова. М. 1884. С. 21.

¹⁶ Там же.

¹⁷ См.: Бегунов Ю.К. Артынов и его сказочные повести... С. 302.

¹⁸ Артынов А.Я. Воспоминания крестьянина села Угодичи, Ярославской губернии Ростовского уезда ... С. 1.

¹⁹ Лукьянов В.В. Краевед А.Я. Артынов // Сев. рабочий. 1956. 18 июля.

²⁰ РФ ГАЯО. Ф. Р-946. Оп. 1. Д. 58. Л. 13.

²¹ Там же. Д. 57. Л. 22.

²² Там же. Ф. Р-946. Оп. 1. Д. 58. Л. 1.

²³ См.: Крестьянинова Е. Праздник в Угодичах // Ростовский вестник. 1999. 11 февр.

Концепция К.Д. Кавелина по проблеме образования русского централизованного государства

К.Д. Кавелин является ярким представителем «юридической школы» в отечественной исторической науке. Существенное влияние на исторические воззрения К.Д. Кавелина оказала гегелевская философия истории, согласно которой в основе развития послеантичного европейского общества лежало личностное начало. Становление личности, которая сознает «сама по себе свое бесконечное, безусловное достоинство»¹, по мнению К.Д. Кавелина, является основным законом для русской истории. Однако у русско-славянских племен с присущим им семейным бытом процесс этот был переплетен с упадком кровных отношений.

В вопросе о формировании единой Руси К.Д. Кавелин, как и С.М. Соловьев, развивает идею о переходе родового быта в государственный. Наиболее заметным отличием его концепции является то, что в цепи смены форм общественных союзов появляется звено, которое можно назвать периодом господства вотчины. Опираясь на теорию эволюции семьи в более сложные формы организации, достаточно легко вычленить периоды процесса объединения Руси.

Изначально основа единства русских княжеств, по мнению К.Д. Кавелина, опиралась на родовые отношения, однако законом развития рода является распадение. Требовалось непродолжительное время, чтобы каждая его линия начала противопоставлять единому происхождению свои интересы, «частный, более местный кровный союз исключал общий, обнимавший всех членов»². Неустойчивое родовое начало постепенно уступало место семейственному. Отчетливо предпосылки формирования единого государства прослеживаются со времени княжения Андрея Боголюбского. Если на предыдущем этапе князя лишь привыкали смотреть на земли, как на вотчинные имения, то теперь «в политической сфере семья одержала верх над родом»³. Уничтожение последнего признака политического единства – киевского великокняжеского достоинства, по мнению К.Д. Кавелина, в полной мере отражало общее состояние дел на Руси, когда интересы владельцев не простирались далее своих уделов. Княжество теперь рассматривается

как собственность, и начинает складываться новый нисходящий порядок наследования престола.

Окончательное свое развитие тип вотчинного владельца получил в Московском княжестве. В этой связи К.Д. Кавелин предлагает обратить особое внимание на деятельность Ивана Калиты, поскольку в ней нашли свое отражение истоки того процесса, который мы называем собиранием территории. Приращение земель являлось главной целью этого владетеля, так как он «был в полном смысле князь-вотчинник и смотрел на свои владения как на собственность»⁴. Начало оформления единой территории все же не является основной переменной, произошедшей в политическом быте русских земель в первой половине XIV века. В это время на Руси происходили глубокие внутренние изменения. Кровные начала, на которых покоились отношения между семьями, постепенно изжили себя. Катализатором в процессе их отмирания выступило монгольское иго. Поскольку родовые расчеты не играли для ханов никакой роли, то они выдавали ярлыки на княжение тому, кто был угоднее, кто исправно платил дань. Новое мерило прав на престол оказалось противопоставлено родовому началу, подрывало его.

Кровное начало было уничтожено не в основании, а только в явлении, поэтому еще «в самом московском великом княжении скрывались зачатки его разрушения»⁵. Московские земли делились между наследниками подобно любой вотчине. Старший великий князь довольствовался таким же наделом, как и остальные, что лишало его реальной силы и вызывало раздоры. На пути к государству стояла семья, разрушение ее, по мнению К.Д.Кавелина, явило собой акт мысли, сознания. Лишь когда процесс постепенного увеличения части старшего сына по отношению к долям прочих наследников подошел к своему логическому завершению, коим исследователь считает искоренение удельного владения при Василии Ивановиче, можно говорить о том, что кровные интересы уступили место политическим. Личность «выходит из кровного союза, ставит себя выше семьи: она отрицает их во имя идеи, и эта идея государство»⁶.

В статье «Мысли и заметки о русской истории» К.Д. Кавелин основное внимание уделяет вопросам становления великорусской ветви, указывая на то, что ее развитие составляет внутреннюю историю русского народа. Согласно его теории процесс образования русского централизованного государства был всецело подчинен общему закону исторического развития, коим является утверждение личностного начала, и неразрывно связан с его основным содержанием – изменением форм общественных союзов.

Примечания

¹ Кавелин К.Д. Взгляд на юридический быт древней России // Наш умственный строй. М., 1989. С. 22.

² Там же. С. 32.

³ Там же. С. 40.

⁴ Там же. С. 45.

⁵ Там же. С. 46.

⁶ Там же. С. 48.

К.С. Куликова

Социальные аспекты проституции в России во второй половине XIX в.

Одной из острейших социальных проблем в дореволюционной России была проституция. Среди дореволюционных исследований можно выделить работы С.С. Шашковой, В.М. Тарновского, П.Е. Обозненко, Б.И. Бентовина, А.Ф. Кони¹. Они осуждали данное явление, предлагали меры борьбы с венерическими заболеваниями, ставили вопрос о юридическом статусе публичных женщин. Дореволюционные традиции на первых порах были продолжены в советской науке. В 1924 г. в Москве была создана Научно-исследовательская комиссия по обследованию продажных женщин. О проституции писали А.М. Коллонтай и Н.А. Семашко². Однако с 1930-х гг. изучение проституции постепенно сворачивалось, поскольку считалось, что к этому времени она была уничтожена в СССР. Л.К. Баева, П.М. Чирков и другие³ писали о продажной любви как о пережитке буржуазного общества. Среди современных авторов можно отметить Н.Б. Лебину и М. Шкаровского⁴, которые охарактеризовали развитие проституции в Петербурге.

Источниковая база исследования представлена материалами, находящимися в Государственном архиве Ярославской области (ГАЯО): это результаты врачебно-полицейских осмотров, документы Медицинского департамента и др. В источниках отразилась численность, социальное происхождение, национальность проституирующих женщин.

В России в пореформенный период насчитывалось 17,5 тыс. официально зарегистрированных проституток⁵. Созданные в 1843 г. Врачебно-полицейские комитеты занимались выявлением проституции и вырабатывали меры для борьбы с венерическими болезнями⁶. Зарегист-

рированные женщины превратились в поднадзорных, что означало легализацию их прежних занятий. Всем девицам выдавался бланк – знаменитый «желтый билет». Эти комитеты проводили врачебные освидетельствования поднадзорных проституток, выявляли их возраст, социальное и семейное положение, национальность.

Основной социальной группой в среде проституток являлись крестьянки (28,8%) в Петербурге и мещанки (33,64%) в Москве⁷. В последующие годы четко прослеживается тенденция увеличения крестьянок среди проституток. В 1880 г. в Петербурге крестьянок среди продажных женщин было 47,6%, мещанок – 30,1%, чиновниц – 1,2%, дворянок – 0,8%⁸. В провинциальных городах крестьянский элемент еще более преобладал. Так, в Ярославле в 1880 г. крестьянок-проституток было зарегистрировано 48,3%, мещанок – 38%⁹.

Существовала и так называемая сезонная проституция, когда проститутки-одиночки отправлялись на заработки в уезд. Так, отвечая на запрос о местонахождении двух поднадзорных проституток Углича, городской врач писал, что «в настоящее время они находятся на заработках в Углическом уезде»¹⁰. Широкое развитие проституция получала в местах пересечения торговых путей, расквартирования войск, бурного роста промышленности. Так, в Рыбинске, крупном речном порте, количество официально зарегистрированных проституирующих женщин на 1889 г. составляло 260 человек, тогда как в Ярославле эта цифра достигала 131¹¹. В докладе Ярославского губернского земского собрания подчеркивалось: «на фабриках и заводах разврат распространен несравнимо шире и в худших формах, чем в больших селах»¹².

Число иностранных подданных в среде продажных женщин на 1869 – 1870 гг. составляло 15,3% в Петербурге и 9% в Москве. Многие иностранки приезжали в крупные города России в качестве гувернанток, горничных, белошвеек. В частности, среди 957 официально зарегистрированных проституток Москвы горничные составляли 13,06%. Необходимо отметить высокий уровень грамотности среди иностранок (74,5%)¹³. В провинции число иностранок среди бланковых девиц было намного ниже. Мелкие города губернии, как правило, обслуживались местными жительницами¹⁴. Средний возраст проституток в Москве и Одессе составлял 17 – 18 лет, в Петербурге – 24 года¹⁵. Можно выделить взаимосвязь между возрастом и семейным положением продажных женщин: женщины до 24 лет были замужними, но, начиная с 25 лет, 95% составляли девицы¹⁶.

Согласно официальным данным в Петербурге не было продажных девиц моложе 18 лет. Однако эта цифра не отражала действительности.

По данным врача Б.И. Бентовина, в числе тайных проституток Петербурга дети 10 – 12 лет составляли более 10%¹⁷. Основной контингент несовершеннолетних публичных девиц составляли «дети низшей рабочей среды, беспризорные, дочери проституток»¹⁸. Б.И. Бентовин приводит высказывание малолетней проститутки: *«Ничего нет в этом худого. Пью все сладкое да вкусное. А платья у меня какие!»*¹⁹. В Ярославской губернии на 1880 г. были зарегистрированы 334 женщины, 15 домов свиданий и 12 домов терпимости²⁰. Значительно увеличилось число домов свиданий за счет Рыбинска (1889 г. – 24)²¹, однако в городе нехорошей репутацией пользовались некоторые публичные дома и трактиры, где часто бывали «венерически больные» женщины²².

На основе приведенных данных можно составить обобщенный портрет билетной проститутки второй половины XIX в.: незамужняя женщина 20 – 27 лет, русская, перенесшая венерическое заболевание и относящаяся к крестьянскому или мещанскому сословию.

Примечания

¹ См.: Шашкова С.С. История русской женщины. СПб., 1879; Тарновский В.М. Проституция и аболиционизм. М., 1888; Обозненко П.Е. Проституция // Антология социальной работы. М., 1995. Т. 2. С. 485; Бентовин Б.И. Торгующие телом // Русское богатство. 1904. № 11.

² См.: Коллонтай А.М. Проституция и борьба с ней. М., 1921; Семашко Н.А. Новый быт. М., 1926.

³ См.: Баева Л.К. Социальная политика Октябрьской революции. М., 1965; Чирков П.М. Решение женского вопроса в СССР. М., 1978.

⁴ См.: Лебина Н.Б., Шкаровский М. Проституция в Петербурге. М., 1995.

⁵ Проституция // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. М., 1898. Т. 50. С. 479.

⁶ Лебина Н.Б., Шкаровский М. Указ. соч. С. 20.

⁷ Шашкова С.С. Указ. соч. С. 305-344.

⁸ Обозненко П.Е. Указ. соч. С. 485.

⁹ ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 5. Л. 18-45.

¹⁰ Там же. Д. 489. Л. 16.

¹¹ Там же. С. 6.

¹² Там же. Ф. 485. Оп. 2. Д. 944. Л. 19.

¹³ Шашкова С.С. Указ. соч. С. 38.

¹⁴ ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 5. Л. 45.

¹⁵ Лебина Н.Б., Шкаровский М. Указ. соч. С. 29.

¹⁶ ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 5. Л. 18-29.

¹⁷ Бентовин Б.И. Указ. соч. С. 110.

¹⁸ Лебина Н.Б., Шкаровский М. Указ. соч. С. 49.

¹⁹ Бентовин Б.И. Указ. соч. С. 95.

²⁰ ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 2. Д. 97. Л. 103-104.

²¹ Там же. Оп. 1. Д. 489. Л. 6.

²² Там же. Оп. 2. Д. 247. Л. 8.

М.В. Соколова

Деятельность Ярославского губернского статистического комитета во второй половине XIX в.

Вторая половина XIX в. в России была отмечена подъемом научной деятельности в среде интеллигенции, входившей в состав научных обществ, а также таких учреждений, как губернские статистические комитеты (далее – ГСК). Одной из недостаточно изученных страниц в истории Ярославского края того периода является работа губернского статистического комитета, образованного одним из первых в России в 1835 г. По этой теме существует сравнительно немного исследовательской литературы, в основном это статьи. В 2005 г. вышла основательная монография профессора А.М. Селиванова, где уделено внимание деятельности губернских статистических комитетов¹.

Наиболее важными для изучения этой темы являются источники из фонда Ярославского губернского статистического комитета Государственного архива Ярославской области (ГАЯО). Весьма информативными документами следует считать журналы заседаний комитета. Особенно насыщены информацией журналы за 1860-х и 1870-х гг. Их анализ позволяет судить о степени участия в изучении края различных лиц, входивших в состав комитета. Там также зафиксированы предложения членов комитета по особо важным вопросам².

Согласно «Правилам для статистического отделения при Совете МВД и статистических комитетов в губерниях» от 20 декабря 1834 г. ГСК получали от присутственных мест статистические сведения, проверяли и обрабатывали их. Председателем комитета являлся губернатор. В состав комитетов входили высшие должностные лица губернии: вице-губернатор, губернский прокурор, председатель казенной палаты, управляющий государственными имуществами, управляющий врачебной управы и др. Кроме постоянных, в состав комитета входили члены «из жителей губернии»³. В 1861 г. ЯГСК был реорганизован. Комитетам разрешалось вести издательскую деятельность. ЯГСК издавал свои «Памятные книжки», «Календари», с 1866 г. – «Труды», а с 1876 г. – «Обзоры губернии». Состав комитета был расширен, вводилась долж-

ность помощника председателя «для ближайшего наблюдения за ходом и успешным производством дел комитета», а также звания действительных и почетных членов. Среди тех, кто первыми получил их, можно указать известных в губернии личностей: Л.Н. Трефолев, А.А. Титов, И.А. Вахрамеев, Д.С. Урусов, А.В. Мусин-Пушкин, А.М. Достоевский, В.С. Михалков, А.С. Петровский и др.⁴

Важная роль в комитете принадлежала секретарю: под наблюдением и руководством его и помощника председателя производились все «ученые» работы в комитете. Должность помощника была выборной. Так, несколько раз на этот пост выбирали председателя Ярославской казенной палаты, сына декабриста Е.И. Якушкина: в 1861 г. – первый раз, в 1877 г. – последний⁵.

Вторая половина XIX в. ознаменовалась проведением выставок, экспонаты которых впоследствии становились основой новых музеев или пополняли коллекции уже существовавших. Примечательны в этом смысле Всероссийские Этнографическая 1867 г., Политехническая 1872 г., Антропологическая 1879 г., Художественно-промышленная 1882 г. выставки. ЯГСК, как и другие комитеты, принимал участие в их подготовке, собирая экспонаты по губернии. Так, для содействия в проведении Этнографической выставки ЯГСК разослал указания с просьбой представлять экспонаты в Ярославскую городскую думу, земскую управу, волостные управления. Некоторые члены комитета, например Л.П. Сабанеев, изъявили желание сделать модели местных орудий сельского хозяйства. Для Политехнической выставки комитет решил отправить имевшиеся у них чертежи и рисунки, среди которых были и те, что попали в комитет стараниями Е.И. Якушкина. В 1880 г. приступили к сбору образцов на Художественно-промышленную выставку на средства Ярославского губернского земства. В одном из журналов заседаний сохранилась опись полученных из Пошехонья и Рыбинска «образчиков кустарных промыслов». Это орудия труда, посуда, утварь, предметы текстильного производства и др.⁶

По инициативе ЯГСК проводилось археологическое и геологическое изучение губернии, была составлена ее карта. Эту идею подал и активно участвовал в её воплощении в жизнь Е.И. Якушкин⁷. При комитете складывалась библиотека, в которую поступали издания центральных научных обществ. В свою очередь, ЯГСК отсылал свои «Труды» и планировал иметь посредников в столицах для их продажи. Здесь тоже была велика заслуга помощника председателя Е.И. Якушкина⁸. С 1860-х гг. ЯГСК занимался разбором архивных дел. В этой работе осо-

бенно активно себя проявили Е.И. Якушкин и преподаватель лицея М.А. Липинский⁹.

Таким образом, деятельность ЯГСК во второй половине XIX в., кроме собственно статистической работы, имела еще несколько направлений: участие во всероссийских выставках, налаживание связей с научными обществами России, геологическое и археологическое изучение края, сохранение памятников истории посредством разбора архивных дел.

Примечания

¹ См.: Парамонов Н.И., Плигина И.М. 165 лет ярославской статистике // Вопросы статистики. 2000. № 4. С. 78–80; Аграфонов П.Г. Археологическая деятельность ЯГСК // Археология Ярославского края. 2002. Вып. 2. С. 3–6; Селиванов А.М. Историческое краеведение: накопление и развитие краеведческих знаний в России (XVIII – XX вв.). Ярославль, 2005; и др.

² См. Государственный архив Ярославской области (далее ГАЯО). Ф. 642. Оп. 1. Д. 22561; 22571; 22572; 22583; 22584; 22604; 22640; 22654; 22663; 22711; 22877; 22831; 23018; и др.

³ ГАЯО. Ф. 642. Оп. 1. Предисловие. Т. 1. Л. 1.

⁴ ГАЯО. Ф. 642. Оп. 1. Предисловие. Т. 1. Л. 2,3; Памятные книжки и Адрес-календари на 1858, 1869, 1873–1880, 1885, 1892, 1894, 1898, 1900 гг.

⁵ ГАЯО. Ф. 642. Оп. 1. Предисловие. Т. 1. Л. 3; Д. 22561. Л. 80; Д. 22565; Д. 22877. Л. 56 об.

⁶ ГАЯО. Ф. 642. Оп. 1. Д. 22711; Д. 22984. Л. 33 об.; Д. 22877. Л. 50–50 об., 52–54 об.; Д. 22654. Л. 13; Д. 22640; Л. 58–59; Д. 23018. Л. 1.

⁷ ГАЯО. Ф. 642. Оп. 1. Д. 22654. Л. 56–57, 72–73, 81–82 об., 85–85 об., 88; Д. 22604. Л. 36 об.; Д. 22663. Л. 11; Д. 22711. Л. 64; Д. 22877. Л. 50; 52–54 об.; Д. 22984. Л. 17.

⁸ ГАЯО. Ф. 642. Оп. 1. Д. 22663. Л. 39–39 об.; Д. 22711. Л. 53, 171; Д. 22831. Л. 17 об, 42; Д. 22877. Л. 57 об.

⁹ ГАЯО. Ф. 642. Оп. 1. Д. 22654. Л. 57; Д. 22663. Л. 23, Л. 143–144; Д. 23116. Л. 66.

А.В. Масленников

Раскол и сектантство в Ярославской епархии по материалам «Ярославских Епархиальных ведомостей»

Целью данного исследования является изучение отношения государственной власти и духовенства к проблеме раскола и сектантства на

территории Ярославской епархии. Комплексным источником по изучению проблемы являются «Ярославские Епархиальные ведомости» (ЯЕВ). На протяжении 1860 – 1890-х гг. в «Ярославских Епархиальных ведомостях» публиковались различные материалы, касающиеся данной проблемы, в том числе законодательные акты (императорские указы), делопроизводственная документация (отчеты обер-прокурора Синода, распоряжения епархиальных властей), публицистика (записки священников), статистические источники, документы личного происхождения (дневники священнослужителей). К такого рода публикациям следует отнести серию статей «Ереси, расколы и отступления от устава церкви, бывшие и существующие в Ярославской епархии (из записок о. протоиерея И. Троицкого)»¹; «О необходимости устройства училищ в приходах зараженных расколом»².

По данным протоиерея И. Троицкого, слово «раскол» в Ярославской губернии стало известным не ранее XVII в., а до этого времени любое неправославное учение и мнение называлось ересью. И. Троицкий, как и А. Печерский, исходил из канонических правил, господствовавших в церкви Российской империи при определении несогласных с учением Русской Православной Церкви, и разделил их на три чина: 1) еретиков, 2) раскольников, 3) подцерковников³. По мнению И. Троицкого, ересь – это «отступление от учения Православной церкви, которым ниспровергаются основания и единство Веры», а раскол – это «отступление от Православной церкви только в некоторых частных мнениях»⁴. К подцерковникам А. Печерский относил поповщинский отдел русского раскола. Интересно отметить, что И. Троицкий определенную часть ярославских раскольников относил к еретикам. Понятие «секта» и у И. Троицкого, и у А. Печерского употребляются в качестве обозначения самостоятельного религиозного течения, а также в качестве разнообразных толков в расколе или в качестве синонима понятия «ересь».

Н. Булгаков сделал попытку сопоставить понятия «секта» и «раскол». Согласно Н. Булгакову, с точки зрения языка эти понятия являются синонимами с той лишь разницей, что «раскол» – русского происхождения, а «секта» – латинского. Однако каждое понятие имеет свое религиозное содержание. Сектанты отрицают церковь как земное установление, отвергают всякую церковную обрядность (особенно иконы и крестное знамение), потому что все это будто бы подавляет дух и мешает ему входить в непосредственное общение с богом. Отсюда скотское изнурение плоти (у хлыстов) и зверское уродование ее (у скопцов), чтобы дать торжество тому духовному началу над плотским. Этим мо-

локане, штундисты, хлысты и прочие сектанты существенно отличаются от так называемых «старообрядцев», за которыми исторически утвердилось название «раскольников». По мнению Н. Булгакова, «раскол и сектантство – две болезненных крайности в религиозной жизни народа»⁵.

Ф.Е. Мельников называет раскольниками сторонников Никона и его новшества, а тех, которых мы традиционно понимаем как раскольники, он называет староверами или древлеправославными христианами, то есть оставшимися при прежней, старой, вере, при древних церковных преданиях и обрядах⁶. По мнению Н.М. Никольского⁷ и А.И. Клибанова⁸, употребление термина «раскол» как совокупность отколовшихся от официальной церкви религиозных толков и организаций, приверженных к старым, дониконовским обрядам, правильно лишь применительно ко второй половине XVIII – XIX вв. До этого времени под термином «раскол» понимаются разнообразные сектантские и еретические течения.

Отношение государственной власти к проблеме раскола и сектантства было неоднозначным на протяжении данного периода. Местные ереси, возникшие на территории Ярославской губернии, несколько не интересовали великокняжескую власть. Отчасти это можно объяснить их социальным составом. По большей части основателями данных ересей были лица духовные, в частности епископы, и суть этих ересей состояла в нарушении поста. Протоиерей И. Троицкий приводит примеры таких ересей: леонтьевская ересь (середина XII в.); ересь Феодорца (без точной датировки, известно лишь то, что существовала она после леонтьевской ереси до монгольского ига); Зосимовская ересь (вторая половина XIII в.); по определению И. Троицкого, ересь из смеси магометанства и христианства (конец XIV в.) и феодосийская ересь⁹.

Нередко великокняжеская власть использовала ереси для своего возвышения и роста влияния над властью церковной. Это характерно для распространения стригольничества и его трансформации в ересь жидовствующих. По мнению Н.М. Никольского, стригольничество было использовано как повод для покорения Новгорода великим князем Московским Иваном III.

Острая ситуация из-за противостояния великокняжеской власти и церковной возникла в 1478 г. Великий князь Московский Иван Васильевич обвинил московского митрополита Геронтия в том, что последний во время освящения Успенского собора в Москве неправильно ходил вокруг церкви с крестами и иконами: ходил против солнца вместо положенного по солнцу. Иван Васильевич усмотрел в этом действии ми-

трополита ересь. Между митрополитом и великим князем разгорелся нешуточный конфликт, в результате которого вопрос был решен в пользу митрополита Геронтия. Исследователи Русской Церкви считают, что это яркий «пример недопустимости вмешательства княжеской власти в церковные дела»¹⁰.

В 60 – 70-е гг. XIX в. можно отметить изменение государственной политики в отношении распространения раскола и сектантства. По мнению Б.Г. Литвака, государственная политика этого периода была направлена на распространение веротерпимости в обществе¹¹. Эта политика сочетала в себе, с одной стороны, меры, препятствующие распространению раскола и сектантства, с другой стороны, расширяющие гражданские права раскольников и некоторых сектантов. Согласно указу от 4 февраля 1861 г. императора Александра II в воскресных школах империи назначались священники, в обязанности которых, в частности, входило, чтобы «распорядители и преподаватели с направлением, противным религиозным истинам, были тотчас отстраняемы от участия в школах»¹². В 1864 г. часть так называемых менее опасных сектантов была наделена всеми общегражданскими правами, а в 1874 г. была разрешена гражданская метрическая запись брака, рождений и смертей раскольников¹³. В 1870 г. правительство разрешило въезд в Россию иностранных подданных, принадлежащих к раскольническим сектам¹⁴.

Отношение ярославского духовенства к проблеме раскола и сектантства оставалось постоянным. Священноцерковнослужители отрицательно относились к тем, кто отвергал в той или иной степени канонические правила Русской Православной Церкви. Ярославское духовенство отмечало, что во второй половине XIX в. раскол и сектантство стали массовым и весьма распространенным явлением. По данным В. Дмитриевского, наиболее сильно был затронут расколом и сектантством Романово-Борисоглебский уезд, за ним следовал Даниловский и Пошехонский уезды, а вот Ярославский уезд, включая город Ярославль, находился лишь на 4-м месте¹⁵.

Росту раскола и сектантства способствовали «упадок просвещения в духовенстве, распространение грубого невежества в дворянстве и простом народе, которые отражались в священных книгах, переписываемых и переписываемых с ошибками»¹⁶. Важным фактором в распространении раскола и сектантства стала близость Ярославской епархии к столичным городам, развитие отходничества. Одной из причин массовости раскола и сектантства можно считать существование ересей на территории Ярославской епархии с ранних времен. Нравственное состояние православного священника, по мнению епархиального началь-

ства, влияло на устойчивость раскола в епархии. Это и беспорядочные разговоры и ходьба священноцерковнослужителей во время богослужения, небрежность по отношению к своим профессиональным обязанностям, излишняя театральность во время службы, грязь в церквях¹⁷.

Духовенство обращало внимание училищных советов на приходы, которые были «заражены расколом»¹⁸. Священники Ярославской епархии постоянно проводили беседы с раскольниками и сектантами, пытаясь вернуть последних в православие¹⁹. В сентябре 1867 г. в Ярославле была открыта воскресная школа, которая предназначалась для детей мужского пола всех сословий города Ярославля. Обучение в школе велось бесплатно²⁰. В сентябре 1868 г. воскресная школа при Ярославской семинарии была обращена в ежепраздничную, которая работала не только в воскресные дни, но и в дни, которые считались праздничными. Согласно императорскому указу от марта 1877 г., опубликованному в «Ярославских Епархиальных ведомостях», в Ярославской Духовной семинарии было разрешено открыть на местные епархиальные средства отдельную кафедру учения о русском расколе вообще и, в частности, о раскольнических сектах, наиболее распространенных в епархии²¹.

Таким образом, духовенство Ярославской епархии к расколу и сектантству относилось резко отрицательно. Кроме принятия карательных мер против старообрядцев и сектантов, ярославские священнослужители пытались изучить причины появления этого феномена в епархии.

Примечания

¹ Ереси, расколы и отступления от устава церкви, бывшие и существующие в Ярославской епархии (из записок о. протоиерея И. Троицкого) // Ярославские Епархиальные ведомости (ЯЕВ). Ч. Неофициальная. 1864. № 11–27.

² Ярославские Епархиальные ведомости. Ч. Неофициальная. 1867. № 7, 8, 31.

³ См.: Печерский А. (Мельников П.И.). Старые годы: рассказы и очерки. М., 1986. С. 473.

⁴ Ереси, расколы... № 11. С. 102.

⁵ ЯЕВ. Ч. Неофициальная. 1903. № 29. С. 534.

⁶ См.: Мельников Ф.Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) церкви. Изд-во БГПУ, 1999. С. 17.

⁷ См.: Никольский Н.М. История русской церкви. 4-е изд. М., 1988. С. 140.

⁸ Клибанов А.И. Народные противощерковные движения // Русское православие: веки истории. М., 1989. С. 569.

⁹ Ереси // Русское православие: веки истории. М., 1989. С. 95; Литвак Б.Г. Расколы ... № 11–27.

¹⁰ Сахаров А.М., Зимин А.А., Корецкий В.И. Церковь в обществе развитого феодализма (XIV – XVI вв.) // Русское православие: веки истории. М., 1989. С. 95.

- ¹¹ См.: Литвак Б.Г. Церковь в пореформенные десятилетия XIX в. // Русское православие: вехи истории. М., 1989. С. 369.
- ¹² ЯЕВ. Ч. Официальная. 1861. № 13. С. 85.
- ¹³ См.: Литвак Б.Г. Церковь в пореформенные десятилетия XIX в. С. 369.
- ¹⁴ ЯЕВ. Ч. Неофициальная. 1870. № 28. С. 239.
- ¹⁵ Дмитриевский В. Современный раскол в Ярославской епархии и борьба с ним. Статистический очерк. Ярославль, 1892.
- ¹⁶ Ереси, расколы ... № 11. С. 108.
- ¹⁷ ЯЕВ. Ч. Неофициальная. 1869. № 6, 7, 8.
- ¹⁸ Там же. 1867. № 7. С. 52.
- ¹⁹ Там же. 1869. № 20. С. 161.
- ²⁰ ЯЕВ. Ч. Официальная. 1867. № 41.
- ²¹ Там же. 1877. № 15. С. 113.
-

А.А. Нуждина

Отношение к медицине крестьян Верхнего Поволжья на рубеже XIX – XX вв.

Для более полного понимания отношения крестьян к болезням и их лечению нужно ознакомиться с представлением самих крестьян о болезнях. Так, знаток народной медицины Г.И. Попов, проанализировав весь комплекс материалов Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева, выделил целый ряд заболеваний на основе крестьянских представлений¹. К достаточно рациональным заболеваниям можно отнести простуду, одно из самых обширных понятий, включающую зачастую не только ревматизм или пневмонию, но и чахотку и даже сифилис. Также болезни объяснялись крестьянами грыжей (даже рвота, понос, желтуха и т.д.), старостью, бедной или нетрезвой жизнью. К другим болезням, имеющим некое рациональное зерно, можно отнести заболевания, вызванные «дурной кровью» (застой крови), дурным поветрием (заразные заболевания, происходящие, по мнению крестьян, от дурного ветра, росы, мухи и т.д.), попаданием в организм инородных тел (лягушачьи яйца, волосатик или нырок, который проделывает в мягких частях тела ходы или отверстия). Также, по представлению крестьян, существовали болезни «вышедшие из нутра», например сыпь, чесотка, которые лечить не следует, чтобы «не раздражить» болезнь и не согнать в нутро.

К имеющим совершенно сверхъестественные причины заболеваний можно отнести болезни, вызванные порчей, сглазом, выниманием следа, заломом и т.д. Можно было получить болезнь не только по чьему-то злому умыслу. Достаточно было просто нарушить определенные предписания, например напиться ночью воды, не перекрестившись, перейти след нечистой силы. Кроме того, по представлениям народа, болезни могли воплощаться в особых духах, например, весьма распространено было верование в 12 сестер-лихорадок, принимавших женское обличие и переходивших от одного человека к другому.

Поскольку перечень болезней, происходящих по причинам сверхъестественного характера, был достаточно велик, знахарство весьма медленно сдавало свои позиции. Знахари существовали по соседству и наравне с официальной медициной: *«Крестьяне лечатся и у тех и у других. В некоторых болезнях, в особенности (слово неразборчиво), лихорадок и порчи прибегают исключительно к помощи знахарей и знахарок»*, – писал в Этнографическое бюро учитель Мостищенского земского училища Галичского уезда В. Решеткин². По тем же причинам в компетенции знахарей находились и нервные болезни: *«что касается авторитетности знахарей, – сообщал в Этнографическое бюро учитель Чудцовской начальной школы Н. Колосов, – то этим они пользуются при лечении таких болезней, которые не могут вылечить доктора по причине неизлечимости или застарелости болезни, или же просто по отсутствию нужных условий, как, например, при лечении падучей болезни, кликушества и некоторых других. Тут авторитет знахаря непоколебим. Если уж знахарь не может вылечить, то никакому доктору в свете тоже не сделать этого»*³. Чудцовские крестьяне были твердо убеждены, что виновником кликушества является бес, вселившийся в женщину, поэтому, вероятно, и лечение должно было состоять в изгнании беса⁴.

Основная масса крестьян плохо представляла себе роль санитарных мер и всю опасность инфекционных болезней. Крестьяне охотно посещали заболевших, носили общую одежду или одежду после умершего больного. Так, Н. Колосов пишет: *«Отношения к больным заразными болезнями и не заразными, можно сказать, безразличны. Крестьяне, нисколько не опасаясь заразиться или передать заразу своим домашним, так же ходят в дом больного, как и раньше, садятся к ним на постель, расспрашивают о ходе болезни... и вообще ведут себя по отношению к заразному больному совершенно спокойно»*⁵. *«В заразительность кори, скарлатины, чохотки, инфлюэнцы и дизентерии крестьяне верят мало и при сношениях с больными мер не принимают ни-*

каких, полагаясь на божью власть... Важность санитарных мер осознается очень немногими, большинство относится к ним безразлично и даже несочувственно, считая дезинфекцию главной заразой»⁶. В простых случаях крестьяне предпочитали лечиться сами, парясь в печи, натираясь спиртом, принимая водку с солью, перцем или молоком, деревянное масло, полынь и т.д. *«При каждой болезни стремятся перепробовать все домашние средства, затем – средства родных и соседей. Потом везут больных к баушкам и лекарям и только после этого, если положение становится хуже, везут в больницу, причем уверены, что больному лучше от этого не будет, но и «хуже-то можжа не сделают».* Сами больные больниц остерегаются и просят лечить их дома, поскольку бытует мнение, что доктора лечат богатых, а бедных морят»⁷, – писал корреспондент Этнографического бюро из Шуйского уезда Владимирской губернии священник Ф. Казанский.

В народе бытовало слабое доверие к медицине, несмотря даже на бесплатность медицинских услуг: *«К фельдшеру или доктору крестьяне идут обыкновенно тогда, когда все испробованные домашние средства и мочения разных доморощенных лекарей оказываются бесплодны; между тем как лечение и отпуск лекарств производится бесплатно. В случае легкого недомогания крестьянин сначала не обращает внимания на свою болезнь. «И так пройдет», – говорит он и идет на работу. Если болезнь не проходит, он вечером влезает в печку на овсяную солому и прогревается. Или же выпивает с солью водки. Только тогда, когда означенные средства не действуют, обращается к фельдшеру...»*⁸. Современники видели у крестьян особый – фаталистический – взгляд на болезнь: *«на живот – так и сам выстоишь, а на смерть, так не помогут никакие доктора».* Врачи отмечали пассивность крестьян в болезни, их вверение себя воле Божьей и смирение перед лицом болезни и смерти⁹.

Отдаленность врачебных пунктов и занятость сельскохозяйственными работами нередко заставляли крестьян обращаться к врачу только в самых болезненных и запущенных случаях. По общему мнению крестьян, лекарство должно было быть едким, горьким и быстро давать эффект. *«Внутренние лекарства, особенно бесцветные, крестьяне считают «за пустое», – писал Ф. Казанский*¹⁰. Доверие к официальной медицине сильно зависело от ряда обстоятельств. Так, важными факторами были общий кругозор и степень культуры местности. Корреспондент Этнографического бюро из Юрьевского уезда Владимирской губернии Н.П. Дружинин писал: *«Чем глуше местность (например Суздальский уезд), тем менее различия в понятиях между фельдшером*

и врачом. В менее глухих селениях к фельдшерам относятся доверительно, если врач живет в другом месте и поэтому приезжает на пункт не более двух раз в месяц или же личность врача вообще не симпатична жителям»¹¹. «Побывавшие в городах и ознакомившиеся со способами лечения обращаются за помощью к врачам. Беднейшая часть населения прибегает обыкновенно к бабкам», – сообщал земский начальник из Корчевского уезда Тверской губернии П.Н. Извеков¹².

Популярность официальной медицины зависела от близости врачебного пункта к больному и продолжительности его существования. По данным медико-статистического исследования Кинешемского уезда Костромской губернии С.Н. Беллерта, в 1899 г. по трем волостям Кинешемского уезда больных, живущих на расстоянии менее 1 версты от врачебного пункта, обратились за год 162 человека, и они посетили больницу 271 раз; на расстоянии 5 верст – 76 человек, посетив больницу 121 раз; на расстоянии 10 верст – 41 человек, сделав 54 посещения; на расстоянии 15 верст – 8 человек, сделавших 13 посещений; на расстоянии 20 верст – 3 человека, которые посетили больницу 4 раза. Количество обращений крестьян во врачебный пункт напрямую зависело от расстояния до него, однако количество повторных посещений было примерно одинаковым, независимо от удаленности – 1,3 – 1,6 посещений на человека. Всего к врачебной помощи прибегло 55,1% населения трех волостей¹³.

Немаловажную роль в степени доверии населения к медицине играла сама личность лечащего врача. Так, отвечая на вопрос, «что привлекает крестьянина во враче, корреспондент Этнографического бюро Н.П. Дружинин писал: «доступность, простота обращения, сердечность; отчасти знания (по слухам о большей или меньшей успешности излечения). Немалую роль играет безотлучность пребывания врача в назначенном месте и точное, в определенные часы, посещение амбулаторных пунктов»¹⁴.

По мере распространения медицинской помощи, развития грамотности и повышения культурного уровня населения, крепло и доверие народа к медицине. Как писал пошехонский крестьянин С.Я. Дерунов в конце XIX века, «сейчас авторитет знахарей в глазах народа падает все более и более и недалеко то будущее, когда от знахарей останутся одни только предания»¹⁵. Г.И. Попов отмечал, что иногда крестьяне оказывали врачу большое доверие, открывая им свои интимные и семейные тайны, охотно прибегая к хирургической помощи, решаясь на серьезную и тяжелую операцию, всецело отдаваясь воле врача и говоря: «Ты лучше знаешь»¹⁶. В развитых местностях начинала проникать идея

санитарных мер, меры дезинфекции, изоляции, иногда крестьяне определяли опасность болезни по приезду в деревню доктора. Как отмечал Г.И. Попов, часто крестьяне противились врачебным мероприятиям до тех пор, пока им не становился понятным смысл совершаемой процедуры, после чего охотно шли навстречу врачам¹⁷.

Примечания

¹ См.: Попов Г.И. Народно-бытовая медицина. СПб, 1903. С. 10–42.

² Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Т. 1: Костромская и Тверская губернии / Под ред. Д.А. Баранова и А.В. Коновалова. СПб., 2004. С. 258.

³ Там же. С. 360.

⁴ Там же. С. 319.

⁵ Там же. С. 360.

⁶ Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии) СПб., 1993. С. 284.

⁷ Там же. С. 283.

⁸ Русские крестьяне. С. 360.

⁹ См.: Попов Г.И. Народно-бытовая медицина. СПб, 1903. С. 101.

¹⁰ Там же. С. 283.

¹¹ Там же. С. 286.

¹² Русские крестьяне. С. 506.

¹³ Беллерт С.Н. Медико-статистическое исследование Кинешемского уезда Костромской губернии. СПб, 1903. С. 101.

¹⁴ Быт великорусских крестьян-землепашцев. С. 285.

¹⁵ Дерунов С.Я. Село Косьюдемьянское Щетинской волости Пошехонского уезда // Ярославские губернские ведомости. 1890. №. 82.

¹⁶ См.: Попов Г.И. Народно-бытовая медицина С. 94.

¹⁷ Там же. С. 132.

Р.А. Невиницын

Эдуард Германович Фальк: журналист и издатель

Основателем, первым редактором и издателем газеты «Северный край» был Эдуард Германович Фальк. Он родился в 1861 г. в Ярославле; закончил Ярославскую гимназию, а затем Демидовский юридический лицей со степенью кандидата права¹. А.В. Тыркова писала об Э.Г. Фальке: «Несмотря на немецкую фамилию, это был настоящий ярославец, на редкость привлекательный, умный, бойкий, полный на-смешливого юмора. Но ярославской тяги к деньгам в нем не было»². Э.Г. Фальк основал газету с целью «прийти на помощь глухому до сих

пор почти безмолвному Северному Краю, призвать таившиеся в нем силы, дать им в лице своей газеты и опору и голос»³.

Свидетельство Главного управления по делам печати № 5440 на издание «Северного края» было подписано 5 августа 1898 года⁴. В докладной записке, адресованной ярославскому губернатору Б.В. Штюмеру, Фальк в ярких красках представляет перспективы развития региона: «Такая блестящая экономическая будущность Ярославля, обещающего сделаться со временем крупным торгово-промышленным центром Северного Края, дает повод подумать об основании в Ярославле ежедневной газеты с названием, характеризующим ее предполагаемое содержание и направление». В тексте проводилась мысль о необходимости основания газеты как можно раньше, пока подобный областной печатный орган не появился где-то еще на Севере⁵. В докладной записке министру внутренних дел губернатор подчеркнул важность появления ежедневной газеты под руководством Э.Г. Фалька, а редактора-издателя характеризовал как личность, «вполне отвечающую серьезной задаче как в виду его образовательного ценза, так и благонадежности нравственной и политической»⁶.

Журналист «Северного края» С.С. Каныгин вспоминал: «Давая разрешение на выпуск газеты..., Штюмер рассчитывал иметь в ней свой полуофициальный орган, который бы способствовал созданию его популярности. Этот расчет его не оправдался..., газета уклонялась от восхвалений и прославления деятельности его превосходительства и проявляла себя не в том духе, в каком ему было нужно»⁷. Об этом же писала и «Искра»: «Давая свое разрешение на возникновение «Северного края», дальновидный ярославский Зубатов рассчитывал иметь в лице этой газеты свой собственный... полуофициоз... Но тут расчет его оказался недостаточно тонок:... газетка оказалась настолько все-таки приличной, что от роли трубадура, воспевающего... доблести своего покровителя, уклонилась, государственной мудростью Штюмера не восхищалась и вообще губернаторских надеж не оправдала»⁸.

Первым цензором «Северного края» был назначен правитель канцелярии губернатора П.К. Гран. По воспоминаниям Н.П. Дружинина, «материал для номера часто приходил в 1 – 2 часа ночи (что затягивало выпуск до 4 – 5 часов. – *Р.Н.*) от цензора наполовину зачеркнутый, в остальных частях произвольными сокращениями изуродованный»⁹. Сам Э.Г. Фальк был приглашен весной 1901 года в столицу, где ему было сделано «строжайшее внушение за целый ряд совершенно неудобных статей» и обещано принять «соответствующие способы воздействия»¹⁰. Раздражение высказало и Министерство народного про-

свещения. Его распоряжением номера «Северного края» были изъяты из бесплатных народных библиотек губерний¹¹. Против редактора было возбуждено три дела по обвинению в клевете¹². Однако по всем фактам Э.Г. Фальк был оправдан.

Э.Г. Фальк считал, что оценки «Северного края» должны быть взвешенными, информация проверенной, корреспонденты обязаны избегать скандалов, сплетен, слухов, так как «потворство дурным инстинктам... ведет к утрате газетой всякого действительного значения»¹³. В оппозиционной журналистике господствовало представление: «Пресса существует не для писателей только, а для общества,... мы служим истине, как ее понимаем, и печатаем то, что по нашему мнению, поддерживает и развивает основные начала этой истины»¹⁴. Трудности на данном пути отмечали сами журналисты и отдельные читатели: «Если же вы... хотите воспитать читателя, поднять общий уровень его – пред вами тяжелая и долгая работа»¹⁵.

Газета нашла себе корреспондентов и единомышленников не только в Ярославле, Костроме, Архангельске, Вологде, Твери, Владимире, но и в большинстве уездных городов, крупных селах. К 1901 г. «Северный край» имел уже большое количество статей от постоянных и специальных корреспондентов, «настаивающих на скорейшем помещении своих сообщений и нуждающихся в этом поощрении к деятельности»¹⁶. Внушали оптимизм отклики столичной печати, отметившей появление ярославского коллеги. Так, московский «Курьер» в декабре 1898 года после первых номеров «Северного края» счел оправданным «сразу зачислить новое издание в число лучших органов провинциальной печати, так небогатой хорошими изданиями»¹⁷. Из рассмотренных нами трех центральных представителей прессы в декабре 1898 года ссылались на статьи «Северного края»: «Санкт-Петербургские ведомости» – 3 раза, «Курьер» – 3 раза, одна публикация вышла в «Русском слове»¹⁸. Э.Г. Фальк привлек к работе известных публицистов, литераторов, художников: В.В. Водовозова, В.И. Немировича-Данченко, А.С. Лазарева (А. Грузинского), А.С. Пругавина, Л.Н. Трефолева, В.М. Михеева, В.В. Верещагина и других, что вело к увеличению расходов. Например, гонорар Верещагина составлял 10 копеек за строку при обычном 3 – 5 копеек¹⁹. Часто дополнительным условием сотрудничества было опубликование материалов вне очереди²⁰.

Руководитель «Северного края» был не только редактором-издателем, но и ответственным корректором²¹. Большое значение в обеспечении газеты сведениями из северных губерний играли контакты редакции с политическими ссыльными. «Все пути для этого элемента

были закрыты. Свидетельство о благонадежности не требовалось лишь для работы в газетах», – писал В.Г. Короленко²². Не последнюю роль в их сотрудничестве играли дополнительный заработок и желание участвовать в общественной жизни. При Э.Г. Фальке в газете регулярно сотрудничали Л.С. Федорченко, Н.В. Романов, А.В. Луначарский, Н.В. Галецкий (в 1905 г. возглавивший первую архангельскую ежедневную газету «Северный листок») и другие. Необходимо отметить, что их корреспонденции далеко не всегда носили противоправительственный характер. Так, А.В. Луначарский был автором театральных рецензий из Вологды, Н.В. Романов, работая статистиком в архангельском земстве, корреспондировал на экономические темы. Тем не менее сотрудничество ссыльных усиливало неприязненное отношение ярославских властей к изданию. Л.С. Федорченко вспоминал: «Жандармы дали знать своим коллегам в Ярославль, что новая газета держит сотрудников «крамольников», а те с места в карьер произвели обыск в редакции «Северного края». А губернатор... вызвал к себе редактора газеты... и поставил ему ультиматум о закрытии газеты, если он будет приглашать в число сотрудников явных революционеров»²³.

В газете печатались земцы, интеллигенция, ссыльные, социал-демократы, неонародники, эсеры. Заслуга в этом принадлежит именно Э.Г. Фальку. «Хорошо понимая людей, он собрал вокруг себя сотрудников, единомышленников и с редким тактом и умением руководил этим товарищеским кружком, сглаживая своим неунывающим юмором неизбежные во всяком деле столкновения и недоразумения. Энергичный и бодрый, он умел бодрить и оживлять товарищей»²⁴. Все расходы по изданию газеты нес на плечах ее основатель. Доходы от рекламы, подписки и розницы не компенсировали затрат. Дело велось на широкой основе, и только в первые два года долги составили 30 тыс. руб.²⁵

Э.Г. Фальк продолжал заниматься и чисто издательской работой. В частности, предлагал журналисту Н.П. Дружинину опубликовать на льготных условиях его труды²⁶. В 1899 г. редактор газеты стал агентом «Первого русского страхового общества» в Ярославле и ряде уездов губернии, осуществляя заключение договоров на разные виды страхования²⁷. Фальк выступал и как меценат, за что ярославское естественно-историческое общество предложило включить его в действительные члены²⁸.

На пятом году издания «Северного края» здоровье Э.Г. Фалька сильно пошатнулось. «Человек расцвета сил, пользовавшийся крепким здоровьем, стал неузнаваемым: лицо осунулось, глаза впали, руки нервно подергиваются и с сердцем стало что-то неладно...»²⁹. Он хотел

уехать лечиться на юг, а ведение газеты передать наиболее близкому кругу сотрудников. Возглавивший газету после смерти Э.Г. Фалька Василий Михайлович Михеев вспоминал: «... привлечь к нему (коллективному изданию. — Р.Н.) он хотел бы не только писателей-сотрудников, но и типографщиков, печатников, наборщиков. Он хотел бы, чтоб и газета и типография перестали быть исключительно его, чтобы они были артельными, товарищескими... И как это ни трудно, как это, по-видимому, ни невозможно, он бы достиг этого, если б здоровье»³⁰.

Эдуард Германович Фальк умер 3 декабря 1902 г. в Санкт-Петербурге, куда поехал хлопотать о смягчении цензуры «Северного края». Он был похоронен в Ярославле на Леонтьевском кладбище. «Это был чудный человек. Большого ума, громадных способностей, твердых убеждений, необычной энергии, сильного характера, недюжинного развития и благородной души и доброты. <...>. Но когда он умер, ценишь еще больше и лучше видишь, какого редкого человека не стало более»³¹.

Благодаря Э.Г. Фальку, сразу ряд губерний страны получили печатную трибуну для обсуждения местных животрепещущих проблем. «Северный край» способствовал росту гражданского сознания населения, выставляя на обозрение общественности беззакония и злоупотребления властей и частных лиц. Именно Э.Г. Фалька можно назвать основателем современной ярославской журналистики.

Примечания

¹ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 637. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 37.

² Тыркова-Вильямс А.В. Воспоминания. То, чего больше не будет. М., 1998. С. 273.

³ Северный край. 1902. 14 дек.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 635. Оп. 1. Д. 280. Л. 3.

⁵ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 7. Д. 445. Л. 3 об., 2.

⁶ Там же. Л. 9 об.

⁷ Каныгин С.С. Ярославский помпадур / Публ. подгот. В.М. Марасановой // Исторический архив. 2004. № 5. С. 180.

⁸ Искра. 1902. 15 февр.

⁹ Дружинин Н.П. Покушение на новое закрепощение крестьян перед революцией 1905 г. (Лекция). Рыбинск, 1927. Прил. Автобиография Н.П. Дружинина. С. 40.

¹⁰ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 7101. Л. 1 об, 2, 2 об.

¹¹ Там же. Ф. 485. Оп. 2. Д. 105. Л. 1.

- ¹² Там же. Ф. 346. Оп. 4. Д. 5417. Л. 27; Д. 5419. Оп. 4. Л. 88-106 об.; Северный край. 1900. 1 дек.
- ¹³ Северный край. 1900. 1 дек.
- ¹⁴ Короленко В.Г. Воспоминания. Статьи. Письма / Сост. С.И.Тими́на. М., 1988. С. 355-356.
- ¹⁵ Северный край. 1901. 14 авг.
- ¹⁶ РГАЛИ. Ф. 393. Оп. 1. Ед. Хр. 70. Л. 4.
- ¹⁷ Курьер. 1898. 13 дек.
- ¹⁸ Там же. 13, 18 дек.; Санкт-Петербургские ведомости. 1898. 12, 15, 29 дек.; Русское слово. 1898. 23 дек.
- ¹⁹ РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 1. Ед. Хр. 280. Л. 1.
- ²⁰ Российская национальная библиотека. Отдел рукописей (РНБ ОР). Ф. 266. Оп. 1. Ед. Хр. 428. Л. 3 об.
- ²¹ Северный край. 1903. 3 июня.
- ²² Короленко В.Г. Воспоминания о писателях / Под ред. С.В. Короленко, А.Л. Кривинской. М., 1934. С. 121.
- ²³ Федорченко Л.С. В тюрьме и ссылке (Из воспоминаний 1895 – 1900 гг.) // Каторга и ссылка. 1929. № 2. С. 115.
- ²⁴ Северный край. 1902. 14 дек.
- ²⁵ РГАЛИ. Ф. 1691. Оп. 1. Ед. Хр. 628. Л. 1.
- ²⁶ Там же. Ф. 393. Оп. 1. Ед. Хр. 70. Л. 8.
- ²⁷ Северный край. 1899. 26 февр.
- ²⁸ Там же. 1900. 30 нояб.
- ²⁹ Ярославский историко-архитектурный и литературный музей-заповедник (ЯИАМЗ). НВФ – 3991/17. Очерк «Северный край» и его издатель. С. 8.
- ³⁰ Северный край. 1903. 3 дек.
- ³¹ РГАЛИ. Ф. 393. Оп. 1. Ед. Хр. 70. Л. 11.

К.А. Степанов

Из истории здравоохранения Ростовского уезда в начале XX века: строительство больницы в с. Капцево

В процессе своей деятельности земство решало различные вопросы, одним из них было развитие здравоохранения. Необходимость в этом была вызвана малой эффективностью разъездной помощи врачей, особенно при лечении тяжелобольных, а имеющиеся земские больницы не могли принять всех нуждающихся. В связи с этим Ростовское земство с начала XX века стало проводить активную работу по строительству земских больниц в уезде. Деятельность Ярославского губернского и Ростовского уездного земств уже привлекала внимание исследователей,

но, несмотря на это, проблема строительства и открытия больниц в Ростовском уезде мало изучена. В связи этим исследование работы Ростовского уездного земства по постройке больницы в с. Капцево представляет большой интерес и выполнено на основании архивных и опубликованных источников.

В результате деятельности уездного земства в Ростовском уезде к 1910 г. имелось пять больниц. 12 сентября 1910 г. с просьбой открыть больницу в с. Капцево на 10 кроватей в Ростовское земство обратился сход крестьян Нажеровской волости¹. Из справки земства от 31 января 1914 г. известно, что крестьяне внесли на постройку больницы в 1911 г. сумму в 1136 руб., в 1912 г. – 787 руб., в 1913 г. 293 руб. и до 1 февраля 1914 г. – 14 руб., а всего 2231 руб.²

В октябре 1910 г. Ростовское уездное земское собрание согласилось на открытие в с. Капцево больницы на 10 кроватей (врачебный пункт в этом селении был открыт 1 марта 1910 г.³ и к 1 января 1914 г. участок медицинского обслуживания населения насчитывал 12 142 человека⁴). Кроме этого, оно решило поставить в Капцевской больнице кровать имени Кулешовых за пожертвования участка земли и денег в сумме 1 400 руб. (от наследников Е.Е. Кулешова) на постройку этой больницы⁵. Собрание отметило также, что на обустройство больницы в 1911 г. земством была ассигнована сумма в 3 000 руб. По предложенной управой смете затраты на постройку больницы должны были составить 8 600 руб., однако, по мнению управы, из этих денег необходимо было исключить 1 400 руб. за пожертвованный строительный лес и 2 724 руб. по обязательствам крестьян Нажеровской волости принимать участие в строительстве здания больницы. Получившаяся разница в сумме 1 476 руб., по мнению управы, могла быть ликвидирована за счет сокращения некоторых видов работ по смете и стоимости строительного материала. Заложенная в смету расходов сумма в 3 000 руб. на 1911 и 1912 гг. была вполне достаточна, чтобы открыть больницу в этом селении с 1 июля 1912 г.⁶ Министерство внутренних дел «признало возможным присвоить сооружаемой Ростовским уездным земством больнице в Капцево наименование «Капцевской больницы в память пятидесятилетия освобождения крестьян от крепостной зависимости».

Уездное земское собрание 11 марта 1912 г. заслушало доклад управы о приобретении участка земли у А.Е. Густовой с имеющимися на нем строениями под устройство на земле очистных «полей орошения» для будущей больницы⁷. Из него следовало, что 5 сентября 1911 г. А.Е. Густова обратилась к земству с предложением купить ее дом в с. Капцеве с постройками: баней, погребом и деревянным сараем, а также

участок земли при нем площадью 1,5 десятины. За это она просила 6 000 руб. Наряду с этим управа предложила купить за 800 руб. здание у В.М. Тютрюмова, как «вполне пригодное для устройства в нем в одной половине заразного барака, а в другой ... квартиры для второго фельдшера»⁸. Покупку этих помещений с землей собрание решило отложить до повторного рассмотрения очередной сессией в 1912 г.

12 июня 1912 г. в Капцево выезжала комиссия в составе врачей В.И. Ивановского, В.А. Херсонского, Г.И. Курочкина и двух уездных техников, которая приняла решение о том, что на имеющемся участке земли все здания больницы и поля орошения не уместятся. С учетом этого комиссией был признан удобным для размещения полей орошения соседний участок земли, также принадлежащий Густовой. Отчет об этой поездке рассматривался 13 июня на врачебном совещании. Совещание признало необходимым отсрочить открытие Капцевской больницы до 1 ноября 1912 г. и предложило просить земское собрание об отчислении денег на устройство полей орошения⁹.

На уездном земском собрании 10 ноября 1912 г. был заслушан доклад управы о производстве работ при Капцевской лечебнице. Управа предложила в качестве неотложной меры построить погреб и провести конопатку, «обшивку» и покраску здания. На производство этих работ она просила выделить по смете 679 руб. Собрание ассигновало на конопатку здания будущей больницы 100 руб., а «обшивка» и покраска была отложена на один год. 11 ноября 1912 г. вниманию собрания был предложен доклад управы об открытии Капцевской лечебницы и о покупке участка земли с постройками у А.Е. Густовой. Земская управа сообщила об аренде земством дома Густовой за 350 руб.

Уездным техником был составлен план и акт на все постройки. Из акта следовало, что здание сделано «фундаментально», но давно не ремонтировалось и в случае его покупки необходимо сделать работы по заливке фундамента, замене закладных бревен, оборудованию водонепроницаемого погреба для хранения медикаментов и покраске помещений и крыши здания. В результате сделанного обмера оказалось, что «удобной» было 1 кв. дес. 880 кв. саж., а «неудобной» под дорогой 91 кв. саж.¹⁰ Учитывая это, управа предложила собранию купить дом у Густовой за назначенную сумму в рассрочку на 3 года с оплатой в первый год 1500 руб., второй – 2000 руб. и в третий – 2500 руб. Управа просила собрание внести в смету расходов сумму в 1500 руб. на устройство полей орошения при Капцевской больнице. Собрание согласилось с этим предложением и наделило управу полномочиями заключить

заем на 8 тыс. руб. из кассы кредита земств и городов с рассрочкой на 10 лет¹¹.

1 июля 1913 г. управляющий кассы городского и земского кредита уведомил управу, что правление кассы на своем заседании 20 июня 1913 г., разрешив ссуду Ростовскому земству, предложило взять не долгосрочный заем на 10 лет, а краткосрочный на 5. Свое предложение он обосновывал тем, что за вычетом процентов по уплате займа, земство получит при долгосрочной ссуде 6278 руб., а при краткосрочной 7 740 руб.¹² На основании предложенного управа приняла решение получить краткосрочный кредит. Поставка леса на строительство больницы была отдана Н.А. и Г.А. Кулешовым, а также А.А. Ивановской за 700 руб.¹³. Ими было «доставлено» для постройки 270 бревен разных размеров, 130 лафетов и 305 досок¹⁴.

Капцевская больница была открыта 5 октября 1913 г. и располагалась на участке земли, подаренном земству (2 200 кв. саж.) и купленном у частных владельцев (3 056 кв. саж.)¹⁵. В деревянном доме с мезонином размещалась амбулатория и квартира врача. Бельем больница была обеспечена по три смены на каждую штатную и запасную кровать, которые были рассчитанны на 8 мужчин и 8 женщин, а также 6 смен для мальчиков и девочек. На каждую кровать имелось по одному летнему и зимнему одеялу и халату, а также по паре кожаной обуви. Наряду с этим при больнице имелась баня, два погреба и сарай. Это была первая больница уезда, имевшая рациональную ассенизацию – поля орошения. Больничный корпус находился в специально построенном деревянном одноэтажном здании, а амбулатория располагалась в отдельном помещении.

В центре здания больницы находилась операционная и предоперационная, рядом с которыми размещались две палаты для мужчин и две для женщин. Кроме этого в здании имелась перевязочная, умывальная, кухня с чуланом, черные сени, ватерклозеты (мужской и женский), ванная, комната для прислуги, квартира акушерки и изолированная от них квартира фельдшера с отдельным входом. Для водоснабжения больницы служил закрытый шахтенный колодец. Вода из него при помощи ручного насоса поступала в бак (объем 300 ведер), который был установлен на чердаке дома. Затем по трубам вода отводилась в помещения больницы. Для подачи горячей воды в ванной комнате был помещен циркулярный куб. Для отопления больницы служили голландские печи, в которых были установлены специальные приспособления для вентиляции зданий.

Для удаления нечистот была сделана сплавная канализация (при помощи «гончарных труб»¹⁶) на поля орошения, которые располагались на расстоянии 35 саж. от больницы. Они были рассчитаны на 600 ведер в сутки. Полей насчитывалось семь, по числу дней в неделе. Работы по планировке полей орошения проводились в 1913 г. Стоимость работ по смете была 1 250 руб., но в связи с повышением стоимости материалов и рабочей силы затраты составили 1 714 руб.¹⁷ 25 июня 1914 г. гласный уездного земского собрания М.А. Ошанин осмотрел устройство полей орошения и отметил, что «за ничтожными исправлениями, сделанными еще весной, поля орошения находятся в полном порядке и превосходно действуют»¹⁸. На основании штампа, поставленного 22 июня 1915 г. врачом Э.А. Абрамовичем, известно, что больница в этом населенном пункте значилась как «Капцевская уездная земская больница»¹⁹. Общая стоимость больницы с. Капцево в 1917 г. была 30 000 руб., а имеющиеся при ней хозяйственные постройки оценивались в 1 200 руб.²⁰

Таким образом, больница в с. Капцево была построена и открыта уездным земством, большую помощь которому при этом оказали местные крестьяне и благотворители. Особенностью этой больницы явилось первое использование в Ростовском уезде устройства полей орошения при очистке сточных вод. Больница была открыта на значительном удалении от Ростова, что положительно сказалось на оказании медицинской помощи в отдаленной части уезда.

Примечания

¹ Журналы Ростовского уездного земского собрания очередной сессии 1910 г. Ярославль, 1911. С. 239.

² Ростовский филиал Государственного архива Ярославской области (РФ ГАЯО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 953. Л. 68.

³ РФ ГАЯО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 899. Л. 20.

⁴ Труды VI съезда врачей и представителей земств Ярославской губернии (делегатский доклад по Ростовскому уезду). Ярославль, 1914. Т. 1. С. 1.

⁵ Журналы Ростовского уездного земского собрания очередной сессии 1910 г. С. 57, 58, 239.

⁶ Краткий свод постановлений очередного Ростовского земского собрания сессии 1911 г. и доклады управы по больничному делу. Ярославль, 1912. С. 19.

⁷ Журналы Ростовского уездного земского собрания и доклады управы очередной сессии 1912 г. Ярославль, 1913. С. 267.

⁸ РФ ГАЯО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 845. Л. 60.

⁹ Там же. Д. 870. Л. 5об., 6.

¹⁰ Там же. Д. 845. Л. 59, 59 об.

¹¹ Журналы Ростовского уездного земского собрания и доклады управы очередной сессии 1912 г. Ярославль, 1913. С. 73.

¹² Журналы Ростовского уездного земского собрания и доклады управы. Очередная сессия 1913 г. Ярославль, 1914. Ч. I. С. 435.

¹³ РФ ГАЯО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 953. Л. 3.

¹⁴ Там же. Л. 11.

¹⁵ Журналы Ростовского уездного земского собрания и доклады управы очередной сессии 1914 г. Ярославль, 1915. С. 254.

¹⁶ РФ ГАЯО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 953. Л. 66 об.

¹⁷ Там же. Л. 72; Журналы Ростовского уездного земского собрания и доклады управы. Очередная сессия 1913 г. Ч. I. С. 885.

¹⁸ Журналы Ростовского уездного земского собрания и доклады управы очередной сессии 1914 г. С. 284.

¹⁹ РФ ГАЯО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1049. Л. 5а.

²⁰ См.: Финансовый отчет Ростовского, Ярославской губ. уездного земского отдела народного хозяйства за 1917 г. Ростов Ярославский, 1918. С. 140.

А.С. Воронков

Ярославская губерния в годы первой мировой войны (1914 – 1917)

Первая мировая война затронула все стороны жизни Ярославской губернии. Она являлась тыловой, и на ее территории не проходили военные действия. Одной из примет военного времени было наличие в Ярославле и других городах губернии беженцев из Польши, Прибалтики, Белоруссии, Украины. Их размещением занимались земские управы. Каждый беженец, прибывая на свое новое место жительства, проходил регистрацию и заполнял анкетный лист. К началу 1916 г. общее количество беженцев приблизилось к 16 тыс. человек. Если обратиться к их расселению на территории губернии, то это в основном была сельская местность, главным образом Даниловский и Романовский уезды. Часть беженцев занималась сельским хозяйством, например, поляки развивали хуторские и фермерские хозяйства.

Уже осенью 1914 г. в губернии появились первые военнопленные, по национальности преимущественно немцы и австрийцы, а с 1915 г. преобладали чехи и словаки. Пленные использовались на различных строительных работах, например при строительстве Акционерного общества воздухоплавания «В.А. Лебедев» (сейчас ОАО «Автодизель» ЯМЗ).

Значительное влияние первая мировая война оказала и на развитие ярославской промышленности. В Ярославской губернии – одной из промышленных губерний центра России – на начало 1914 г. насчиты-

лось 185 фабрик и заводов, в которых были заняты 38 294 рабочих. Эти предприятия вырабатывали продукции на 90,6 млн. руб. в год. Главными промышленными районами губернии являлись город Ярославль и Ярославский уезд. В Ярославле до войны были расположены 42 предприятия с 13 455 рабочими; они вырабатывали почти половину всей промышленной продукции губернии на сумму 42,3 млн. руб. В Ярославском уезде находились 28 предприятий с 8 300 рабочими и годовой суммой производства в 13 млн. руб. Другим крупным промышленным районом был город Рыбинск с уездом. Здесь имелись 42 предприятия с 3 144 рабочими и суммой производства в 11,7 млн. руб. в год. Затем шли Романово-Борисоглебский уезд (13 предприятий, 4 521 рабочий, промышленной продукции в год на 6,5 млн. руб.) и Ростовский (24 предприятия, 2 700 рабочих, на 4,8 млн. руб. продукции в год). В остальных уездах – Даниловском, Мышкинском, Мологском, Любимском, Пошехонском и Угличском – вырабатывалось продукции в общей сложности на сумму около 12 млн. руб. в год¹.

Война с первых же дней внесла свои изменения в привычный для губернии ход развития промышленности. Во-первых, большая часть предприятий (108) стала работать по военным заказам, некоторые из них занимались производством шрапнельных стаканов. В выигрышной ситуации оказалась Ярославская Большая Мануфактура. Она получила заказы от Главного управления военной промышленности на производство рубашечной ткани, полотна и ваты для нужд действующей армии. Тем самым ее доходы по сравнению с довоенным временем увеличились в два раза. Во-вторых, резко сократилось количество свинцово-белильных (из-за прекращения поставок сырья из-за границы) и мукомольных предприятий (из-за сокращения посевов). И, в-третьих, отмечалось развитие в губернии тяжелой промышленности. Это обстоятельство было связано с эвакуацией в Ярославскую губернию заводов с оккупированных территорий, всего были эвакуированы 92 предприятия. Часть из них была ориентирована на машиностроение и металлообработку.

Другим фактором, обусловившим рост тяжелой промышленности в Ярославской губернии, было строительство двух машиностроительных заводов в Рыбинске и Ярославле. В феврале 1916 г. вышло Положение Совета Министров о выдаче крупного заказа на общую сумму 136 885 500 руб. пяти русским заводам, которые были связаны с точным машиностроением². Строительство автомобильного завода в Ярославле осуществляло Акционерное общество воздухоплавания «В.А. Лебедев», созданное в Санкт-Петербурге в 1914 г. Владимиром Алек-

сандровичем Лебедевым с целью производства аэропланов. Общество воздухоплавания было решено переименовать в «Акционерное общество механических передвижений и производств В.А. Лебедев», его устав император Николай II утвердил 31 марта 1916 г. Уставной капитал составлял 3 млн. руб., на содержание и оборудование планировалось израсходовать 14 млн. руб. Проектная мощность была установлена в 1 500 автомобилей в год. Общество обязалось поставить военному ведомству 750 легких штабных и 750 санитарных автомобилей³. Акционерное общество В.А. Лебедева не стало дожидаться соблюдения всех формальностей. Еще не был утвержден устав общества и не закончились переговоры со строительным подрядчиком, а в феврале 1916 г. началось строительство завода. 20 октября (7-го по старому стилю) 1916 г. состоялись торжества по случаю открытия завода. Уже в начале 1917 г. на заводе В.А. Лебедева работали более 100 человек. Завод стал третьим по величине металлообрабатывающим предприятием в Ярославле.

Заказ на строительство автозавода в Рыбинске получило Акционерное общество «Русский Рено», образованное в Петрограде в 1914 г. До начала войны предприятие занималось ремонтом автомобилей французской фирмы «Рено». После выдачи госзаказа акционерное общество развернуло строительство своего автомобильного завода в г. Рыбинске (сейчас ОАО «НПО «САТУРН»)⁴. Большая часть установочного капитала (на август 1916 г. – 8 млн. руб.)⁵ была предоставлена французской стороной, даже первым управляющим нового предприятия стал француз Генрих Шевалье. Общество должно было производить грузовые автомобили в количестве 2 000 штук в год. Завод начал возводиться вне городской черты, и в его строительстве участвовали около 2 тыс. человек, большинство из которых составляли женщины. До октября 1917 г. удалось построить только половину необходимых корпусов.

Как результат всех вышеперечисленных обстоятельств, в губернии увеличилось количество рабочих мест до 50 тыс. человек, повысилась концентрация производства. На предприятиях с числом рабочих не более 500 в 1913 г. было занято 25,8% рабочих, а в 1917 – 22,4%, то есть произошло сокращение на 3,4%. Зато на предприятиях с числом рабочих свыше 500 количество рабочих выросло с 74,2% в 1913 г. до 77,6% в 1917 г.⁶

К началу 1917 г. карточная система не гарантировала снабжение продовольствием, к тому же его качество постоянно падало. Об этом свидетельствует сообщение газеты «Рыбинский листок» от 1 июля 1917 г.: «В редакцию ... доставлен образчик хлеба, продаваемого из

«судоходных лавок» матросам и рабочим на баржах, – хлеб, который составляет в настоящий момент единственное питание судорабочих (больше в лавке ничего не имеется). Хлеб сырой, приготовлен из затхлой муки – на зубах хрустит от примеси песка. Половина покупаемого хлеба рабочими выбрасывается. Существующая в лавочке мука состоит из комьев в кулак толщиной, благодаря чему рабочие лишены возможности выпекать сами»⁷. К началу 1917 г. продовольствие по сравнению с 1914 г. подорожало в 6 – 8 раз, что в свою очередь привело к увеличению стачечного движения, которое практически прекратилось с началом войны⁸.

Таким образом, мы видим, что война оказала сильное влияние на развитие Ярославской губернии. В промышленности намечается переориентация отраслей производства, строительство новых заводов, повышение концентрации производства и др. Война легла тяжелым бременем на все слои населения; неудачи российских войск на фронте, растущий сельскохозяйственный кризис, рост цен на товары первой необходимости, увеличение забастовочного движения – все это свидетельствовало о неспособности властей справиться со сложившейся ситуацией и вызывало резкую оппозицию со стороны населения.

Примечания

¹ См.: Резвый Н.И., Козлов П.И. Борьба за власть Советов в Ярославской губернии. Ярославль, 1957. С. 3.

² РГВИА. Ф. 815. Оп. 1, Д. 2. Л. 14; Автомобиль. 1916. № 5.

³ Там же. Л. 15–16.

⁴ Там же. Д. 3. Л. 4.

⁵ Рыбинск: Документы и материалы по истории города. Ярославль, 1977. С. 148.

⁶ Резвый Н.И., Козлов П.И. Борьба за власть Советов в Ярославской губернии. С. 5.

⁷ Рыбинск: Документы и материалы по истории города. С. 169.

⁸ Очерки истории Ярославской организации КПСС. 1883–1937. Ярославль, 1977. С. 109.

История СССР и РФ

Уровень вооружения Партизанской армии Тамбовского края в 1920 – 1921 гг.

В работе сделана попытка определить уровень вооружения отрядов тамбовских крестьян во время восстания 1920 – 1921 гг. В качестве источников использованы доклады и оперсводки губчека, местных политбюро, командующих войсками Тамбовской губернии, доклады штаба РККА в Реввоенсовет Республики, отчеты губкома РКП (б), протоколы заседаний Полномочной комиссии ВЦИК. В документах повстанческого лагеря подобные сведения содержатся в оперсводках Партизанской армии и в донесениях командиров полков. Документы позволяют выявить виды вооружения, использовавшиеся повстанцами. В некоторых источниках можно встретить информацию, указывающую каналы получения повстанцами вооружения, а также способы его пополнения.

Данный вопрос отражен в очерках участников и руководителей борьбы с крестьянским восстанием. В частности, эта тема затронута в воспоминаниях Константина Викторовича Бриммера «Первый период ликвидации Антоновщины в Тамбовской губернии (август – декабрь 1920 г.)». Они написаны буквально «по горячим следам» событий. К.В. Бриммер был командиром бронепоезда, действовавшего против тамбовских повстанцев. Автор подробно рассматривает каналы первичного поступления оружия к повстанцам и его дальнейшего пополнения.

Следующая по времени издания – статья Леонидова «Эсербандитизм в Тамбовской губернии борьба с ним» (1922). Работа посвящена происхождению «бандитизма», а также военной и политической организации повстанцев. Автор раскрывает задачи и тактику партизан, рассматривает причины неудач в борьбе Советской власти с антоновщиной и анализирует новый метод борьбы, примененный М.Н. Тухачевским. В статье приведены сведения о вооружении повстанцев и источниках его пополнения.

В статье командующего войсками Тамбовской губернии М.Н. Тухачевского «Борьба с контрреволюционными восстаниями» (1926) вопрос об уровне вооружения повстанцев и каналах пополнения оружия рассматривается кратко. М.Н. Тухачевский лишь отмечал, что оружия у крестьян было достаточно для широкого восстания.

Данный вопрос рассмотрен также в статье Мокерова «Курсантский сбор на борьбе с антоновщиной». В мае – августе 1921 г. он занимал должность командира сводной курсантской бригады, входившей в состав 6-го боеучастка войск Тамбовской губернии. Он описывает период с мая по август 1921 г. Автором подробно освещены вопросы вооружения повстанцев, уровень военной подготовки бойцов, состояние оружия. В период с августа 1920 по июнь 1921 г. оружия у повстанцев имелось достаточно, но с лета 1921 г. наблюдался его дефицит. Причина состояла в резком наращивании Советской стороной количества войск и вооружения, что позволило М.Н. Тухачевскому оккупировать исконные территории повстанцев, где они могли отдохнуть и восстановить силы.

Первоначально антоновские войска представляли «боевую дружину» – конницу, которая имела как огнестрельное, так и холодное оружие. Параллельно в селах создавались местные отряды из крестьян, вооруженных вилами, топорами, дротиками. Огнестрельное оружие у них отсутствовало. Но по мере роста войск А.С. Антонов вооружал крестьян из своих запасов. В среднем на одного бойца, по данным Мокерова, приходилась одна винтовка или обрез, часто присутствовали револьверы. Но при этом количество патронов всегда было ограниченным.

Кроме личного оружия, в армиях А.С. Антонова имелись в разное время от 3 до 6 легких орудий, станковые пулеметы. Но при этом не хватало боеприпасов. Более того, у повстанцев не было обученных бойцов для обслуживания артиллерии. Оружие находилось в плохом состоянии из-за неподходящего хранения. Если рассматривать соотношение видов вооружения, то на первое место по распространенности нужно поставить холодное оружие – шашки, тесаки, топоры. Далее идут винтовки и обрезы (последние преобладали). Менее распространены были револьверы, еще меньше пулеметы и совсем немного имелось артиллерийских орудий.

Происхождение оружейных запасов повстанцев во многом неясно. Есть сведения о том, что еще будучи начальником милиции города Кирсанов, А.С. Антонов уже собирал оружие и прятал его в лесах по р. Вороне. Вторым каналом накопления оружейных запасов для будущего восстания предположительно стал один из эшелонов Чехословацкого корпуса, в разоружении которого на станции Кирсанов в мае 1918 г. участвовал А.С. Антонов. У повстанцев было также немало оружия, привезенного во время демобилизации старой армии. С началом восстания источники поступления вооружения расширились. Отряды, а

позже армии крестьян нападали на малочисленные части и гарнизоны красных с целью их разоружения, совершали налеты на эшелоны и склады. Еще одна форма добычи оружия – получение его по подложным документам с советских складов и учреждений.

В целом, уровень вооружения партизанских армий Тамбовского края 1920–1921 гг. был выше, чем при обычных локальных выступлениях крестьян. Он был достаточен для небольших боев с отдельными отрядами типа внутренней охраны или «необстрелянных» частей. Борьба с многочисленными, сравнительно хорошо вооруженными полками Красной Армии, прошедшими фронты гражданской войны, была для тамбовских повстанцев непосильной.

К.А. Кудряшов

Основные проблемы в осуществлении торговой деятельности государственных учреждений Ярославской губернии в начале 1920-х гг. (на примере Снабторга)

Начало осуществления новой экономической политики в марте 1921 г. потребовало от государственных учреждений и организаций, отвечавших за распределение продуктов производства в порядке снабжения, срочной реорганизации товаропроводящего аппарата на основе принципов торговли и товарообмена. Отсутствие опыта в области торговли и тяжелое экономическое положение страны имели следствием многочисленные затруднения, с которыми сталкивались государственные учреждения в осуществлении торговой деятельности в первые годы нэпа.

Ярославский Губснаб, реорганизованный 1 февраля 1922 г. в Снабторг (Ярославское Губернское Управление Снабжения и Торговли), и далее 1 января 1923 г. – в Яргубвнуторг (Ярославский Губернский Отдел Внутренней Торговли), являлся основным представителем государства в Ярославской губернии, осуществлявшим руководство операциями товарообмена и купли-продажи. На него возлагались функции государственного органа, осуществляющего учет и изучение всех отраслей торговой деятельности в губернии (государственных организаций, кооперативных обществ и частных лиц), заготовку и обеспечение сырьем государствен-

ных предприятий, реализацию их продукции посредством торговли и товарообмена.

В соответствии с возложенными функциями структура организации состояла из нескольких отделов, в Снабторге их было семь: 1) торгово-операционный, осуществляющий практически все торговые операции и имеющий своей задачей регулирование и согласование торговых, заготовительных и товаро-кредитных операций, производимых органами и предприятиями ВСНХ, выявление спроса и предложения на товары, как производимые предприятиями ГСНХ, так и потребные для нужд производства, а также снабжение промышленности денежными средствами путем реализации ее продукции; 2) сырьевой; 3) транспортный; 4) статистики; 5) финансово-материальный; 6) управления магазинами и складами; 7) управления делами¹.

Главным препятствием в отношении реализации промышленной продукции являлся недостаток средств, результатом чего была значительная утечка продуктов промышленности на вольный рынок. Существовала проблема недостатка в квалифицированных кадрах. Так, Торговый отдел Снабторга относительно наличия среди его сотрудников лиц, окончивших специальные учебные заведения, сообщал, что упомянутых сотрудников в отделе не имеется². Тем не менее каждый раз при реорганизации Губснаба в Снабторг и Снабторга в Губторг число штатов сокращалось. После работы Ликвидационных комиссий в первом случае были уволены 22 сотрудника (из 50), а во втором 30. Работа оставшихся агентов усложнялась из-за необходимости более частых разъездов³. Ситуацию с кадрами осложнял существовавший запрет на участие служащих государственных учреждений и предприятий в частных торговых, кустарных или промышленных предприятиях. Президиум Ярославского Губисполкома обязывал при установлении одновременного участия служащего в государственном и частном предприятиях предлагать ему в 2-недельный срок оставить службу в учреждении или прекратить свое участие в частном предприятии. При не исполнении таких служащих следовало увольнять из госучреждений (предприятий)⁴.

Среди организационных моментов следует также отметить затруднения, имевшие место при хранении товаров на складах. Известны случаи кражи товара из склада Снабторга⁵, получение его с Центрального склада по документам с подложными подписями⁶. Проводимые переоценки товаров, находящихся на складах ликвидируемого в 1923 г. Снабторга, показывали, что товар лежит по нескольку лет в сырых помещениях, и он в основном не ходовой, часть его испорчена, и продаж-

ная цена на большинство товаров завышена⁷. Агенты предлагали для быстрой его реализации производить скидки до 60% по сравнению с ценами на подобные товары, продаваемые в государственных и частных фирмах.

При доставке товара к месту реализации со складов часто обнаруживались его недостатки, которые в подавляющем большинстве случаев списывались за счет убытков Яргубснабторга⁸. Однако в Ликвидкоме (ликвидационная комиссия) Снабторга и в Яргубснабторге законные нормы усушки, провеса и прочие недостатки товаров отсутствовали, эти нормы являлись секретными и имелись в РКИ. Поэтому всякий раз при выдаче заключений по этому вопросу следовало производить всестороннюю оценку фактов и обстоятельств, в результате которых оказывалась фактическая недостача, а равно и принимать во внимание мотивировку должностных лиц, ответственных за означенную недостачу⁹.

Государственные торговые организации испытывали хронический недостаток денежных средств и материальных ресурсов, что нередко приводило к невыполнению заключенных договоров. Среди сделок, заключенных, но невыполненных Снабторгом по названным причинам, в докладной записке управляющего Торгово-Операционным отделом указываются следующие договоры: 1) с Губсоюзом, 2) Вологодским Губснабом, ... 4) фабрикой «Факел» г. Рыбинск, 5) Химическим производством «Аванс», 6) Екатеринбургской Потребкоммундой ... 8) Сосновским лесохимическим заводом ... 10) с «Промбронь», 11) с «ЦТО (Центральный Торговый Отдел)»¹⁰.

Розничная государственная торговля велась, как правило, в крупных городских универсальных и специализированных магазинах. В сельской местности преобладали частная торговля и потребительская кооперация. Госторговля предпочитала торговать промышленными товарами. Происходило это по двум причинам: во-первых, продовольственные товары было трудно довести до потребителя в хорошем качестве вследствие их порчи, во-вторых, в этой сфере, особенно в провинции, было трудно конкурировать с базарной (частной) торговлей, которая зачастую предлагала не только хорошее качество, но и низкие цены¹¹.

Торговые операции частных лиц и государственных учреждений, согласно постановлению Ярославского Губисполкома, могли производиться только с 8 часов утра и до 6 часов вечера, в то время как рабочий день в основном кончался в 4 – 5 часов и рабочие, проживающие большей частью на окраинах города, были лишены возможности приобретать необходимые им товары непосредственно из государственных

магазинов, тем более что в праздничные и воскресные дни торговля в них не производилась. Снабторг просил разрешения у Губисполкома на производство торговли в своих магазинах до 7 часов вечера, не удлиняя рабочего дня¹². Ответом явилось обязательное постановление Яргубисполкома за № 31 от 14 октября 1922 г., по которому разрешалась торговля в открытых и закрытых помещениях (не передвижная) с 9 часов утра до 7 часов вечера, с перерывом на обед с 13 до 15 часов. В воскресные дни, революционные и декретированные церковные праздники всякая торговля запрещалась, кроме ручной, передвижной и ларьков. Что касается видов товаров, разрешенных к продаже, то наложен был абсолютный запрет на продажу предметов военного обмундирования, снаряжения и вооружения¹³.

Снабторг старался как можно реже прибегать к услугам и посредничеству частных лиц. Однако с задачей реализации произведенной продукции в условиях низкой покупательной способности населения лучше справлялся оборотистый частный торговец, который выступал как бы в двух лицах: посредника в торговле между госорганами и оптового скупщика товаров промышленности для доставки потребителю через торговца-«розничника»¹⁴.

В качестве проблемных моментов в осуществлении торговой деятельности, характерных для государственных организаций, следует отметить: трудности в доставке товаров; их невысокое качество; незначительное количество сезонных и недостаточный ассортимент ценных товаров в оборотном фонде (задача организации фондов на местах возлагалась на губернские экономические совещания и подчиненные им губернские торговые отделы – губторги); недостаток связей и опыта у торгового аппарата государственных органов; несовершенство товаропроводящей сети, ведущее к увеличению стоимости товара при доставке; регулирование отпускных цен и, как следствие этого, продажа по сниженной (убыточной) цене продукции промышленного производства в моменты кризисных явлений в экономике.

Таким образом, на протяжении первой половины 1920-х гг. торговый аппарат государственных торговых организаций находился в стадии формирования. В Ярославской губернии, как и по всей стране, процесс построения товаропроводящей сети и осуществления торговых операций для государственных организаций был сопряжен с целым рядом проблем, рассмотренных на примере Губснаба-Снабторга-Яргубвнуторга. Являясь преимущественным «покупщиком» в губернии, он предстает в виде государственного посредника в деле торговли государственных предприятий и учреждений друг с другом. Основны-

ми проблемами, которые приходилось преодолевать государственным организациям в области торговли в первые годы нэпа, относятся к сфере обеспечения, денежного снабжения и организационного устройства.

Примечания

- ¹ ГАЯО. Ф. Р-254. Оп. 1. Д. 12. Л. 69.
- ² Там же. Д. 60. Л. 68.
- ³ Там же. Д. 12. Л. 69об.
- ⁴ Там же. Д. 60. Л. 54.
- ⁵ Там же. Д. 59. Л. 131.
- ⁶ Там же. Л. 180.
- ⁷ Там же. Д. 57. Л. 78.
- ⁸ Там же. Д. 62. Л. 14.
- ⁹ Там же. Л. 34.
- ¹⁰ Там же. Д. 60. Л. 210.
- ¹¹ Наринский А. Записки очевидца: торговля в годы нэпа // Торговля. 1993. № 3. С. 53.
- ¹² ГАЯО. Ф. Р-254. Оп. 1. Д. 59. Л. 267.
- ¹³ Там же. Д. 60. Л. 299.
- ¹⁴ Пушкарев В. Реалии НЭПа: частная торговля в 1921 – 1925 гг. // Былое. 1994. 5 мая. С. 2.

О.Н. Макарова

Конструктивистские эксперименты в костюме 1920-х гг.

В 1920-е гг. оформились две тенденции советской моды. Проекты массовых форм одежды шли параллельно нэпманской моде, т.е. проектированию одежды на заказ для элиты общества. Эти тенденции существовали до конца 1920-х гг. «Пионерами» нового костюма стали Надежда Ламанова, Вера Мухина, Александра Экстер, Любовь Попова, Варвара Степанова, Надежда Макарова. В разработке отдельных проблем искусства костюма 1920-х гг. определённое место принадлежит ряду художников-конструктивистов, группировавшихся вокруг журнала «ЛЕФ», – В. Степановой, Л. Поповой, братьям Весниных, Родченко и др.¹ В период нэпа восстанавливались прерванные связи с парижской модой, появлялись парижские журналы мод и создавались отечественные. В 1922 г. вышел журнал «Новости мод. Художественный ежемесячный журнал последних парижских мод», в 1923 г. – «Последние моды. Журнал для женщин», в 1924 г. – «Мода»².

В 1920-х гг. формируется две тенденции: массовая и индивидуальная. В качестве индивидуального костюма можно привести пример платья «Птичьего силуэта» – узкое, удлинённых пропорций, удлинённое сзади, сшитое из дорогих материалов – шёлка, парчи, меха. Резкий контраст составляли простые и дешёвые, сшитые из хлопчатобумажной ткани платья рабочих женщин, полосатые майки и короткие, прямые или слегка расклешённые юбки девушек. Основной массовой формой обуви стали спортивные тапочки³. В эти годы сформировалась идея массового костюма. Разработкой образцов платьев и пальто с учётом технологии массового производства занимались Н. Ламанова, Н. Макарова, А. Экстер, Л. Попова, В. Мухина и др. Для них материал определял форму, служил для подчёркивания и выявления фигуры. В основу кроя брался прямоугольник, избирались принципы контрастного сопоставления частей костюма. Костюм сближался с установками конструктивизма, с идеями функциональности и целесообразности. При тресте «Москвошвей» в 1923 г. открылось «Ателье мод», которое рассматривалось как центр искусства моделирования бытового костюма – своего рода прообраз будущего «Дома моделей одежды». При «Ателье мод» создали журнал мод «Ателье». В журнале принимали участие Б. Кустодиев, А. Головин, И. Грабарь, В. Мухина, Н. Ламанова, М. Шагинян, А. Экстер и др.

В. Мухина, А. Экстер, Л. Попова одновременно работали в разных областях искусства – в проектировании одежды, в создании текстильных рисунков, в оформлении празднеств и спектаклей, стремясь воплотить идею слияния искусства со стихией жизни. Н. Ламанова впервые провела грань между задачами модельера-дизайнера одежды и швей-исполнительницы. И в массовом, и индивидуальном проектировании одежды работали одни и те же модельеры. Только при работе на индивидуального заказчика шёл эксперимент с тканями, материалом, фактурой (как в других направлениях искусства), а при работе над массовой одеждой – с формой.

В 1925 г. Н. Ламанову, В. Мухину, Прибыльскую и Н. Макарову пригласили участвовать во Всемирной выставке в Париже. Вокруг Н. Ламановой собралась группа талантливых мастеров: Вера Мухина – известный скульптор, Александра Экстер – живописец, представитель декоративного кубизма, Прибыльская – знаток и специалист в области народной вышивки, Надежда Макарова, ставшая впоследствии первым руководителем Московского дома моделей одежды. Они завоевали высшую награду «Гран-при за костюм, основанный на народном искусстве»⁴.

Таким образом, в 1920-х гг. чётко прослеживается влияние основных конструктивистских идей на сферу модельного дела. Появляются идеи массового костюма и прозодежды (спецовок), где в основу кроя берется прямоугольник, избираются принципы контрастного сопоставления частей костюма. Впервые мы можем говорить о дизайне одежды, что связано с теоретическим поиском левых художников; происходило разделение обязанностей швей и модельеров. СССР сумел заявить о себе на международной арене в показе мод. В ближайшие десятилетия такого уже не повторится.

Примечания

¹ См.: Стриженова Т. Автор костюма- Александра Экстер // Декоративное искусство СССР. 1967. № 1. С. 31.

² См.: Стриженова Т. Надежда Петровна Ламанова // Декоративное искусство СССР. 1966. № 6. С. 16.

³ Стриженова Т. Из истории советского костюма. М., 1972. С. 32.

⁴ Стриженова Т. У истоков массового костюма // Декоративное искусство СССР. 1972. № 6. С. 44.

А. М. Гогина

Квартирный кризис 1920 г. и способы его разрешения (по материалам г. Ярославля)

На протяжении первых лет существования Советской власти среди вопросов, требующих немедленного разрешения (голод, топливный кризис и др.), была и жилищная проблема. В годы Гражданской войны жилищному фонду был нанесён огромный ущерб. Особенно остро жилищный кризис проявился в Ярославле в 1920 г. Он был связан с белогвардейским мятежом, когда выгорела 1/3 города. Следовательно, нужны были решительные действия для разрешения назревшей жилищной проблемы.

7 декабря 1920 г. состоялось заседание исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. На повестке дня был доклад Румянцева «О создавшемся квартирном кризисе в г. Ярославле». По итогам заседания вынесли постановление, согласно которому, во-первых, создавалась чрезвычайная жилищная комиссия, а во-вторых, местом её пребывания назначался городской коммунальный

отдел¹. Комиссия создавалась с целью проведения более точного учёта всех жилых помещений города Ярославля, а также их последующего уплотнения до 30%.

16 декабря состоялось первое заседание чрезвычайной губернской жилищной комиссии, на котором обсуждался план работ по обследованию государственных учреждений и частных помещений. По итогам обсуждения постановили, что обследование советских учреждений начнется 18 декабря, а жилищ общего и частного пользования – 19 декабря 1920 г.² По вопросу о порядке учёта всех жилых помещений, находящихся на территории города Ярославля, постановили:

1. Затребовать через объявление в местных известиях сведения от всех советских учреждений как военного, так и гражданского ведомства, а также культурно-просветительных организаций о них квартировании.

2. Поручить Президиуму комиссии выработать анкету по обследованию учреждений.

3. По получении точных сведений от учреждений организовать осмотр жилищ, для чего назначить особый день и пригласить на эту работу партийных работников³.

Обходная комиссия приступила к действию, но из-за того, что обход жилых помещений производился в срочном порядке, возникали некоторые конфликтные ситуации. В Ярославскую чрезвычайную жилищную комиссию и другие высшие инстанции стали поступать жалобы и протесты от граждан. Примерно 80% протестов было связано с чрезмерным уплотнением их квартир. Например, в заявлении, направленном в Ярославскую чрезвычайную жилищную комиссию от гражданина Миронова 23 декабря 1920 г., отмечалось, что «при осмотре квартиры комиссией предположено поместить в неё ещё двух человек. Но это совершенно не мыслимо. Прошу принять во внимание, что мы в количестве 12 человек занимаем 3 комнаты, и поместиться в них постороннему человеку совершенно негде»⁴. Иногда действия чрезвычайной комиссии доходили до совершенного абсурда, не учитывались санитарно-гигиенические нормы, не говоря уже о вопросах чрезмерной скученности, которая возникала в силу вселения новых лиц. Так, в заявлении от гражданина Смирнова сказано, что при обходе его квартиры членами комиссии было решено подселить ещё четырёх человек в две занимаемые им комнаты с семьёй в числе 6 человек⁵.

Возникает вопрос: существовали ли какие-либо нормы по подселениям? Ещё по постановлению президиума московского совета от 12 октября 1918 г. уплотнение квартир производилось по нормам не более

3 кв. сажено на каждого взрослого члена семьи и 1 кв. сажени на каждого ребёнка до 10 лет. При семье не менее 8 человек взрослых допускалась сверх того одна общая столовая. Подобных норм должны были придерживаться и в Ярославле. Таким образом, претензии граждан были вполне обоснованы. Но стоит заметить, что эта жилищная норма относилась к 1918 г., а в 1920 г. ситуация ухудшилась. Специальным указом народного комиссариата от 5 сентября 1920 г. жилищная норма 1918 г. была сокращена вдвое⁶.

Иногда жилищная комиссия, не разобравшись до конца, кто и сколько занимает места, назначала помещения на уплотнение. Примером может служить заявление Николаева от 22 декабря 1920 г., где говорилось, что «комиссия, не зная положения и не видя комнаты, запертой на замок, определила, что я занимаю лишнее помещение, и члены комиссии заявили секретарю о немедленном освобождении одной из комнат. Также ими было записано, что в квартире № 8 имеется две свободные комнаты, а между тем там нет ни одной. Ввиду вышеизложенного, прошу направить более правильную комиссию и точно разобраться, а не стоя в прихожей под замком определять помещение»⁷.

Чрезвычайная жилищная комиссия должна была действовать в течение одного месяца, но на практике срок её функционирования был намного увеличен. Это было связано с большим объёмом работ и многочисленными конфликтными ситуациями. Подводя общий итог проводимой в 1920 г. жилищной политике, стоит отметить, что даже чрезвычайные меры по решению назревшего квартирного кризиса не способствовали его разрешению. Жилищные условия большинства трудящихся были, мягко сказать, неудовлетворительными, и, несмотря на все усилия Советской власти, в те годы невозможно было добиться их серьёзного улучшения.

Примечания

¹ ГАЯО. Ф. Р-208. Оп. 1. Д. 62. Л. 6.

² Там же. Д. 63. Л. 1.

³ Там же. Л. 4.

⁴ Там же. Д. 44. Л. 3.

⁵ Там же. Л. 16.

⁶ Там же. Ф. Р-122. Оп. 1. Д. 42. Л. 48.

⁷ Там же. Ф. Р-208. Оп. 1. Д. 44. Л. 2.

Материально-бытовое положение ярославских детских домов в конце 1920 – начале 1930-х гг.

Детская беспризорность – это одна из важных проблем, которая остро стояла в Советской России в конце 1920-х гг. Основным методом борьбы с этим негативным явлением являлось «изъятие» беспризорников с улиц и размещение их через приемники в детские дома, городки, коммуны. Однако данные учреждения в это время не были оснащены всем необходимым, и в некоторых случаях комната в таком доме мало чем отличалась от привычного для беспризорника подвала¹.

Наиболее известными детскими домами в этот период в Ярославском крае были «Толга», Колония № 1, им. Закгейма, им. Луначарского, «Парижская коммуна», им. Ленина, им. Урицкого, им. Крупской². Данное исследование основано на материалах детского городка им. Луначарского и детской колонии им. Крупской.

Детский городок им. Луначарского находился в г. Любиме Даниловского уезда. Он представлял собой небольшой провинциальный город с 3 – 4-тысячным населением. Застройка детского городка им. Луначарского началась в конце сентября 1926 г. Первоначально он состоял из 6 зданий, в которых размещались 282 человека³. Детская колония им. Крупской располагалась в селе Введенское Диево-Городищенской волости. Колония была небольшой, в 1930 г. там содержалось всего 30 человек⁴.

В детских домах крайне остро стоял целый ряд материальных проблем: жилье, одежда, питание и т.д. В детдоме им. Луначарского все здания представляли собой обыкновенного сельского типа домики, из которых 4 были двухэтажными, а 2 – одноэтажными. К нему также относился двухэтажный дом, занятый под квартиры части обслуживающего персонала и преподавательского состава детского городка. Все домики были плохо оборудованы и оснащены. Расселение детей в них шло по возрастному и по половому признаку. В домике № 1 жили 106 девочек. Они занимали 13 комнат, в которых располагались железные кровати, расставленные очень тесно. 82 мальчика находились в домике № 5, располагавшемся в другом конце города в двухэтажном здании и в домике № 3. Домик № 4 был заселен 55 детьми дошкольного возраста.

Это здание было небольшое, поэтому очень часто на одной кровати помещали двух детей. В комнате, где днем работали с детьми, не было ничего, кроме голых стен⁵.

Основным зданием в детской колонии им. Крупской являлся одноэтажный дом с деревянной крышей, требующий немедленного ремонта. К нему примыкал небольшой скотный двор, сарай, амбар и курятник. Поскольку помещений катастрофически не хватало, то через отдел народного образования руководство детской колонией договорилось о передаче зданий, которые уже не эксплуатируются. Так, например, был подписан договор о передаче детской колонии им. Крупской одного нежилого дома безвозмездно из совхоза «Малкого». Данное здание планировалось использовать для размещения детей, а раньше в нем содержался скот⁶.

Сложно решалась проблема с одеждой для детей. Так, в городке г. Любима на 106 девочек имелось всего 46 пальто. За неимением верхней одежды воспитанники были вынуждены в холодное время не посещать школу и вообще не выходить на улицу. Из 214 пар обуви на 282 ребенка лишь часть находилась в нормальном состоянии, у некоторых пар просто не было подошвы. Остальная одежда вся была в «потрепанном, старом и грязном виде». Единственное, чего хватало на всех воспитанников и что было в более или менее пригодном состоянии — это нижнее белье⁷.

Одной из важных проблем оставалось питание воспитанников детских домов. В детском городке им. Луначарского в домике № 2 в трех комнатах располагались столовая, пошивочная мастерская и канцелярия. Столовая занимала небольшую комнату с двумя столами. Одновременно в ней могли питаться 40 человек, поэтому сюда ходили группами⁸. В детской колонии им. Крупской отдельной комнаты под столовую вообще не было выделено⁹. Как правило, получаемый паек хлеба, обед, ужин детей не удовлетворял. В некоторых случаях им самим приходилось готовить еду. Все продукты закупались в местных кооперативах, где цены были выше, чем в Ярославле. Плачевно обстояло дело с черным и белым хлебом, поэтому было решено заняться выпечкой хлеба силами детгородка. По подсчетам заведующего, годовая экономия на этом выразилась в сумме 3 500 – 4 000 руб.¹⁰ Осложняло приготовление пищи в детском городке им. Луначарского отсутствие водопровода в г. Любиме и колодцев при домиках. Воду приходилось доставлять с помощью одной имеющейся при детгородке лошади из реки¹¹.

Подводя итог, можно отметить, что советское правительство, вновь столкнувшись с проблемой беспризорности в конце 1920-х гг., сделало упор на единственный путь решения этой проблемы – распределение детей по детским домам через приемники-распределители. Почти все помещения, в которые расселялись дети-сироты, находились в плохом состоянии. Трудно обстояло дело с одеждой, и внешний вид воспитанников оставлял желать лучшего. Таким образом, к концу 1920-х гг. правительство было просто не готово решать проблему детской беспризорности ни в Ярославской области, ни по всей стране в целом.

Примечания

¹ См.: Рожков А.Ю. Беспризорность // Родина. 1997. №9. С. 76.

² ГАЯО. Ф.Р–178. Оп. 2. Д. 230. Л. 37.

³ Там же. Оп. 1. Д. 3567. Л. 117.

⁴ Там же. Д. 3240. Л. 22.

⁵ Там же. Д. 3567. Л. 117.

⁶ Там же. Д. 3240. Л. 13.

⁷ Там же. Д. 3567. Л. 120.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Д. 3240. Л. 13.

¹⁰ Там же. Д. 3567. Л. 120.

¹¹ Там же.. Л. 121.

Е.А. Волоцкая

Категории крестьян, раскулаченных в начале 1930-х гг. (по материалам Ярославского края)

С конца 1920-х гг. Советское правительство проводит курс на ослабление, «ограничение» крестьянских хозяйств, признанных кулацкими. В 1930 г. власть производит ликвидацию этих хозяйств – раскулачивание. 21 марта 1929 г. вышло постановление СНК СССР «О признаках кулацких хозяйств»¹, к таковым относили хозяйства, обладающие одним из следующих признаков:

1. Систематическое применение наемного труда.
2. Наличие промышленного предприятия – при условиях применения в них механического двигателя.

3. Хозяйство систематически сдает внаем сельскохозяйственные машины с механическими двигателями.

4. Хозяйство сдает внаем отдельные оборудованные помещения.

5. Члены хозяйства имеют нетрудовые доходы (в том числе служители культа).

Постановление затрагивало в первую очередь предпринимателей. А.Б. Иванов² отмечает, что в верхневолжском регионе доход крестьянин имел от кустарных промыслов и предпринимательства. Земледелие играло меньшую роль из-за специфических природных условий. Следовательно, постановление мая 1929 г. ставило под серьезный удар хозяйства Ярославского края.

27 декабря 1929 г. И.В. Сталин провозгласил о переходе «к политике ликвидации кулачества как класса»³. Слово «кулак» окончательно приравнивается к понятию «враг народа». В Ярославском крае при раскулачивании пользовались вышеуказанными признаками. В протоколе закрытого заседания Президиума Ярославского райисполкома от 30/31.03.1930 г.⁴ содержатся следующие объяснения раскулачивания: «владелец кожевенного завода с применением наемного труда», «владелец торгового магазина, сдававшего в аренду дом и лавку», собственники пряничного производства, чайного предприятия. Особую категорию составляли жены (чаще вдовы) раскулаченных предпринимателей, продолжавшие их дело: «Шелепова А.В. вела торговлю, муж последней был крупным торговцем, владелец мыловаренных заводов, который помер от сумасшествия»⁵. В представленных источниках сумма изъятого имущества варьировалась от 1,5 до 35 тыс. руб. Отдельную категорию составляли «служители культа», однако сумма изъятого у них имущества часто не превышала 200 – 300 руб.⁶ Причина ликвидации их хозяйств – «работа среди крестьян, в больших случаях среди женщин, против коллективизации»⁷.

Пресса была призвана формировать неприязненное отношение к кулачеству. В письме А. Клушиной в «Крестьянскую газету» (1928)⁸ под названием «Кулацкое лицо» описывается хозяйство 75-летнего кулака Теплова, семья его состоит из 22 человек; у него 15 тыс. пудов хлеба, машины всех сортов, около 40 лошадей, 100 – 150 десятин земли, платит до тысячи рублей налога. Наемная рабочая сила в хозяйстве сезонная – окружная беднота и батраки и постоянная – «вся семья дено и ночью батрачит на тепловскую спину». Особую остроту внесли следующие описания: «подохнет в хозяйстве теленок или поросенок – этим поросенком родственника, молодайку или внука по головам, по щекам бьет», «бабы в строгости содержатся: сами за стол не садятся, а

за мужиками стоя перехватывают со стола пищу», «"лучше зерно сгною, чем советской власти отдам", – думал кулак». Таким было «лицо кулака» в советской прессе.

В материалах по Ярославскому краю зачастую кулаки выглядели совсем не так. Иван Борисов – житель с. Великое Ярославского округа – описывает свое хозяйство в письме к И.В. Сталину: «Я крестьянин, происхожу из бедной семьи. Крестьянством занимаюсь до сих пор. Был 2 года и 8 месяцев на войне, крестьянством занималась жена и получила за это время полную инвалидность. С 1923 года стала торговать из ларька без входа до 1928 года. Я же в торговле не принимал никакого участия. Работал в поле, обрабатывал 8 десятин земли без наемного труда, сам с семьей. Имею одну лошадь, одну корову, одну телку, одну овцу, дом, двор, баню, сарай, ригу и сортировку. Семья сейчас 4 человека..., теперь же меня здесь считают кулаком..., землю сняли, семенного овса 35 пудов взяли»⁹. И. Борисову в просьбе признать его неверно раскулаченным было отказано. В Ивановской областной комиссии по жалобам раскулаченных постановление округа признали правильным. Говоря об образе кулака, можно привести цитату из дневника Ф.Д. Покровского – учителя г. Оболонь. Увидев арестованных кулаков, он написал: «обыкновенные русские крестьяне и крестьянки, в зипунах, полушубках, поддевках. Многие в лаптях»¹⁰.

Законодательство дало общую характеристику для подлежащих раскулачиванию хозяйств, но не оговорило их имущественного ценза. Более того, правительство изначально завышало масштабы акции. Так, в постановлении 1930 г. устанавливались «ограничительные контингенты» для раскулачиваемых – 3 – 5%, а это в полтора раза больше, чем имелось кулаков даже по официальным данным (2,3%). Широкие права, предоставленные местной администрации, свидетельствовали о незаинтересованности правительства в защите сельского населения от перегибов. Пресса этого периода тенденциозна, ее задача – доказать правильность политики правительства. Она не отражала реальную картину событий, происходящих в деревне на рубеже 1920 – 1930-х гг.

Примечания

¹ Документы свидетельствуют. М., 1989. С. 221–222.

² См.: Иванов А.Б. Кулацкие хозяйства Ивановской промышленной области // От мудрости до святости былого. VII Тихомировские чтения. Ярославль, 1999. С. 195–198.

³ Документы свидетельствуют. С. 295.

⁴ ГАЯО. Р–1376. Оп. 3. Д. 9. С. 1–12.

⁵ Там же. С. 4.

⁶ Там же. С. 6–7.

⁷ Там же. С. 6.

⁸ См.: Документы свидетельствуют. С. 100–104.

⁹ Цит. по: Козляков В. Как рубили руки «кулаку» // Известия. 1990. 6 окт.

¹⁰ Документы свидетельствуют. С. 312.

М.А. Сиднева

Д. Шостакович и антиформалистическая кампания в музыке

Со второй половины 1930-х гг. в Советском государстве началась кампания по борьбе с формализмом в музыке, продолжавшаяся вплоть до смерти И.В. Сталина. Пиком данной акции стало постановление 1948 г. «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели», в котором ЦК партии критиковал творчество композиторов С. Прокофьева, А. Хачатуряна, Н. Мясковского, Д. Кабалевского и Д. Шостаковича. Все они были признаны формалистами, то есть композиторами, принадлежавшими к антинародному направлению в музыке¹.

Творческий путь Д. Шостаковича начался в 1925 г. с написания первой симфонии, принесшей ему шумный успех и признание. После этого для композитора наступил период поисков и экспериментов, во время которого он пытался выработать свой собственный, неповторимый стиль. Но если в 1920-х гг. правительственный режим давал определенную свободу деятелям искусства, то в 1930-х гг. ситуация значительно изменилась.

28 января 1936 г. в газете «Правда» появилась редакционная статья «Сумбур вместо музыки», в которой опера Д. Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда» подвергалась разгромной критике. По мнению автора статьи, «музыка оперы умышленно сделана шиворот-навыворот... Она крикает, ухает, пыхтит и задыхается... зачатки музыкальной фразы тонут, вырываются, снова исчезают в грохоте, скрежете и визге». Шостаковичу даже вменяли в вину, что он якобы «заимствовал у джаза его нервную, судорожную, припадочную музыку»². Однако «опала» Д. Шостаковича длилась недолго. Уже к весне 1937 г. он был фактически прощен, и вскоре состоялось первое исполнение в Ленинграде его Пятой симфонии, которая произвела фурор в музыкальном мире³.

Следующая волна репрессий обрушилась на музыку в 1948 г., и это было понятно: после войны правительство вновь решило «подкрутить» идеологические гайки. Поводом для новой кампании послужила опера В. Мурадели «Великая дружба», посвященная событиям гражданской войны на Северном Кавказе. И вновь И.В. Сталин остался недоволен новой оперой⁴. 10 февраля 1948 г. состоялось совещание деятелей советской музыки в ЦК ВКП (б), на котором секретарь ЦК ВКП (б) по вопросам идеологии А.А. Жданов выступил с докладом, направленным против формализма в музыке. Однако осуждение «Великой дружбы» было лишь одним из его аспектов, и не самым значительным. В качестве обвиняемых были названы имена лучших советских композиторов: Д. Шостаковича, С. Прокофьева, А. Хачатуряна, В. Шебалина. В их сочинениях «особенно наглядно представлены формалистические извращения, антидемократические тенденции в музыке, чуждые советскому народу и его художественным вкусам». Вспомнили историю с оперой «Леди Макбет», подчеркнув, что формалистические извращения уже давно критикуются партией, а композиторы, в первую очередь Д. Шостакович, этим грубо пренебрегают⁵. Результатом совещания стало постановление ЦК ВКП (б) «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели».

23 апреля 1948 г. состоялся первый Всесоюзный съезд композиторов. Практически все выступавшие цитировали или ссылались на постановление «Об опере «Великая дружба». Но особенно досталось Д. Шостаковичу. В своем докладе Т. Хренников заявил, что «смакованию банального, пошлого, ничтожного молодой Шостакович, следуя примеру западных «мастеров» гротеска, уделял много сил, в частности в своих балетах на советские темы...»; «грубейший физиологический натурализм и экспрессионистически болезненная преувеличенность с особой яркостью проявились в двух операх Шостаковича «Нос» и «Леди Макбет...»; «7-я симфония Шостаковича показала, что его музыкальное мышление оказалось более действенным для выражения зловещных образов фашизма, чем для воплощения положительных образов нашей современности»⁶.

Д. Шостакович оказался в трудном положении. Симфонические оркестры перестали исполнять его сочинения, и, чтобы кормить семью, он вынужден был писать музыку к кинофильмам, чего не любил. Кроме того, его изгнали из преподавательского состава консерватории и лишили возможности пользоваться правительственной поликлиникой. Однако уже через год некоторые из осужденных композиторов стали получать премии. И.В. Сталин в 1949 г. лично звонил домой Д. Шостаковичу и просил поехать в Америку в составе советской делегации⁷. А через 10 лет, в 1958 г., было принято постановление «Об исправлении

ошибок...», в котором были реабилитированы композиторы, подвергшиеся осуждению в 1948 г. Однако унижение, через которое пришлось пройти этим людям, нанесенный им моральный ущерб вряд ли можно искупить⁸.

Таким образом, Шостакович – один из самых талантливых советских композиторов, обладавший мировой известностью – так же, как и многие его коллеги, стал жертвой грубой, подчас нелепой, политики правительства, направленной на подавление всякой индивидуальности и инакомыслия в обществе.

Примечания

¹ См.: Об опере «Великая дружба» В. Мурадели: Постановление ЦК ВКП (б) от 10 февраля 1948 г. // Партийная жизнь. 1948. № 3. С. 1–5.

² Сумбур вместо музыки // Правда. 1936. 27 янв.

³ См.: Данилевич Л. Книга о советской музыке. М., 1968, С. 266.

⁴ См.: Там же. С. 219.

⁵ См.: Совещание деятелей советской музыки в ЦК ВКП (б): Стенограмма. М., 1948. С. 9.

⁶ I Всесоюзный съезд советских композиторов, 1948: Стенограф. отчет. М., 1948. С. 32, 40.

⁷ См.: Д. Шостакович в воспоминаниях сына Максима, дочери Галины и протоиерея Михаила Ардова. М., 2003, С. 56.

⁸ См.: Головинский Г. Так что же произошло в 1948 году? // Советская музыка. 1988. № 8. С. 31.

А.Н. Филиппов

Особенности советского профессионального спорта

С самого начала своего существования принципами советского спорта были объявлены коллективное начало и любительский статус советских спортсменов, занимающихся физическими упражнениями в свободное от работы время. Коммунистическая идеология стремилась показать, что рабочие занимаются спортом исключительно для укрепления здоровья, спортивный результат для них – не самоцель. Положение изменилось, когда государство взяло курс на активное вмешательство в дела спорта, перед которым была поставлена задача – стать одним из важнейших инструментов государственной политики. Произошло это на рубеже 1920 – 1930-х гг., т.е. тогда, когда в стране нача-

лось форсированное построение социализма. Важность спорта с идеологической точки зрения была признана в самых высоких коридорах власти, спорт с помощью своих достижений должен был показать гражданам нашей страны и всему миру преимущества жизни в социалистическом государстве.

От советского спорта, получившего мощную поддержку, требовали немедленного результата. Идее спортивного рекорда как высшего достижения в спорте, подвергавшейся критике советским физкультурным руководством в 1920-е г., теперь было придано новое значение – через рекорды советские спортсмены обязаны были показать успехи советской страны в целом и нашего спорта в частности. Уже в конце 1920-х гг. стало ясно, что чистого «любительства» на спортивных вершинах быть не может, нужны спортсмены-профессионалы, которые смогут добиваться высоких результатов, ставить мировые рекорды. Спорт высших достижений требовал максимальной концентрации, сосредоточения всех усилий человека, и физических и психологических. Этот вывод был сделан и советскими спортивными руководителями, хотя и многие десятилетия спустя профессионализм в советском спорте официально отрицался. Многие спортсмены были освобождены от своей основной работы, переведены на полное гособеспечение, в результате чего их уровень жизни резко возрос по сравнению с остальными гражданами страны. Естественно, официальная пропаганда замалчивала этот факт.

Центральные власти всячески пытались показать всему миру, что в нашей счастливой стране огромное количество рабочих, крестьян и служащих после своей основной работы стройными рядами устремлялись к стадионам, спортивным площадкам, бассейнам, гимнастическим залам, при этом показывая такие результаты, которые во всем остальном мире покоряли только спортсмены-профессионалы. Вот типичный пример, когда некто А. Лазебников со страниц «Комсомольской Правды» пытался убедить советских читателей в любительском статусе профессиональных на самом деле футболистов московского «Динамо»: «Вчера у них был день отдыха... но сегодня одиннадцать динамовцев выйдут на поле. В воротах будет стоять рядовой боец РККА Квасников, в защите – слесарь Тетерин и служащий Корчебоков, в полузащите – электрик Елисеев, бухгалтер Лапшин и студент Ремин, а в пятерке динамовского нападения – техник Семичастный, геодезист Якушин, шофер Павлов, слесарь Ильин и служащий Смирнов»¹. Конечно, люди, интересующиеся спортом, не верили в любительский статус советских

спортсменов, так как это мало вязалось со стремительно возросшим уровнем результатов.

С 1934 г. наиболее одаренным спортсменам присваивалось звание «Заслуженный мастер спорта СССР». Но морального стимулирования для решения важнейших государственно-политических задач было недостаточно. Поэтому негласным постановлением свыше наиболее перспективных молодых людей отрывали от сохи и станка и переводили на госдовольствие. В середине 1930-х г. физкультурное ведомство выплачивало избранным спортсменам денежные пособия, именуемые стипендиями. Размер этих стипендий колебался в зависимости от уровня спортивного общества и достижений самого спортсмена: известные футболисты, боксеры и легкоатлеты получали приблизительно полторы тысячи рублей в месяц, что вполне хватало на дорогие костюмы, походы в ресторан, что тогда и не снилось рядовому человеку². Чтобы сравнить эти цифры с заработками остального населения СССР, имеет смысл обратиться к книге А. Жида – французского писателя, летом 1936 г. посетившего СССР.

А. Жид утверждал, что неквалифицированный рабочий получал 150 – 180 руб. в месяц, чернорабочий – 80 руб., рабочие высокой квалификации зарабатывали в пределах 400 руб., стахановцы масштаба Максима Кривоноса и, разумеется, самого основателя движения получали очень большие деньги, но таких были единицы. Обычная зарплата мелкого служащего составляла 130 – 180 руб., врачи получали в 1934 г. 110 руб., потом 400. Студенту первого курса платили 50 – 60 руб. (плюс питание и жилье), второкурснику – 75, на третьем – до 80 руб. Рабочий по достижении пенсионного возраста обеспечивался месячным пособием, размер которого колебался от 25 до 80 руб.³ В итоге получалось, что большая часть населения страны должна была работать приблизительно полгода и более, чтобы получить сумму, равную той, которую, например, вручали футболисту киевского «Динамо» за товарищеский матч с чешской командой⁴.

Добровольное спортивное общество «Спартак», имея весьма состоятельных в финансовом плане покровителей в лице промкооперации, целенаправленно «потратило один миллион рублей на переманивание и дотации избранной группы спортсменов в 200–250 человек, при этом из этой суммы на 14 спортсменов было израсходовано 207 тысяч рублей»⁵.

Спортсменов награждали не только деньгами. Знаменитая команда тбилисского «Динамо» наполовину состояла из уроженцев города Потти. Талантливых ребят перевез в Тбилиси ректор Закавказского Инду-

стриального института Иван Вашакмадзе, заодно оформив им студенческие билеты своего вуза. Существовала практика награждения самыми высокими правительственными наградами выдающихся спортсменов и наиболее успешных в плане результата спортивных обществ. Известно, что в то время орденами не разбрасывались, и персональное награждение спортсменов наряду с героями труда, передовиками производства, полярными летчиками и моряками, видными деятелями культуры, только лишний раз свидетельствует о той важности, которая придавалась развитию спорта в СССР.

Советские спортсмены по своим результатам соответствовали мировому уровню профессионалов-спортсменов, но формально оставались любителями, так как системы контрактов, страховок, компенсаций, принятой уже тогда в западном спортивном мире, в нашей стране не было. Зато существовала практика «черных касс», награждения золотыми часами, предоставления квартир и т.п. Официоз тем временем продолжал монотонно доказывать любительский статус советских спортсменов, не переводились всевозможные «разоблачения» «ложной, вредной теориейки о несовместимости высоких спортивных достижений с производительным трудом»⁶. Признать своих спортсменов профессионалами официальная идеология и пропаганда несмотря ни на что отказывались. Само понятие «профессионал» использовалось только применительно к чуждому Стране Советов буржуазному спорту.

Примечания

¹ Комсомольская правда. 1936. 21 сент.

² См.: Вартанян А. Как начинался советский футбол // Спорт-экспресс футбол, 2001. 12 марта.

³ См.: Жид А. Возвращение из СССР. М., 1989. С.112–113.

⁴ См.: Вартанян А. Как начинался советский футбол. 26 марта.

⁵ Берлянд Г.Е. «Спартак» и спартаковцы. М., 1985. С. 89.

⁶ Осипов Л. Спортивная эксплуатация // Красный спорт. 1936. 8 мая.

А.Ю. Ржешевская

Военная «трилогия» в отечественном кинематографе эпохи «оттепели»

Историческая эпоха всегда оказывала влияние на культуру. Так, например, период «оттепели» в советской истории повлек за собой не

только смягчение политического режима, но и изменения в общественной жизни страны. В это время наблюдался расцвет культуры и наметился новый путь в отечественном кинематографе. Тяготы войны остались позади, репрессии сменились либеральными реформами, что нашло свое отражение в кино. Можно отметить такую особенность фильмов «оттепели», как отказ от строгих штампов и выход на первый план социальных проблем.

В эти годы новое переосмысление получили военные фильмы. Центральное место теперь отводилось не подвигу, а искалеченной войной судьбе героя. Яркими образцами нового видения стали фильмы «Летят журавли» М. Калатозова (1957), «Баллада о солдате» Г. Чухрая (1959) и «Иваново детство» А. Тарковского (1962). В этих фильмах рассматривались судьбы людей, прошедших испытание военным временем, на примере молодой девушки, юноши и ребенка. Это было новое поколение советских людей, чью жизнь коренным образом поменяла война.

Для кинокартины «Летят журавли» М. Калатозова характерны три основных момента: виртуозная работа оператора С. Урусевского, акцентирование эмоциональных характеристик героев, кольцевая композиция кинокартины. Оператор, наряду с режиссером, выступает и участвует в расстановке основных акцентов в фильме. Вся композиция выстроена таким образом, чтобы максимально точно передать эмоциональное состояние главной героини. Кольцевая композиция отсылает нас к литературной традиции. Вначале мы видим стаю журавлей как символ мечты двух влюбленных людей; в конце фильма стая журавлей олицетворяет надежду на светлое будущее. Так концепция и идея фильма получают логическое завершение.

«Балладу о солдате» отличает, прежде всего, нетипичная для военного фильма романтичность, что подчеркнуто уже в самом названии. Баллада как жанр предполагает наличие героико-эпического начала. В фильме показан образ отважного, честного юноши, настоящего героя-романтика. Перед зрителями предстает метафоричное сравнение темы пути и человеческой жизни. «Баллада о солдате» – не столько кинокартина о войне, сколько история о понятиях чести, долга и истинных чувствах.

Особое место среди военных фильмов занимает работа А. Тарковского «Иваново детство». Кинокартину отличает поэтический стиль, характерный для режиссера и в будущем, а также особая символика. В фильме сталкиваются два образа: мирной жизни, где главное место отводится любви, и жестокой, бесчеловечной войны. А. Тарков-

ский постоянно сводит воедино суровую реальность и иллюзии, сны главного героя. Такой контраст помогает острее почувствовать трагическую роль войны в жизни человека. В военном фильме А. Тарковского важное место занимает тема любви как единственной силы, которая имеет ценность и может спасти мир от гибели. Особую трагичность фильму придаёт то обстоятельство, что гибель подростка Ивана кажется закономерной.

Вышеупомянутые фильмы объединяет то, что в них центральное место занимает отнюдь не изображение военных подвигов. Режиссеры останавливают наше внимание на проблемах личности, на трагедии жизни отдельно взятого человека. В фильме «Летят журавли» героиня потеряла любимого, война разбила её личное счастье. В «Балладе о солдате» погибает юноша, его мать лишается единственного сына. В картине А. Тарковского рассказана трагедия мальчика, лишившегося матери. Ни один из рассмотренных фильмов не содержит кровопролитных сцен военных действий, но в них разыгрываются глубокие психологические драмы. Прием субъективной камеры помогает смотреть на ситуацию и оценивать ее с позиции героев, разделяя их эмоциональное состояние.

Новаторское переосмысление материала на примере данной «трилогии» позволило режиссерам в дальнейшем шире рассматривать данную проблематику. Психология личности – это то новое, что привнесли в свои фильмы М. Калатозов, Г. Чухрай, А. Тарковский. Благодаря появлению их лент статус советских режиссеров получил высокую оценку мировой кинематографической общественности, что подтвердили, в частности, награды международных фестивалей. Военная «трилогия» эпохи «оттепели» позволила СССР подтвердить свой высокий статус носителя богатейшей кинематографической культуры.

Е.В. Евдокимова

Позиция Верховного Совета РСФСР по вопросу внутриэкономического курса правительства в 1992 г.

1992 год – особый год в истории нашей страны – год начала рыночных реформ в области экономики. Однако радикальные реформы не были осуществлены в том виде, в котором задумывались правительством изначально, в том числе из-за оппозиции Верховного Совета.

Российский независимый институт социальных и национальных проблем совместно с центром политической и экономической истории России ещё в 1994 г. опубликовал подборку материалов, в которой взаимоотношения законодательной и исполнительной властей подразделяются на 3 этапа: единство (май 1990 – декабрь 1991 г.), компромисс (весь 1992 г.) и, наконец, борьба (декабрь 1992 – октябрь 1993 г.). Период, нас интересующий, компромиссом назван условно, так как характеризуется «большой политической игрой, смысл которой в обществе расценивался двояко: борьба за власть, объясняемая личными амбициями, либо борьба за власть, диктуемая необходимостью изменения курса реформ»¹.

То, что Верховный Совет РСФСР не приемлет политики правительства, а точнее её результатов, ясно стало не сразу. Более того, в ноябре 1991 г. съезд народных депутатов одобрил основные принципы намеченного экономического реформирования, а спикер Парламента даже призвал к «общероссийской консолидации»². Примечательно, что 1 января, непосредственно накануне либерализации цен, Р.И. Хасбулатов в обращении к россиянам призывал: «Верьте: мы уже в 1992 году увидим ощутимые перемены к лучшему»³. Но, так сказать, по заданному правительством сценарию «процесс не пошёл». В преддверии январской либерализации цен их рост прогнозировался примерно в 3 раза, с учётом этого устанавливался индекс повышения зарплат бюджетникам, пенсий, стипендий в 70%⁴. Но цены сразу же возросли в 10 – 12 раз, так что запланированная индексация в социальной сфере оказалась мизерной, что привело к снижению жизненного уровня населения. Был нанесён удар по сберегательным вкладам граждан. Девальвация явилась следствием ряда причин: во-первых, значительная часть сбережений, хранившихся в Сберегательном банке, не была обеспечена золотовалютными резервами, а представляла собой так называемые «инфляционные деньги» 1990 – 1991 гг., во-вторых, наблюдалось нежелание правительства даже рассматривать возможные варианты индексации вкладов.

Столь неожиданные следствия реформы, названной в народе «грабительской», активизировали оппозицию в Верховном Совете: парламентские комитеты и комиссии предложили во время обсуждения бюджета на 1992 г. увеличить его расходную статью на 276 млрд. рублей⁵, но это, в свою очередь, сводило на нет попытки правительства сформировать относительно бездефицитный бюджет. Позиция спикера также кардинально меняется, но только по отношению к правительству, а не к президенту, потому что «отношения с Борисом Ельциным стоят

дороже, чем 10 правительств»⁶. По мнению Р.И. Хасбулатова, «Президенту надо дистанцироваться от не просто неудачного, а не квалифицированного правительства»⁷. В феврале был опубликован правительственный меморандум об экономической политике на 1992 г., по которому до конца марта намечалось снять оставшиеся ценовые ограничения на потребительские товары и услуги. Данная инициатива не была одобрена парламентариями.

Всё же «первая фронтальная атака на реформы»⁸ имела место на VI съезде народных депутатов в апреле 1992 г. Руслан Имранович заявил, что «в некотором смысле Верховный Совет возглавил течение, оппозиционное осуществлению экономических реформ»⁹. Только коллективное прошение правительства об отставке, которое не было удовлетворено, подтолкнуло депутатов проголосовать за декларацию, в целом одобряющую политику реформ.

К 1 июня сумма взаимных неплатежей предприятий достигла 2 трлн. рублей¹⁰. Предприятиям, просившим у правительства субсидии и дешёвые кредиты на продолжение производства, должно было быть сказано категорическое «нет», т. к. реформаторы во главу угла ставили экономию средств, считая, что увеличение расходов приведёт к гиперинфляции. Верховный Совет же, апеллируя к возможности краха целых отраслей и неизбежного в случае массовой безработицы социального взрыва, настаивал на финансовой помощи правительства. 28 июля исполняющий обязанности председателя Центробанка В. Геращенко, утверждение которого в должности зависело от Председателя Верховного Совета, разослал в местные отделения телеграммы, предписывавшие предоставить кредиты государственным предприятиям на покрытие задолженности по взаиморасчетам. Таким образом, кредитная политика Центробанка фактически похоронила гайдаровский план «шокотерапии». Как отмечал Б. Ельцин, к концу лета стало ясно, что «не возможно сдерживать инфляцию при существующем Верховном Совете, когда с помощью бюджета парламент искусственно накачивает в экономику триллионы рублей»¹¹.

В декабре 1992 г. Е. Гайдар был вынужден покинуть правительство. Однако напряжённость в отношениях законодательной и исполнительной властей не была исчерпана и, усиливаясь в последующем, привела к известным событиям октября 1993 г. Позиция Верховного Совета по вопросу проведения либеральных реформ в области экономики была неоднозначной. Так, начав с поддержки правительственного курса, парламент вскоре, главным образом из-за неудовлетворённости

результатами начатых преобразований, фактически встал в оппозицию исполнительной власти.

Примечания

¹ Ельцин – Хасбулатов: единство, компромисс, борьба. М., 1994. С. 5.

² Российская газета. 1991. 14 нояб.

³ Там же. 1992. 1 янв.

⁴ См.: Согрин В. Политическая история современной России: 1985–1994. М., 1994. С. 119.

⁵ Там же.

⁶ Московский комсомолец. 1992. 16 янв.

⁷ Известия. 1992. 15 янв.

⁸ Гайдар Е. Дни поражений и побед. М., 1997. С. 174.

⁹ Российская газета. 1992. 3 апр.

¹⁰ См.: Согрин В. Политическая история современной России. С. 123.

¹¹ Ельцин Б. Записки президента. М., 1994. С. 264.

С.С. Красинский

Ленинградский рок-клуб

В 1980-е гг. рок-музыка в СССР претерпела колоссальные изменения. И хотя все запреты оставались в силе, контроль уже ослаб, стал формальным, многое проходило безнаказанным, становились реальными и вынужденные официальные послабления. Этим обусловлено и резкое увеличение количества публикаций в периодической печати того времени о рок-музыке вообще и рок-клубах в частности¹. Но при наличии обширной источниковой базы исследования рок-музыки 1980-х гг. носят лишь общий характер².

Согласно официальной версии, ленинградский рок-клуб открылся в Ленинградском межсоюзном доме самодеятельного творчества на ул. Рубинштейна, 13 в 1981 году. Именно там 11 марта состоялся первый легальный концерт при участии групп «Мифы», «Россияне», «Зеркало» и «Пикник». Но на самом деле организация – предтеча рок-клуба – появилась немного раньше. Как рассказывает основатель и первый президент ленинградского рок-клуба Геннадий Зайцев, «Ленинградский рок-клуб был создан не на Рубинштейна, а прямо на Новый 1973 – 1974 год на Курляндской улице по идее моего брата, и назывался он "Поп-клуб"... Целью и задачей себе ставили – объединение музыкантов, поэтов, которые кладут свои стихи на музыку, с целью воздействия на

молодежь. И мы искали себе подобных. Вот такое объединение музыкантов и пропаганда их творчества – это было средство. В него входили "Мифы", "Большой Железный Колокол", "Россияне", "Аквариум", "Гольфстрим", "Что делать?"»³.

Власть и соответствующие правоохранительные органы не могли не отреагировать на сложившуюся и стремительно набирающую обороты ситуацию в неформальных кругах общества. «*Мы шли на новый фильм – Кто-то выключил ток...*», – так описал достаточно типичную для того времени ситуацию лидер группы «Аквариум» Борис Гребенщиков. Дело в том, что очень часто нелегальные выступления рок-групп проходили в зданиях кинотеатров, и власти, уставшие устраивать облавы и аресты, просто отключали электричество, и собрание разгонялось. «КГБэшники активно трясли сейшена»⁴ и музыкантов полгода, может быть, немного побольше, а затем поступило предложение от Театра народного творчества: «А почему бы вам, ребята, не собраться, чего вы все на улице ходите?» – сказала Надежда Александровна Афанасьева, будущий куратор клуба... Пригласили всех, собрали, и началось все это дело – официальная работа. Вот, кстати, в этот период мне и предлагали стучать, я отказался, и через полгода меня не стало в клубе. Ну а тот, кто остался, ясно, на что согласился, поэтому и остался»⁵.

Так было освещено это событие в прессе: «На базе Ленинградского межсоюзного дома самодеятельного творчества и под эгидой оркестрового отдела *ЛМДСТ* создан городской клуб любителей рок-музыки. Главные задачи клуба его создатели определили так: пропаганда лучших образцов советской и зарубежной рок-музыки, оказание методической помощи самодеятельным коллективам и исполнителям, серьезная воспитательная работа среди молодежи с целью повышения эстетического уровня исполнителей и слушателей»⁶.

Таким образом, традиционная версия о том, что власть, не нашедшая способов для ликвидации молодежного движения, поставила его под свой контроль, дав возможность выступать (пусть и бесплатно), собираться (пусть и только в рок-клубе) и относительную неприкосновенность со стороны государственных органов (пусть и формальную), на наш взгляд, верна не в полной мере. Процедура вступления в рок-клуб не была лишена многих формальностей и, как многое тогда в стране, носила отпечаток государственной политики и идеологии. Молодая группа должна была подать заявку на прослушивание, затем шел сложный процесс «залитовки» текстов. В «безыдейности» обвинили, к примеру, песни группы «Кино» «Мои друзья» и «Бездельник».

была реакция «приемной комиссии»: «Ну и что ты хочешь сказать своими песнями? Какова идея твоего творчества? Что ты бездельник? Это очень хорошо? И остановки только у пивных ларьков – это что, все теперь должны пьянствовать? Ты это хочешь сказать?»⁷

Спорным, на наш взгляд, является вопрос о реальной подоплеке создания рок-клубов. С одной стороны, перед музыкантами открывались возможности выступления на больших площадках, перед огромной аудиторией, появлялись перспективы и стимул для дальнейшего развития, творческого и, самое главное, карьерного роста. Но, с другой стороны, вполне обоснованным является и предположение о том, что создание сети подобных организаций было лишь очередным шагом на пути к контролю, а затем и к ликвидации «нигилизма» в молодежной среде. Попытка (следует признать, успешная) поставить деятельность рок-клубов на бюрократические рельсы путем введения всевозможных бланков заставляла воспринимать членство в рок-клубе и выступления в нем как работу, делая тем самым рок-клуб инстанцией, неотличимой от любой другой в Советском государстве.

Примечания

¹ Например, журналы «Юность», «Смена», «Студенческий меридиан».

² См.: Троицкий А.К. Рок в Союзе: 60-е, 70-е, 80-е... М., 1991.

³ Цит. по: www.pchela.ru 4.03.2005

⁴ Сейшен – рок-концерт.

⁵ Цит. по: www.pchela.ru 4.03.2005

⁶ Поздняков А. Вас приглашают «Мифы» и другие... //http://vvs.spb.ru/oldpapers/1982-1.htm 25.02.2006.

⁷ Рыбин А.В. Кино с самого начала. Редакционно-издательский центр А. Иванова «ТОК», 1992. С. 84.

О. Зайцева

Индуизм в России: проблемы классификации религиозных групп

Индуизм – это религиозная система, которой сложно дать исчерпывающее определение. Еще труднее классифицировать все направления и секты современного индуизма. Однако все они могут быть условно разделены на три группы – традиционный индуизм, неоиндуизм и индуистская секта – на основе следующих критериев: признание последователями авторитета свода священных книг; наличие храмов и осо-

бой группы священнослужителей; преемственность в передаче религиозного знания от духовного наставника к ученику; соблюдение ряда поведенческих предписаний и запретов, которые разнятся в зависимости от того, к какой возрастной, половой и социальной категории принадлежит данное лицо.

Нами была предпринята попытка классификации индуистских организаций на территории Российской Федерации. В качестве организации традиционного индуизма можно рассматривать Международное общество сознания Кришны (МОСК), филиал которого действует в России с 1976 г. На данный момент его возглавляет Вадим Тунеев. Общество сознания Кришны относится к одной из четырех традиционных вишнуитских школ, называемой Брахма Мадхава Гаудия сампрадаи, и имеет свою цепь ученической преемственности. Также МОСК полностью принимает традиционную систему правил и предписаний.

МОСК является самой крупной в России индуистской религиозной организацией. Адепты считают себя последователями Шри Кришны Чайтаньи Махапрабху, религиозного реформатора средневековой Индии. Человеком, сумевшим широко распространить учение Шри Чайтаньи по всему миру, был Бхактиведанта Свами Прабхупада, основатель Международного общества сознания Кришны¹. Последователями МОСК признается авторитет всех основных Священных Писаний древней Индии. Существует более 100 храмов МОСК на территории России. Ритуальная практика не отличается от практики других школ вишнуизма. В МОСК существуют инициации или посвящения. Считается, что только после второго посвящения последователь становится квалифицированным священнослужителем. Таким образом, из всего вышеперечисленного следует, что Международное общество сознания Кришны имеет все характеристики традиционной индуистской организации, следующей направлению бенгальского вишнуизма.

Ярким примером неоиндуизма на территории РФ является Движение последователей Шри Чинмоя. В России действуют несколько организаций, которые появились в начале 90-х гг. и не зарегистрированы как религиозные. В основе теории Шри Чинмоя лежит учение о единстве Бога и человека (майавада). На основе этого знания и были написаны его книги. Напрямую на какие-либо индуистские писания он не ссылается. Храмы у последователей Шри Чинмоя отсутствуют, однако есть центры медитации. В книгах Шри Чинмой не упоминает о своем гуру, обряд инициации в обществе отсутствует, следовательно, не существует системы передачи знания от духовного наставника к ученику. О системе варн и ашрамов в учении нет упоминания. Шри Чинмой попытал-

ся компилировать различные индуистские течения, добавляя к ним западные призывы укреплять свое здоровье, становиться культурно образованными и т.д. Однако за основу все равно была взята распространенная в Индии теория о единстве Бога и человека. Данная организация представляет собой неоиндуизм, поскольку не соответствует большинству предложенных критериев оценки².

Типичной индуистской сектой является Общество Сахаджа Йоги, зародившееся в 1970 г., а с 2002 г. зарегистрированное и в России. Его основателем явилась Шри Матаджи Нирмала Шривастава, а руководителем в России является С.В. Пережогин. История Общества Сахаджа Йоги началась с того, что Н. Шривастава открыла новый метод самопознания, который и является основной догмой ее учения. Сама Нирмала родилась и выросла в христианской семье, у нее никогда не было духовного учителя. Она посещала лекции различных гуру для того, чтобы понять чаянья и проблемы человечества. Однако Нирмала Деви сформировала свое учение полностью сама, а не получила его по цепи ученической преемственности. Единственными священными текстами, которые изучают последователи Сахаджа Йоги, являются выступления и лекции Шри Нирмалы. В результате практики ее последователи должны создать «свою Библию или Гиту», а в традиционных индуистских писаниях нет нужды. У последователей Нирмала Деви нет храмовых сооружений, как таковых. Адепты снимают отдельные залы, где занимаются групповой медитацией. Религиозная практика очень простая и необходимость в квалифицированных священнослужителях отсутствует. Ни в одной из книг и выступлений Нирмала Деви нет никаких сведений об ее отношении к варнашраме и кастовой системе. Таким образом, Сахаджа Йога не соответствует ни одному из предложенных пунктов. Кроме того, обязанностью адептов является безоговорочное подчинение Шри Матаджи. Что является доказательством того, что эта организация является индуистской сектой³.

Индуизм в России столкнулся с серьезной проблемой широкого распространения индуистских сект, не традиционных не только для России, но и для самой Индии. В связи с тем, что на территории РФ проживает много индийских граждан, которым необходимо удовлетворять свои религиозные потребности, нужно поддерживать индуистские организации традиционного толка и предпринимать попытки защиты населения от опасных течений.

Примечания

¹ Краткая справка о Международном Обществе сознания Кришны (ИСККОН) // www.krishna.ru. 07.04.05.

² См.: Тимошук А., Шавкунов И. Введение в религиоведение. Владимир, 2002. С. 147.

³ См.: Некоторые высказывания Шри Матаджи // <http://www.shrimataji.ru/> 17.05.05.

Музейное дело и охрана памятников

А.С. Иощенко

Женские образы в творчестве Антониса Ван Дейка (на примере картин из собрания Государственного Эрмитажа)

Выдающийся фламандский живописец первой половины XVII в. Антонис Ван Дейк является преобразователем портретного жанра. По мнению английского художника XVIII в. Джонатана Ричардсона, в том, что касается портрета, «никто, вероятно даже Рафаэль, не имеет больше прав на первенство, нежели Ван Дейк – ни сам Тициан, ни – подавно – Рубенс».

Ван Дейк считается создателем парадного портрета интеллектуального и благородного аристократа. Герои его полотен – изящные и утонченные представители высшего сословия. Значительную долю среди картин мастера составляют женские и семейные портреты, по которым возможно проанализировать роль знатной дамы в жизни общества XVII в.

Социальная роль женщины в раннее Новое время определялась зависимостью от мужчины. Важнейшей и единственной сферой ее деятельности выступала семья и связанные с ней традиционные обязанности хозяйки дома, добродетельной супруги и заботливой матери. Одной из редких возможностей участия аристократок в системе публичных отношений становилась служба в качестве придворных. Такие родовитые, состоятельные, а самое главное социально активные женщины становились героинями портретов Ван Дейка. Живописец изображает их красивыми и статными, полными чувства собственного достоинства

и значимости. Они не просто богатые и бездушные особы, а, прежде всего, личности, живущие интеллектуальной жизнью; их стремления не сводятся к дорогим нарядам и украшениям.

На «Портрете королевы Генриетты-Марии» (1638), хранящемся в Эрмитаже, представлена элегантная, красивая женщина, высокий социальный статус которой подчеркивает роскошное парадное платье, а также изображение атрибута верховной власти – бриллиантовой короны. На первый взгляд, лицо героини статично и лишено эмоций, но ее настроение и внутренние переживания раскрывают еле уловимая улыбка и лукавый взгляд.

Внешность Генриетты-Марии в действительности была не столь привлекательна, как на картине знаменитого портретиста. О физических недостатках английской королевы красноречиво писала в своих воспоминаниях курфюрстина Ганноверская: "Чудесные портреты Ван Дейка внушили мне такое высокое представление о всех английских дамах, что я была глубоко поражена, когда впервые увидела королеву, выглядевшую столь прекрасной на портретах; в жизни она была небольшого роста женщиной, с длинными сухими руками, неодинаковой высоты плечами и зубами, подобно клыкам, торчавшими изо рта". Ясно, что художник идеализировал внешность большинства своих персонажей. Таков был его творческий принцип: находить совершенное в несовершенном.

В «Портрете придворных дам Анны Далькит, графини Мортон (?) и Анны Керк» (конец 1630-х гг.) живописец польстил моделям, удлинив их фигуру и усилив присущую им аристократическую утонченность. Определенную торжественность привносит драпировка и вечерний пейзаж. Следует отметить, что разработанный фон является важным элементом парадного портрета кисти Ван Дейка. Но художник не теряет человека за этим парадным окружением. Детали обстановки всегда помогают углубить характеристику модели.

Может сложиться впечатление, что беззаботные и богатые героини полотен Ван Дейка счастливы. Это не совсем так, в чем можно убедиться, обратившись к «Портрету молодой женщины с ребенком» (1618). Непринужденность позы, благородная осанка, утонченность внешнего облика свидетельствуют о высоком общественном положении юной матери. Однако за кажущимся спокойствием прячется какая-то неопределенная печаль и обреченность. Живописец обращает внимание зрителя на тревогу в глазах портретируемой и заставляет задуматься о причине ее волнения.

Благодаря Антониусу Ван Дейку большой парадный портрет получил общеевропейское признание в XVII в. Одна из задач живописца за-

ключалась в том, чтобы наряду с внешним сходством передать настроение, душевное состояние моделей, многие из которых осознавали свое высокое положение в общественной жизни. При подробном изучении полотен художника можно сделать вывод, что Ван Дейк почувствовал ключевой признак раннего Нового времени – пробуждение самосознания личности.

Е.А. Нестеренко

Вторая мировая война и реституция культурных ценностей

Беспримерных масштабов похищение и изъятие произведений искусства достигли в годы Второй мировой войны. Нацисты организовали специальные команды, занимавшиеся конфискацией художественных ценностей. В их распоряжении имелись общедоступные каталоги государственных музеев и галерей каждой страны, а также инвентаризационные ведомости всех частных коллекций. Разведка Германии занималась не только военным и политическим шпионажем, но и широко проникала в мир искусства. Рейхминистр Альфред Розенберг сформировал «айнцантцштаб», во главе которого был поставлен генерал Герхард Утикаль¹. В него входили 350 специалистов: эксперты по искусству, книговеды, архивариусы. Они тщательно отбирали, регистрировали, систематизировали конфискованные ценности, фотографировали их, составляя подробные каталоги. Вывозом библиотек, музеев, галерей и других собраний художественных ценностей занималось несколько ведомств. Самые крупные из них – «Наследие», штаб «Изобразительное искусство» Розенберга и батальон особого значения, подчинявшийся Ребентропу.

Естественно, что особое место в этом процессе занимал СССР. Войсками противника были разграблены и отчасти уничтожены 427 музеев. С оккупированной территории Советского Союза было вывезено около 500 тыс. единиц хранения музейных ценностей². Весной 1944 г. Розенберг заявил, что его организации для перевозки изъятых произведений искусства потребовалось 1,5 млн. железнодорожных вагонов, а также морской транспорт тоннажем свыше 400 тыс. т³.

После перелома хода войны войска союзников приблизились к Берлину. На ранее оккупированные территории союзные страны посылали своих научных сотрудников для розыска некогда увезённых куль-

турных ценностей. Так, наши специалисты нашли тайник, в котором обнаружилась часть Дрезденской галереи. 5 июля 1945 г. галерею отправили в Москву. К сожалению, нередко в результате этих поисков увозились не принадлежавшие тому или иному государству ценности. И подтверждение этому – ситуация, которая сложилась сегодня в мире, когда в наших музеях находятся экспонаты, принадлежащие Германии и другим странам, и наоборот. Безусловно, заложниками этой ситуации стали многие европейские страны, однако самые серьёзные потери понёс Советский Союз, и проблема реституции на сегодняшний день более всего касается именно СССР и Германии, которые будут играть ведущую роль в решении этого вопроса.

На сегодняшний день в Государственном музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, Государственном историческом музее и Эрмитаже находится около 250 тыс. перемещенных из Германии экспонатов. Помимо этого в Российской государственной библиотеке находится 700 томов, включая библиотеку Гуттенберга и Готскую библиотеку, некогда принадлежавшую Германии. Пушкинский музей Москвы хранит 259 предметов (ок. 40%) из Троянской коллекции Шлимана⁴.

Потери России не менее масштабны. Произведения искусства, принадлежавшие нашим музеям, находятся не только на территории Германии, но и в других странах, что ещё более усугубляет ситуацию. В такой ситуации сейчас находится культурный мир, и вопрос реституции стоит очень остро. Попытки решить эту проблему были предприняты ещё в 1947 г., когда было подписано соглашение между СССР, Германией и США о возвращении награбленного с территории этих стран с последующей передачей их государству-владельцу⁵. Небольшая часть награбленного действительно была возвращена с территории Германии и даже с территорий Австрии и Италии. Были предприняты и другие шаги, например подписание Гаагской конвенции 1954 г., а также последующих соглашений⁶. Однако эти действия не привели к решению проблемы, поскольку государства, подписавшие под конвенциями и соглашениями, не выполняют их требования, зачастую из-за противоречий с внутренним законодательством. Например, согласно Российскому законодательству, в частности закону «О культурных ценностях, перемещенных в Советский Союз в результате Второй мировой войны...»⁷, все перемещенные ценности и находящиеся на территории РФ являются достоянием Российской Федерации и находятся в федеральной собственности.

Надо отметить, что проблема реституции диктуется, прежде всего, политическими, а не общечеловеческими соображениями. Решить ее можно только путем мирного сотрудничества, где решающую роль будет играть моральная сторона. Эта идея ярче всего прослеживается в деятельности международных организаций, занимающихся проблемой охраны культурного наследия и реституции. Самой крупной из них является ЮНЕСКО⁸.

Однозначного ответа, как решить эту сложную проблему, пока нет. Каждое государство, потерявшее в результате войны часть своего культурного наследия, имеет право получить его назад, но в то же время каждое государство использует сложившуюся неопределённую ситуацию из соображений выгоды. В этом и заключается основная проблема – нежелание идти на компромисс. Большую роль в решении этой проблемы может сыграть общественность, а также международные организации. Однако решать её надо крайне осторожно, не затронув прав собственности, часто уже частной. Необходимо помнить, что решающую роль здесь будет играть моральная сторона вопроса. Важно ещё и то, что решение проблемы реституции поможет создать единое европейское культурное пространство на основе международных законодательных актов.

Примечания

¹ См.: Бакуменко М.Н. Сокровища в огне войны. Минск, 1990. С. 6.

² См.: Нюрнбергский процесс. М., 1957. Т. 7. С.177, 390–391.

³ См.: Румянцев Ф. Я. Бизнес на искусстве. М., 1976. С. 10.

⁴ <http://www.deutschebotschaft.ru>.

⁵ См.: Богуславский М.М. Международная охрана культурных ценностей. М., 1979. С.111.

⁶ См.: Нормативные акты ЮНЕСКО по охране культурного наследия. М., 2002. С.7.

⁷ См.: Законодательство о культуре. М., 2001. С. 246.

⁸ <http://www.unesco.ru>.

**Проблемы музейного строительства
в Монгольской Народной Республике
в 1960 – 1980-е годы**
(по материалам журнала «Монголия»)

«Монголия» – ежемесячный, иллюстрированный, общественно-политический и литературно-художественный журнал, в котором нашли отражение разнообразные аспекты жизни народа и вопросы, связанные с музейным строительством в стране. Материалы, публикуемые в журнале, являются важным источником по изучению культуры страны. В ряде случаев в указанном источнике содержатся сведения, которые больше нигде не упоминаются; описаны памятники, не существующие на данный момент (погибли в результате строительства, грабительских раскопок или были утрачены по другим причинам).

По данным журнала, в дореволюционной Монголии не было ни одного музея, что стало одной из главных проблем музейного строительства: за короткое время необходимо было создать разветвленную музейную сеть. В конце 1921 г. был образован первый в стране Научный комитет, в Уставе которого был пункт, гласивший: «Собирать при Комитете интересные и познавательные экспонаты, дабы они служили расширению знаний»¹; в том же документе говорилось и о создании в стране Государственного музея, что и произошло в 1924 г. В то время в музее было 240 экспонатов, а на 1980 г. в 20 залах насчитывалось 20 тыс. экспонатов². В 1980 – 1986 гг. его посетили более 700 тыс. человек³.

В 1975 г. в МНР было 30 музеев различных профилей⁴, а 1991 г. – уже более 60⁵. Из мемориальных музеев привлекает внимание дворец-музей Богдо-гэгэна (правителя дореволюционной Монголии). В музее представлены шедевры декоративно-прикладного искусства монголов: скульптурные изображения божеств, художественное литьё, чеканка, ювелирные изделия и аппликации⁶. Все экспонаты его извлечены из хранилищ Богдо-гэгэна.

Из краеведческих музеев заслуживает внимание Южно-гобийский аймачный музей, основанный в 1958 г. Музей состоит из двух отделов: естественного и исторического, в нем представлено большое количество чугунного литья XVI – XVII вв., предметы домашнего обихода ме-

стных скотоводов. Оригинальность характера музейных предметов стала причиной участия музея в различных выставках. Известно, что в 1971 г. на одной из них экспонаты музея были удостоены третьего места из 45 участников и выиграли 5 золотых и 7 бронзовых медалей⁷. Значительное место в монгольской сети заняли храмовые территории и сокровищницы. В 1948 г. публика получила возможность любоваться шедеврами знаменитого храмового ансамбля Богдо-хана, возведенного в XIV столетии. В нем экспонируются творения старых мастеров (ковры, аппликации)⁸. В музей превратился и прославленный монастырь Чойжин-ламы, возникший в VI в. Здесь представлено в основном позолоченное литьё⁹.

Рассматривая проблемы музейного строительства в Монголии, необходимо упомянуть о международной выставочной деятельности. Так, в 1977 г. в Венгрии, Болгарии, СССР, Чехословакии прошла выставка «Искусство Монголии». Экспозиция выставки состояла из двух разделов. В первом были представлены вышивка, гобелены, а во втором – маски, аппликации и другие произведения декоративно-прикладного искусства¹⁰. Выставка «Монголы» проходила в сентябре 1989 г. в западногерманском городе Хильдесхайме. На ней было представлено свыше 300 экспонатов, рассказывающих о культуре и искусстве монгольского народа с бронзового века до начала XX века – домашняя утварь, украшения, одежда, ковры. Позже эта же выставка побывала в Италии, Франции, Испании, Швейцарии¹¹. По данным журнала «Монголия», в 1990-е гг. было заключено свыше 20 договоров с различными странами об обмене экспонатами и проведении выставок¹².

С 1957 г. музеи Монголии регулярно участвовали в конкурсах и выставках охотничьих трофеев, проходивших в Лейпциге, Познани, Пловдиве, Будапеште. На конкурсе в Турине (1973) Монголия завоевала 77 медалей, из них 40 золотых, 28 серебряных и 9 бронзовых¹³. В 1979 г. в Лондонском музее «Хорниман» более четырех месяцев экспонировалась этнографическая выставка «Страна пяти видов скота»¹⁴. В 1986 г. в Италии газеты «Иль Пикколо», «Мессаджеро» сообщали о «Большом успехе выставки монгольской живописи», прошедшей в некоторых её городах. Газеты писали, что, «несмотря на кочевой образ жизни, монголы обладали эстетическим вкусом и создали уникальную культуру»¹⁵.

Опубликованные в журнале материалы свидетельствуют о том, что становление первых музеев в Монголии было связано с проникновением в страну иностранцев и их духовных ценностей в начале XX в. Первые специализированные музеи возникли на местах археологических

раскопок для хранения и экспонирования найденных предметов. До прихода европейцев в стране не существовало музеев, поскольку кочевой образ жизни не предполагает развитие музейной сети.

Примечания

- ¹ Музеи страны // Монголия. 1980. № 8. С. 30.
- ² Там же.
- ³ Наш калейдоскоп // Там же. 1987. № 4. С. 1.
- ⁴ Наш калейдоскоп // Там же. 1975. № 2. С. 26.
- ⁵ Музеи МНР // Там же. 1991. № 1. С. 29.
- ⁶ Аюуш Ц. Музей-дворец Богдо-гэгэна // Там же. 1988. № 9. С. 28.
- ⁷ Наш калейдоскоп // Там же. 1974. № 8. С. 29.
- ⁸ Музеи МНР // Там же. 1980. № 1. С. 1.
- ⁹ Наш калейдоскоп // Там же. 1989. № 9. С. 36.
- ¹⁰ Выставка // Там же. 1977. № 10. С. 18.
- ¹¹ Наш калейдоскоп // Там же. 1989. № 9. С. 11.
- ¹² Там же. 1990. № 1. С. 29.
- ¹³ Сухбаатар Ж. МНР на международных ярмарках // Монголия. 1974. № 1. С. 18.
- ¹⁴ Наш калейдоскоп // Там же. 1980. № 5. С. 26.
- ¹⁵ Панорама культурной жизни // Там же. 1986. № 6. С. 34–35.

Е.Д. Савина

Организация образовательных экскурсий в Ярославской губернии в начале XX века

Ярославский край, имея много исторических мест и достопримечательностей, всегда вызывал интерес у путешественников, поэтому с развитием в начале XX в. экскурсионного движения, он стал интересовать различные организации, занимавшиеся составлением маршрутов и популяризацией экскурсий. Одним из основных источников по изучению экскурсионного движения в Ярославской губернии является журнал «Русский экскурсант», издававшийся членами Ярославской экскурсионной комиссии с марта 1914 года. Он был первым из ряда подобных периодических изданий в стране и посвящен экскурсионной практике России и Европы.

Особое место на страницах журнала отводилось экскурсионной работе в Ярославском крае. Журнал отражал государственную политику в сфере экскурсионного дела, вопросы методики экскурсий, работу съездов и совещаний по экскурсионной деятельности. В нем печатались

маршруты поездок, фотографии, описания экскурсий, осуществленных различными группами, как правило ученическими.

Журнал вел хронику экскурсионно-туристической работы в стране, что отражалось в разделах «Движение экскурсий» и «Хроника экскурсий». С этой целью редакция вела обширную переписку со своими корреспондентами из разных городов. Следует отметить, что члены редакции «Русского экскурсанта» были известными краеведами, кроме того, многие из них совмещали работу в журнале с преподавательской деятельностью в учебных заведениях края, поэтому на страницах журнала активно проводилась идея образовательных экскурсий.

Война, вызвавшая трудности в организации дальних экскурсий, рост интереса к родиноведению, краеведческая работа, связанная с подготовкой к 300-летию Дома Романовых, способствовали развитию ближних ученических экскурсий. Их тематика была обусловлена учебными программами. Можно выделить экскурсии, совершаемые с целью осмотра города и достопримечательностей. Подобные обзорные экскурсии, освещавшие современное состояние города, организовывались в Ростове¹, Рыбинске² и других городах губернии. Учащиеся осматривали торговые учреждения, промышленные объекты, исторические памятники. Это было связано с необходимостью иллюстрировать учебный курс общеобразовательных и профессиональных учебных заведений: низшего механического училища, ремесленной школы, Ярославского реального училища³. В программу посещения входили кондитерская фабрика, свечной завод и другие промышленные объекты. Активная краеведческая работа в школах вызывала интерес к культурно-историческим памятникам. Проводились историко-археологические экскурсии в храм Иоанна Предтечи, Спасский монастырь⁴.

В рамках изучения естествознания походились прогулки по окрестностям. Так, в Ярославле предпринимались осенние естественно-исторические экскурсии на Толгу, в Очапки⁵. Можно также выделить и поездки, совершавшиеся ярославскими группами в другие губернии. Одна из таких экскурсий для воспитанников учительского института была организована в Кострому с целью осмотра исторических памятников города⁶. Благодаря финансовой поддержке земств и общественных организаций, устраивались дальние поездки, например, ученики гимназии Д.М. Щеголева совершили поездку на Кавказ по Военно-грузинской дороге⁷. Среди заграничных экскурсий можно выделить путешествие в Берлин и Вену, организованное для первого выпуска Кеминской гимназии в Ростове⁸.

При организации поездок по губернии руководители зачастую сталкивались с многочисленными проблемами, которые приходилось решать совместно с общественными организациями, с администрациями школ. Например, общество «Молодая жизнь»⁹ решало многие организационные проблемы приема и размещения групп, приезжавших в Ярославль, предоставляло руководителя для сопровождения экскурсий по городу и окрестностям. Руководители учебных заведений предоставляли помещения для приезжих экскурсантов. Активную финансовую поддержку в организации поездок оказывали земства и некоторые общественные организации. Кроме того, экскурсионными комиссиями, краеведами и учителями составлялись маршруты и описания экскурсий, многие из которых впоследствии публиковались в журнале «Русский экскурсant».

Активная работа по организации ученических образовательных экскурсий позволяла накапливать опыт и учитывать его при разработке новых маршрутов, а также готовить путеводители по городам края, по отдельным маршрутам и объектам экскурсионного показа.

Примечания

¹ См.: Движение экскурсий // Русский экскурсant. 1916. № 4. С. 48–49.

² Там же. № 3. С. 74.

³ Там же. № 9. С. 44.

⁴ Там же. № 9. С. 45–46.

⁵ Там же. 1915. № 8. С. 465.

⁶ Там же. 1916. № 7. С. 53.

⁷ Там же. № 4. С. 50.

⁸ См.: Там же. 1914. № 1. С. 89.

⁹ Размещением экскурсионных групп в городе Ярославле занималась экскурсионная комиссия, организованная при обществе «Молодая жизнь» в 1914 г. Само общество «Молодая жизнь» было образовано в мае 1909 г. на основе родительского комитета, существовавшего при Ярославской мужской гимназии. Оно занималось организацией досуга молодежи, в том числе и устройством экскурсий.

Экспозиция, посвященная дворянскому роду Михалковых в Рыбинском музее-заповеднике: создание и возможности ее совершенствования

Музейная экспозиция – это целенаправленная и научно-обоснованная демонстрация музейных предметов, которые организованы композиционно, снабжены комментарием, технически и художественно оформлены и в итоге создают специфический музейный образ природных и общественных явлений¹. Проектирование экспозиции – специфический вид музейного исследования. Результатом подобного исследования может быть атрибуция того или иного предмета, проект экспозиции или же сама экспозиция и, что не менее важно, создание новых способов осмысления предметного мира, так как экспозиция выявляет ту или иную сущность вещи, заставляя воспринимать ее в том или ином контексте информации².

Материалов, принадлежащих роду Михалковых, в ярославских музеях сохранилось достаточное количество. Они хранятся в Ярославском художественном музее, в Рыбинском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике, Ярославском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике. Эти материалы нашли отражение и в издательской деятельности. Материалы по музейной экспозиции дворянского рода Михалковых можно найти в альбоме «Ярославские портреты»³, путеводителе по художественному отделу Рыбинского художественного музея заповедника, где, помимо картин, представлены гравюры Михалковых (например, гравюры Гольца)⁴, также был выпущен каталог по фарфору в 2000 году⁵. При создании новой музейной экспозиции в Рыбинском музее значительный объем её исторической части был посвящен роду Михалковых.

Основанием для создания этой части экспозиции явились иллюстративные материалы (графика Степанова, которая, предположительно, атрибутируется как интерьеры усадьбы Михалковых в Петровском), письменные источники, в частности, опись комнат дома в усадьбе Петровское, составленная на французском языке в 1869 г.⁶ (именно в описании спальни упоминаются иконы: «образа, вывезенные из Иерусалима, – 2 штуки; 3 старинные иконы в серебряных позолоченных рамах»).

Эта экспозиция была создана в течение 1992–1993 гг. Авторами экспозиции являются научный сотрудник исторического отдела Рыбинского музея-заповедника Г.Б. Михайлова и специалист по музейной экспозиции, художник В.П. Зуб. В построении экспозиции использовался тематический принцип. Отразить все богатство усадебной дворянской культуры очень сложно, поэтому были выбраны наиболее функционально значимые и узнаваемые интерьеры – гостиная, кабинет. При создании экспозиции использовались музейные предметы-подлинники:

- изобразительные: семейные иконы, портреты представителей рода, гравюры, графика, фотографии, отражающие жизнь семьи;
- вещественные: мебель (стол, стулья, буфет, кресла, множество различных тумб, диван и другие предметы) и мелкая пластика, коллекция минералов и книги.

Если говорить о введении музейного оборудования в данных экспозиционных комплексах, то необходимо отметить небольшое количество, стилизованность и информативность тех материалов, которые представлены в музейных витринах. В частности, в одной витрине представлены фотографии, повествующие нам о повседневной жизни семьи (следовало бы отметить не очень удачное ее расположение в экспозиции, что нарушает целостность зрительного ряда), в другой витрине помещена родословная рода, выполненная В.П. Зубом.

В целом, можно отметить, что данные экспозиционные комплексы выгодно отличаются аттрактивностью, то есть способностью привлекать внимание, и экспрессивностью – способностью воздействовать на зрителя и вызывать у него эмоциональное переживание. На наш взгляд, возможны и другие подходы к такой экспозиции. Музейная экспозиция может носить не только интерьерный характер, она должна показать жизнь и быт этого дворянского рода. Для этого можно выбрать наиболее функционально значимые и узнаваемые посетителем интерьеры – гостиная, кабинет, столовая.

Данная экспозиция должна располагаться в двух–трех небольших залах, подчиненных анфиладной планировке, характерной для дворянских усадеб XVIII – XIX вв. Для устранения однообразия и безликости музейной экспозиции можно выбрать кабинет. Он должен будет отражать личность Владимира Сергеевича Михалкова. Для этого сначала необходимо воссоздать интерьер усадьбы, который существовал при жизни Владимира Сергеевича. В существующем интерьере кабинета, как мы считаем, не хватает дополнения личными вещами, например, одеждой.

Восстановить внешний облик кабинета необходимо за счет мелких деталей. В частности, проанализируем рабочий стол хозяина кабинета. Главной задачей является создание ощущения, что за этим столом до сих пор кто-то работает. Для того чтобы показать, какие предметы быта были наиболее популярными в то время, мы прибегли к помощи различных каталогов по известным усадьбам. В XIX столетии в кабинете господствовали аскетичные так называемые «голландский» или «английский» вкусы: дубовая корпусная мебель, дубовые же или красного дерева стулья и кресла с неброской обивкой, скромные настольные часы⁷. Именно здесь, в кабинете, вершилась подлинная жизнь усадьбы: держали ответ вечно нерадивые управляющие, писались строгие повеления в другие имения и многочисленные письма многочисленной родне, разбивались прихотливые планы парков, подсчитывался оброк, которого вечно не хватало, принимались «по-домашнему» соседи, обсуждались проекты архитекторов.

Излишне и говорить, что барский кабинет, в отличие от покоев хозяйки, почти не украшался произведениями декоративно-прикладного искусства. Разве что графин и рюмка для «утреннего употребления» непременно вишневки или анисовки. Необходимо также продумать расположение канцелярских предметов на столе. Нужно отметить, что на рубеже веков было модно курение табака. Соответственно надо показать предметы, предназначенные для этого занятия. Даже если хозяин не курил, поставить пепельницу, в то время они в основном были из бронзы. В существующей экспозиции часть минералогической коллекции представлена весьма оригинально – в одном из ящиков стола, который специально покрыт стеклом. Нетрудно догадаться, что минералы таким способом явно не хранили. Из этого следует наше предложение поместить минералогическую коллекцию в специальный шкаф с множеством ящичков и отделений. Таким образом, минералов будет экспонироваться большее количество.

Ситуация с книгами идентична. Владимир Сергеевич собрал за свою жизнь огромную библиотеку. Мы считаем необходимым отражение этого факта в экспозиции. Книги в усадьбах обычно расставлялись в книжных шкафах, соответственно можно использовать шкаф, принадлежащий роду Михалковых, либо подобрать подходящий к стилю и определенному периоду времени, в частности XIX веку. Ящички стола имели иное функциональное назначение. К примеру, в один из них таким же образом можно поместить некоторые документы, что докажет роль Владимира Сергеевича как общественного деятеля. При расположении музейных экспонатов подобным образом сама собой встает про-

блема сохранности предметов и ограниченности доступа посетителей музея к ним.

В XIX веке столь же скромна, как и мебель, была живопись, украшавшая аскетично решенные стены лапидарно обставленных кабинетов. Чаще всего это портреты родителей и детей хозяина. На существующей экспозиции над столом представлены фотографии членов семьи конца XIX века и мужской портрет. Для воссоздания более точного облика этой части экспозиции можно использовать иллюстративные материалы, а именно графику Степанова, которая предположительно атрибутируется как интерьеры усадьбы Михалковых в Петровском, а также письменные источники, в частности, опись комнат дома усадьбы Петровское, составленная на французском языке. Эти источники помогут нам в оформлении стен, потолка и пола, а также окон не только кабинета, но и гостиной и столовой.

Необходимо также рассказать о предложениях по гостиной. Гостиная, она же и зала, – центральный парадный интерьер дворянского усадебного дома, его лицо, его портрет, своего рода «внутренний фасад». В XIX в. уже было принято разделять парадное и приватное, повседневное и праздничное, обыденное и гостевое. Повседневность и обыденность в усадебном доме должна показать столовая. В проектируемой гостиной так же, как и в кабинете, необходимо наличие личных вещей владельцев усадьбы. Такими вещами могут являться и предметы рукоделия, если обитатели играли в азартные игры, необходим ломберный столик для игры в карты. В гостиных было популярным наличие напольных часов, особенно с громким боем курантов. В коллекции РГИАХМЗ есть напольные часы, принадлежавшие дворянскому роду Михалковых⁸.

Мы считаем, что проектируемая нами экспозиция будет нести в себе эти функции, так как позволит наглядно познакомиться и изучить историю провинциального дворянства на примере Михалковых. Изменение музейной экспозиции в РГИАХМЗ, посвященной дворянскому роду Михалковых, необходимо в силу того, что музейное дело как наука, а в частности экспозиционное строительство, меняется постоянно, постоянно модернизируется. Появление новых взглядов на данную деятельность порождает появление и обновление экспозиционных приемов.

Примечания

¹ Закс А.Б. Экспозиция музейная // Российская музейная энциклопедия: В 2 т. М., 2001. Т. 2. С. 355.

² Дмитриева Е.К., Розенблюм Е.А. Художественное проектирование музейных экспозиций // Музейное дело и охрана памятников. Вып. 3. М., 1988.

³ Ярославские портреты XVIII – XIX века: Ярославль, Углич, Рыбинск, Переславль-Залесский, Ростов: Каталог выставки. М., 1981. С. 34.

⁴ РГИАХМЗ. Краткий альбом-путеводитель по коллекциям музея / Автор-составитель Е.А. Цешинская. Рыбинск, 1993. С. 72, 100.

⁵ Фарфор и керамика Китая и Японии XVIII – первой трети XX века в собрании музея (РГИАХМЗ): Каталог / Автор-составитель Е.А. Цешинская. Рыбинск, 2000. С. 28, 32, 35.

⁶ Опись всей движимости в Петровском. 29 июля 1869 года.

⁷ Вдовин Г. Мужской кабинет // Мир русской усадьбы: Каталог. М., 1995. С. 17.

⁸ Тумба. Россия. XIX век. Дерево, фанеровка красным деревом, лакирование. Инв. № РБМ-4425/2. МБ-158.

Т.А. Смирнова

Отражение закона «Заслуженного собеседника» в экспозиции мемориального дома-музея академика А.А. Ухтомского

Одним из главных учений А.А. Ухтомского является его учение о психической доминанте. Основная часть этого огромного труда рассредоточена по дневниковым записям ученого и письмам к близким людям, в процессе изучения которых удалось постепенно расклассифицировать материал таким образом, чтобы выкристаллизовать систему А.А. Ухтомского на психическую доминанту, на духовное устройство человека. Важной составляющей учения о психической доминанте является закон «Заслуженного собеседника».

Собеседник, как представлял себе Алексей Алексеевич, это тот, кто сумеет понять и отнестись без предупреждения, рассудит и поможет увидеть дальше: «Одна из загадочных сторон нашей жизни в том, что, живя среди множества людей и ежедневно сталкиваясь с все новыми людьми, мы почти не имеем собеседников, с которыми бы вместе думали, вместе видели, вместе ожидали, вместе искали. И получается, что вот у нас есть орган речи, и мы ежедневно говорим со встречающимися людьми, а Собеседников-то так-таки и нет, а если есть, то мы считаем их исключительной редкостью»¹.

Закон «Заслуженного Собеседника», открытый А.А. Ухтомским, – положительная доминанта, позволяющая человеку стать собеседником

для окружающих людей и в них же обрести заслуженных собеседников. Этот закон, по убеждению А.А. Ухтомского, дает человеку стимул к обогащению себя разнообразными сторонами внутренней жизни окружающих людей. При этом личность получает от дружественного общения новый импульс для собственного роста. П.В. Симонов, излагая взгляды ученого, говорит: «Собеседник ценен для формирования личности минимум по трем причинам. Во-первых, он служит источником нового знания о людях. Обнаруживая в других то, что не присуще мне самому, я всматриваюсь в себя и задумываюсь над тем, как обрести, развить, усилить черты, привлекающие меня в облике другого. Во-вторых, только другой Собеседник, а не другой Двойник создает возможность критического анализа своих мыслей, побуждений, поступков. Наконец, в третьих, только уважение к Собеседнику, признание его права быть отличным от меня формирует терпимость и тем самым способствует объединению людей»². А.А. Ухтомский называл важнейшей доминантой способность отвлечься от предубеждений, предвзятых теорий, умение ценить другие взгляды, мысли выше своих интересов. Он отмечал, что для людей характерно после некоторого времени знакомства с кем-либо – даже с благородным человеком – разочаровываться в нем, относиться к нему с предвзятой критичностью. Однако Алексей Алексеевич был уверен – для того чтобы человек оставался хорошим, к нему нужно хорошо относиться. По горячему убеждению А.А. Ухтомского, человек углубляет свое «я», чувствуя себя объединенным с теми, за кого готов нести ответственность как за себя.

На момент создания мемориального дома-музея академика А.А. Ухтомского перед авторами стояла непростая задача: совместить историко-биографическую экспозицию с мемориально-бытовым интерьером. «Другой экспозиции быть не могло, в первую очередь потому, что подобного музея в России нет, и мы должны в первую очередь рассказать посетителю об ученом, о поисках его жизненного пути и основных научных открытиях. Во-вторых, не для кого не секрет, что экспозиция, рассказывающая об ученом, будет «суховатой», поэтому введенный в «канву» экспозиции интерьер помогает эмоциональному восприятию биографии ученого и дает краеведческую составляющую в целом»³. Для того чтобы донести до зрителя научное наследие Ухтомского, было сделано следующее:

- отказ от обилия стендов на стенах, которые сделали бы небольшие залы экспозиции еще более тесными;
- бережная подача материалов в рамках на фоне «родной» стены;

- замена традиционных авторских текстов на цитаты из наследия А.А. Ухтомского, который сам «рассказывает» о себе и своей жизни, любимых занятиях и пути в науку.

Такой прием дал возможность одиночному посетителю стать собеседником ученого. Средствами экспозиции порой нелегко раскрыть некоторые темы, имеющие философское звучание, например законы «Двойника» и «Заслуженного Собеседника». Выше названный подход помогает в этом. Мемориально-бытовой интерьер гостиной создан не случайно. «Не только потому, что имеющиеся у нас экспонаты: буфет, икона, картины, шахматный столик – уместнее смотрятся в гостиной, но и потому, что именно в ней всегда собирались друзья, велись беседы, и, следовательно, посетитель вновь становится Собеседником»⁴. Этот комплекс, кроме того, образно показывает жизненный уклад дворянской семьи. Прошедшие годы показали, что подходы, выбранные музейными сотрудниками при построении экспозиции, правильны. Об этом красноречиво свидетельствуют «Книги отзывов посетителей».

Примечания

¹ Столбун Ю.В. Психическая доминанта академика А.А. Ухтомского. Тверь; Ярославль, 2003. С. 352.

² Симонов П.В. Ухтомский и природа человеческого «я» // Журнал высшей нервной деятельности. 1991. Т. 41, вып. 1. С. 3.

³ Бикташева Н.Н. Концепция реэкспозиции мемориального дома-музея академика А.А. Ухтомского. Рыбинск, 2002. С. 1.

⁴ Бикташева Н.Н. Концепция реэкспозиции мемориального дома-музея академика А.А. Ухтомского ... С. 2.

И.В. Голотин

Концепция модели виртуального музея «Русский изразец» в Ярославле

С появлением Интернета стала доступной новая виртуальная форма работы музея с аудиторией, позволяющая знакомиться с экспозицией, находясь дома, в школе или библиотеке. Бурное развитие информационных технологий, активное формирование новой «экранной культуры»¹, актуализация коммуникационных сетей как символа нового «сетевого» общества приводит к формированию нового типа культурной среды². Новая информационная среда может предложить «реальному» обществу новую альтернативную концепцию культурного,

исторического, социального развития. Так появляется определение «виртуальности», «виртуального». Новое виртуальное пространство с помощью электронных технологий формирует свой набор знаков и символов. Так появляются виртуальные магазины³, художественные галереи⁴ и, наконец, музеи⁵. Данное исследование, посвященное проблеме создания виртуального музея «Русский изразец», – это попытка построить приблизительную модель проекта, выявить ее актуальность в культурной жизни страны и региона, сформулировать миссию музея.

Следует отметить, что проблемы изучения и музеефикации изразца как важного элемента культурного наследия страны волновали исследователей на протяжении последних двух веков. XIX век стал временем начала активного собирательства предметов искусства и старины, что привело к появлению многочисленных частных коллекций. Именно коллекционеры становились первыми исследователями многих памятников культуры. XX век стал временем активного изучения предметов архитектурной керамики, создания новых реставрационных методов и школ в целях сохранения памятников древнерусской архитектуры. Работы исследователей этого периода – А.В. Филиппова⁶, А.Б. Салтыкова⁷, С.А. Маслиха⁸, Н.В. Воронова⁹ – поставили задачу дальнейшего изучения изразца, формирующего уникальный облик древнерусских городов, создания специализированных музейных отделов, экспозиций, выставок, посвященных истории и традиции «русского изразцового узорочья».

Рубеж XX – XXI веков стал временем активного введения в научный оборот, посредством проведения семинаров, Интернет-конференций, научных экспедиций, новых уникальных образцов архитектурной керамики. В этот период появились проекты по созданию Всероссийских керамических центров¹⁰, основой которых стали уже существующие коллекции древнерусских изразцов. Создание виртуального музея «Русский изразец» не предполагает наличие существующей стационарной коллекции, но будет иметь таковую, состоящую из оцифрованных фондов музеев России.

Анализ ситуации¹¹ в сфере информатизации музеев Верхнего Поволжья (Ивановская, Костромская и Ярославская области) позволил выявить, что Ярославский регион имеет один из самых высоких показателей в стране по наличию информационных систем в музеях; количеству описаний предметов в музейных базах данных; количеству электронных изображений в музейных базах данных; количеству компьютеров на одного научного сотрудника, имеет единственную в стране музейную базу данных, открытую в Интернет (<http://rmuseum.org>).

bis.spb.ru), которая регулярно пополняется и обновляется. Регион занимает одно из ведущих мест по информатизации музеев, что создает необходимые условия для интегрирования социокультурных проектов в виртуальную среду с помощью информационных технологий.

Отмечая роль информационных технологий в развитии музеев региона, нельзя не учитывать, что они средство к достижению поставленной цели. Основным ресурсом здесь выступает культура Ярославского края. Ярославль – это город с очень богатыми традициями изразцового производства. Во второй половине XVII в. город занимал первое место после Москвы по широте применения архитектурной керамики¹². Именно в Ярославле во второй половине XX в. появилась школа научной реставрации изразца, создателем которой был Алексей Алексеевич Егоров. Изразец – особый узнаваемый символ Ярославля, который на протяжении столетий формирует уникальность городской культуры. Особая привлекательность региона подтверждается бурным развитием сферы туристического бизнеса. Аккумуляция творческих инициатив в виде создания новых туристических объектов, в том числе и виртуальных музеев как аналога «реального» путешествия, будет содействовать формированию запоминающегося имиджа и инвестиционной привлекательности региона, увеличению потока въездного туризма, реализации культурно-просветительских и образовательных программ для местного населения.

Виртуальный музей «Русский изразец» может предложить современному российскому обществу обрести символ своей национальной самобытности через возрождение почти утерянной на сегодняшний день традиционной знаковой системы. Одним из таких символов может стать «изразец», трактующий российскую культуру через систему уникальности региональных культур, а параллельно с этим региональную культуру – через призму местных ремесленных традиций (передача опыта, сохранение знаковой системы, формирование уникальности города¹³).

Следует подчеркнуть, что современная практика создания виртуальных музеев предполагает наличие реально существующего оригинала. В данном случае мы идем от обратного. Создание виртуального музея может привести к появлению реального. Автор данного сообщения придерживается мнения, что электронная модель должна в полной мере создавать у посетителя те же физические, чувственные и, прежде всего, пространственные ощущения¹⁴. При проектировании будущего виртуального музея необходимо создать внутреннюю среду, тождественную

реальному музею, – залы, витрины, освещение, возможно персонал (виртуальные гиды и т.д.).

Подводя итоги, отметим, что создание виртуального музея «Русский изразец» в Ярославле имеет необходимые условия: богатые традиции архитектурной керамики, а также наличие необходимых информационных ресурсов (информатизация и компьютеризация). Появление такого рода музея будет особенно актуально для Ярославля как туристического центра. Он поможет городу стать более привлекательным для въездного туризма.

Примечания

¹ Лагутин А.Б. Информационные проекты в области культуры и компьютерные технологии // Музей будущего: Информационный менеджмент. М., 2001. С. 65.

² См.: Интерактивность достигает совершеннолетия: музеи и Всемирная паутина // Museum. 2000. № 204 (2). С. 21.

³ См.: Ноль Л.Я. Музейные магазины в Интернет // Музей будущего: Информационный менеджмент. М., 2001. С. 103–108.

⁴ См.: MUVA: виртуальный музей в Уругвае // Museum. 2000. № 204(2). С. 26–31.

⁵ См.: Лебедев А.В. Музейные представительства в Интернет: Российский и зарубежный опыт // Музей и новые технологии. М., 1999. С. 58–67.

⁶ См.: Филиппов А.В. Древнерусские изразцы. М., 1938.

⁷ См.: Салтыков А.Б. Избранные труды. М., 1962.

⁸ См.: Маслих С.А. Русское изразцовое искусство XV–XIX веков. М., 1983.

⁹ См.: Воронов Н.В. Изразцы // Русское декоративное искусство. Т. 1. М., 1962. С. 265–290.

¹⁰ В качестве автора такой идеи выступил Ново-Иерусалимский историко-архитектурный и художественный музей с проектом «Живой музей изразцового и гончарного ремесла». См.: Меняющийся музей в меняющемся мире: Конкурс музейных проектов. М., 2004.

¹¹ Стратегии развития музейных информационных ресурсов Верхнего Поволжья // Материалы проектно-аналитического семинара «Компьютер в музее, музей в компьютере». Рыбинск, 2003. С. 1.

¹² См.: Горшкова В.В. Русские изразцы // Путеводитель по Ярославскому художественному музею. Ярославль, 1982. С. 35.

¹³ См.: Лэндри Ч., Грин Л. Возрождение городов через культуру. СПб., 1999.

¹⁴ См.: Лебедев А.В. Виртуальный музей русского примитива // Музей будущего: информационный менеджмент. М., 2001. С. 69.

Научная и выставочная деятельность Ростовского музея-заповедника на современном этапе

Ростовский музей-заповедник, как и любой другой музей, является научно-исследовательской организацией, хранителем и хранилищем национального исторического наследия. К началу 1990-х гг. фонды музея насчитывали около 40 тыс. рукописных и старопечатных книг и более 60 тыс. экспонатов, из которых на тот момент экспонировалось всего 3%¹. Это было связано с тем, что при наличии обширных фондов помещений катастрофически не хватало, а в некоторых из них были неблагоприятные условия для хранения экспонатов. В 1991 г. музей лишился солидного и перспективного филиала – Ярославской епархии был передан Спасо-Яковлевский монастырь. В результате этого остро обозначилась проблема открытия исторической экспозиции². Но уже в 1993 г. в музее работало три научных отдела – художественный, архитектурный, исторический, с 1995 г. открылся археологический.

В начале десятилетия проблемы музея были связаны не только с экспонатами, но и с книжными памятниками. Их коллекция была очень обширна, но не систематизирована; в библиотеке отсутствовал каталог. В начале 1990-х гг. над научным описанием книжной коллекции работала археографическая экспедиция Ярославского государственного университета под руководством А.А. Севастьяновой³.

К 1994 г. коллекция была тщательно изучена, появилось ее научное описание, некоторые документы были опубликованы. Но при изучении письменных источников остро обозначилась проблема нехватки сотрудников: ко всему книжно-рукописному фонду было приставлено два человека – научный сотрудник и библиотекарь, занятый не научной, а текущей работой. Для хранения книжных памятников также были неблагоприятные условия – они располагались в полуподвальном помещении, где из стен местами проступала соль (раньше там были соляные склады)⁴. Несмотря на обозначенные проблемы, фонды и архивы на протяжении 1990-х гг. изучались и систематизировались. С 1991 г. музей проводит ежегодную научную конференцию «История и культура Ростовской земли» с обязательной публикацией материалов. Есть и другие труды музея – «Титовский сборник», «Исследования памятни-

ков архитектуры г. Ростова», «Ямские колокольчики и бубенцы». В местной газете «Ростовский вестник» периодически выходит разворот «Ростовской старины», подборки являются как бы конспектами будущих публикаций в «Сообщениях Ростовского музея»⁵.

К середине 1990-х гг. было налажено регулярное научно-археологическое изучение культурного слоя на территории города и Кремля силами экспедиций из Эрмитажа и ИА РАН под руководством А.Е. Леонтьева. С 1996 г. к раскопкам приступил археологический отдел музея⁶. Итогом научной деятельности явились правильная классификация и учет экспонатов, их научная атрибуция и публикация, ввод в научный оборот, что сказалось, в свою очередь, и на выставочной деятельности музея.

На последнее десятилетие XX в. пришлось несколько знаменательных дат – юбилеи музея, Успенского собора, Ростова, что послужило стимулом творческих поисков и активной организационной работы. В это время происходит частая смена внутримузейных экспозиций, создание постоянных выставок. В изучаемый период приоритетными были такие типы выставок, как юбилейные (выставка фоторабот музейного художника Ю. Родионцева, приуроченная к 110-летию музея, – 1993 г., экспозиция, посвященная 150-летию А.А. Титова, – 1994 г.), приуроченные к памятным датам жизни страны (выставка, посвященная 50-летию Победы; выставка в ГТГ, посвященная Сретению иконы Владимирской Богоматери, – 1995 г.). В 1997 г. открылась экспозиция, посвященная 1135-летию Ростова, – «Ростово-Ярославская епархия в произведениях живописи, графики и предметов декоративно-прикладного искусства». Были популярны тематические экспозиции. Например, в 1995 г. возникла анималистическая выставка, на которой были представлены изображения животных и птиц, выполненные из разных материалов. Данная выставка явилась продолжением серии тематических выставок, создававшихся с привлечением материалов, которые хранятся в фондах и не доступны посетителям.

В 1998 г. для посетителей были открыты фонды фарфора и керамики – коллекция, насчитывающая более 3 тыс. экспонатов. Выставка открытых фондов явилась одной из форм демократизации музея. Это «модернизированный вариант музея старого образца, в котором посетителю демонстрировались сплошные ряды экспонатов»⁷. Для открытого хранения из фондов можно выставлять лишь некоторые коллекции, и собрание фарфора и керамики для этого наиболее подходит. Как было замечено сотрудниками музея, с введением открытой формы хранения увеличилась посещаемость музея.

Активизация выставочной деятельности началась с 1995 г., когда указом президента Ростовский музей был включен в состав особо ценных объектов культурного наследия народов РФ и начал финансироваться из государственного бюджета, вследствие чего улучшились условия хранения экспонатов и увеличилось число помещений для выставок⁸.

Ближе к концу десятилетия увеличилось число передвижных выставок. «Первым опытом проведения выдвигной выставки» стало открытие в апреле 1997 г. выставки в г. Сарове Нижегородской области – «Художники русского авангарда». Она позволила довольно полно показать работы авангардистов, которые в самом Ростове не выставляются⁹. Осенью 1998 г. свыше 20 произведений финифти было представлено в Германии.

Общий подъем музейного дела в 1990-е гг. не мог не сказаться на деятельности Ростовского музея. В это время велась активная работа с фондами и архивными материалами, множество недостаточно хорошо ранее изученных экспонатов вводилось в научный оборот, благодаря чему происходила частая смена выставок, организация постоянных экспозиций. Организация выставок способствовала привлечению посетителей, что особенно важно для провинциального музея с точки зрения увеличения оборачиваемости фондов, исследования произведений, демонстрации современного художественного процесса и творческого наследия мастеров прошлых эпох. В последнее десятилетие XX в. у музея оставались нерешенные проблемы, но с конца 1990-х гг. трудности, связанные с нехваткой помещений, были преодолены, а многие задачи, поставленные руководством в начале десятилетия, были успешно решены.

Примечания

¹ См.: Уткина В. Скрытые сокровища // Путь к коммунизму. 1990. 16 мая.

² См.: Антонишина Л. Наш музей – гордость России // Ростовский вестник. 1993. 21 янв.

³ См.: Носкова В. Библиотека Ростовского музея // Путь к коммунизму. 1990. 6 янв.

⁴ См.: Там же.

⁵ См.: Гонозов О. Город и музей // Золотое кольцо. 1993. 1 сент.

⁶ Новь Ростовского кремля // Русь. 1996. № 6. С. 133–140.

⁷ Ермолова В. Открытые фонды фарфора и керамики // Ростовский вестник. 1998. 25 июня.

⁸ См.: Орлов В. Музей вместо турбазы // Русская мысль. 1999. 18–24 февр.

⁹ См.: Алитова Р. Выставка в Сарове // Ростовский вестник. 1997. 29 апр.

Сведения об авторах

Белова Марина Юрьевна – аспирантка кафедры новейшей отечественной истории (научный руководитель – д-р ист. наук, проф. В.П. Федюк)

Белова Наталья Владимировна – аспирантка кафедры музеологии и краеведения (научный руководитель – д-р ист. наук, проф. А.М. Селиванов)

Болдырев Дмитрий Игоревич – студент отделения «История» (научный руководитель – д-р ист. наук, проф. К.И. Юрчук)

Быков Александр Юрьевич – студент отделения «История» (научный руководитель – ст. преп. А.С. Шильников)

Волоцкая Елена Львовна – студентка отделения «История» (научный руководитель – канд. ист. наук, доц. Н.В. Рябинина)

Воронков Александр Сергеевич – аспирант кафедры отечественной средневековой и новой истории (научный руководитель – д-р ист. наук, проф. Ю.Ю. Иерусалимский)

Власова Ольга Александровна – аспирантка кафедры всеобщей истории (научный руководитель – д-р ист. наук, проф. В.В. Дементьева)

Гогина Анна Михайловна – студентка отделения «История» (научный руководитель – канд. ист. наук, доц. Н.В. Рябинина)

Голованова Алена Николаевна – студентка отделения «История» (научный руководитель – ст. преп. А.С. Шильников)

Голотин Илья Вадимович – студент отделения «Музеология» (научный руководитель – канд. ист. наук, доц. И.Ю. Шустрова)

Государева Марина Владимировна – студентка отделения «Музеология» (научный руководитель – канд. ист. наук, доц. Ю.Г. Салова)

Графова Елена Анатольевна – студентка отделения «Музеология» (научный руководитель – канд. ист. наук, доц. Н.В. Тихомиров)

Данилов Евгений Сергеевич – аспирант кафедры всеобщей истории (научный руководитель – д-р ист. наук, проф. В.В. Дементьева)

Диков Кирилл Сергеевич – студент отделения «История» (научный руководитель – канд. ист. наук, доц. О.В. Трофимова)

Зайцева Ольга Сергеевна – студентка отделения «История» (научный руководитель – канд. ист. наук, ст. преп. Т.А. Федорова)

Загрузина Анна Сергеевна – аспирантка кафедры всеобщей истории (научный руководитель – д-р ист. наук, проф. Т.М. Гавристова)

Евдокимова Екатерина Васильевна – студентка отделения «История» (научный руководитель – канд. ист. наук, доц. А.Ю. Данилов)

Едемская Вера Александровна – студентка отделения «История» (научный руководитель – д-р ист. наук, проф. В.В. Дементьева)

Иощенко Анна Сергеевна – студентка Санкт-Петербургского государственного университета (научный руководитель – канд. искусствоведения, доц. Е.С. Кащенко)

Кананыхина Ксения Сергеевна – аспирантка Института Африки РАН (научный руководитель – д-р ист. наук, проф. Т.М. Гавристова)

Кожевникова Анна Анатольевна – студентка отделения «Музеология» (научный руководитель – д-р ист. наук, проф. А.М. Селиванов)

Комарова Екатерина Владимировна – студентка отделения «История» (научный руководитель – канд. ист. наук, доц. О.В. Лощакова)

Красинский Сергей Сергеевич – студент отделения «История» (научный руководитель – д-р ист. наук, проф. Ю.Ю. Иерусалимский)

Кудряшов Кирилл Александрович – аспирант кафедры музеологии и краеведения (научный руководитель – д-р ист. наук, проф. А.М. Селиванов)

Кузьмичев Александр Викторович – студент отделения «Музеология» (научный руководитель – ст. преп. В.В. Горшкова)

Куликова Ксения Сергеевна – студентка отделения «История» (научный руководитель – канд. ист. наук, доц. Ю.Б. Смирнова)

Лисицина Нина Викторовна – студентка отделения «История» (научный руководитель – канд. ист. наук, доц. А.В. Борисова)

Лисенкова Елена Михайловна – студентка отделения «История» (научный руководитель – канд. ист. наук, доц. О.В. Лощакова)

Лобанова Марина Андреевна – аспирантка кафедры музеологии и краеведения (научный руководитель – канд. ист. наук, доц. Ю.Г. Салова)

Макарова Оксана Николаевна – студентка отделения «Музеология» (научный руководитель – канд. ист. наук, ст. преп. Н.В. Страхова)

Марасанова Татьяна Николаевна – студентка отделения «История» (научный руководитель – ст. преп. И.А. Федорчук)

Маслеников Алексей Владимирович – аспирант кафедры отечественной средневековой и новой истории (научный руководитель – канд. ист. наук, доц. Н.С. Велитченко)

Меньшова Ирина Владимировна – студентка отделения «История» (научный руководитель – канд. ист. наук, доц. И.Ю. Шустрова)

Михайлова Марина Андреевна – аспирантка кафедры музеологии и краеведения (научный руководитель – канд. ист. наук, доц. Ю.Г. Салова)

Мильто А.В. – аспирантка кафедры всеобщей истории (научный руководитель – д-р ист. наук, проф. Т.М. Гавристова)

Мотов Максим Владимирович – студент Академии гуманитарного и социального образования Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина (научный руководитель – д-р ист. наук, проф. В.В. Канищев)

Недрышкина Светлана Вячеславовна – студентка отделения «Музеология» (научный руководитель – канд. ист. наук, доц. И.Ю. Шустрова)

Невиницын Роман Алексеевич – аспирант кафедры отечественной средневековой и новой истории (научный руководитель – д-р ист. наук, проф. Ю.Ю. Иерусалимский)

Нестеренко Екатерина Александровна – студентка отделения «Музеология» (научный руководитель – канд. ист. наук, доц. Ю.Г. Салова)

Новоселова Наталья Григорьевна – аспирантка кафедры отечественной средневековой и новой истории (научный руководитель – д-р ист. наук, проф. Ю.Ю. Иерусалимский)

Нуждина Анастасия Анатольевна – аспирантка кафедры музеологии и краеведения (научный руководитель – д-р ист. наук, проф. А.М. Селиванов)

Романова Юлия Леонидовна – студентка отделения «История» (научный руководитель – канд. ист. наук, доц. О.В. Трофимова)

Ржешеская Анастасия Юрьевна – студентка исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (научный руководитель – канд. искусствоведения, доц. Е.С. Кащенко)

Савина Екатерина Дмитриевна – студентка отделения «Музеология» (научный руководитель – канд. ист. наук, доц. Ю.Г. Салова)

Семикашева Лариса Владимировна – студентка отделения «История» (научный руководитель – канд. ист. наук, доц. О.В. Лощакова)

Сиднева Мария Александровна – студентка отделения «История» (научный руководитель – канд. ист. наук, доц. А.А. Некрасов)

Смирнова Татьяна Андреевна – студентка отделения «Музеология» (научный руководитель – д-р ист. наук, проф. А.М. Селиванов)

Соколова Марина Владимировна – студентка отделения «Музеология» (научный руководитель – д-р ист. наук, доц. В.М. Марасанова)

Староверова Евгения Александровна – студентка отделения «История» (научный руководитель – канд. ист. наук, доц. Н.В. Рябинина)

Степанов Константин Анатольевич – аспирант кафедры (научный руководитель – д-р ист. наук, проф. Ю.Ю. Иерусалимский)

Тамошина Ольга Дмитриевна – студентка отделения «История» (научный руководитель – канд. ист. наук, доц. Е.К. Кадиева)

Телин Антон Евгеньевич – студент отделения «История» (научный руководитель – д-р ист. наук, проф. В.В. Дементьева)

Торпанова Елена Владимировна – студентка отделения «История» (научный руководитель – канд. ист. наук, доц. Е.В. Спиридонова)

Тупицина Екатерина Евгеньевна – студентка отделения «История» (научный руководитель – д-р ист. наук, проф. Т.М. Гавристова)

Филиппов А.Н. – аспирант кафедры новейшей отечественной истории (науч. рук. – д-р ист. наук, проф. В.П. Федюк)

Фролова Анна – аспирантка кафедры всеобщей истории (научный руководитель – д-р ист. наук, проф. В.В. Дементьева)

Фролова Татьяна Владимировна – аспирантка кафедры музеологии и краеведения (научный руководитель – д-р ист. наук, проф. А.М. Селиванов)

Храпков Геннадий Николаевич – студент отделения «История» (научный руководитель – канд. ист. наук, доц. Н.С. Велитченко)

Христенко Дмитрий Николаевич – студент отделения «История» (научный руководитель – д-р ист. наук, проф. Г.Н. Канинская)

Чепель Александр Михайлович – студент отделения «История» (научный руководитель – д-р ист. наук, проф. М.Е. Ерин)

Чернов Алексей Сергеевич – студент Академии гуманитарного и социального образования Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина (научный руководитель – д-р ист. наук, проф. В.В. Канищев)

Яблоков Андрей Викторович – аспирант кафедры отечественной средневековой и новой истории (научный руководитель – канд. ист. наук, доц. Н.С. Велитченко)

Содержание

ПАМЯТИ А.М. СЕЛИВАНОВА ПОСВЯЩАЕТСЯ.....3

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ 6

АНТИКОВЕДЕНИЕ И МЕДИЕВИСТИКА

Торпанова Е.В.

КУЛЬТ БОГИНИ ДЕВЫ В ХЕРСОНЕСЕ ПО ЭПИГРАФИЧЕСКИМ
ДАНЫМ.....6

Власова О.А.

FIDES И DIGNITAS: МОРАЛЬНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
РИМСКИХ МАГИСТРАТОВ9

Едемская В.А.

ФУНКЦИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ КОМИЦИЙ РАННЕЙ
РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ 14

Телин А.Е.

КОЛЛЕГИЯ TRESVIRI MONETALES В РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ 17

Фролова А.Н.

ЛИЧНОСТЬ МАРКА ЮНИЯ БРУТА В ИСТОРИОГРАФИИ
XIX –XX вв.20

Данилов Е.С.

РИМСКАЯ И ВИЗАНТИЙСКАЯ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ:
ТЕРМИНОЛОГИЯ ИСТОЧНИКОВ 24

Диков К.С.

НИКИФОР ФОКА В ОЦЕНКЕ ЛЬВА ДИАКОНА.....28

Комарова Е.

КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА И СОЗДАНИЕ
БОЛГАРСКОЙ ЦЕРКВИ..... 31

Лисенкова Е.

КНЯЖЕСКИЙ ДВОР И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ
ГОСУДАРСТВАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ 34

Романова Ю.Л.

ТЕМА ОБЪЕДИНЕНИЯ ИТАЛИИ В ТВОРЧЕСТВЕ ДАНТЕ
И ПЕТРАРКИ36

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

Семикашева Л.В.

ЭВОЛЮЦИЯ ГАЙДУЦКОГО ДВИЖЕНИЯ В XIX ВЕКЕ..... 40

Яблоков А.В.

ПЕТР СЦЕГЕННЫЙ И ЕГО «ЗОЛОТАЯ КНИЖЕЧКА...»
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПОЛЬШИ 42

Чепель А.М.

БЕРНГАРД ФОН БЮЛОВ И «МИРОВАЯ ПОЛИТИКА» ГЕРМАНИИ 45

Христенко Д.Н.

ПОЗИЦИЯ США ВО ВРЕМЯ КОРЕЙСКОЙ И ВЬЕТНАМСКОЙ ВОЙН
(ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА) 48

Мильто А.В.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИСТОРИИ СОМАЛИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
НУРУДДИНА ФАРЫ..... 50

Тупицина Е.Е.

КВАМЕ НКРУМА – ОБРАЗ ПОЛИТИКА 55

Загрузина А.С.

СИРИЯ НА РУБЕЖЕ СТОЛЕТИЙ: ОБЛИК РЕЖИМА 58

Кананыхина К.С.

ИБАДАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ – «КУЗНИЦА» КАДРОВ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ НИГЕРИИ..... 63

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

Кузьмичев А.В.

СЛОЖЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ИКОНОСТАСА
В ИКОНАХ XII – XV ВЕКОВ..... 68

Тамошина О.Д.

КОСТОРЕЗНОЕ РЕМЕСЛО СРЕДНЕВЕКОВОГО ЯРОСЛАВЛЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ УСПЕНСКОГО РАСКОПА 2004 – 2005 ГГ.)..... 71

Марасанова Т.Н.

ТИРАНИЯ ИВАНА ГРОЗНОГО В ОЦЕНКАХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ..... 73

Новосёлова Н.Г.

МАЛЫЕ ГОРОДА ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ПЕРИОД СМУТНОГО
ВРЕМЕНИ 76

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (XVIII – НАЧАЛО XX ВВ.)

Голованова А.Н.

ПОРТРЕТ ЕКАТЕРИНЫ II (НА ОСНОВЕ «ЗАПИСОК»)..... 79

Лисицина Н.В.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ И ЕЁ ПРОЯВЛЕНИЕ В СЕМЬЕ
(НА ПРИМЕРЕ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.)..... 80

Белова Н.В.

ЖЕНЩИНА В ДУХОВНОМ СОСЛОВИИ В КОНЦЕ XVIII –
НАЧАЛЕ XX ВВ. (НА МАТЕРИАЛАХ ЯРОСЛАВСКОЙ ЕПАРХИИ) 83

Чернов А.С.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ МОЛОКАНСТВА В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ 87

Государева М.В.

ПЕРВЫЕ ПРЕПОДАВАТЕЛИ И СТУДЕНТЫ ЯРОСЛАВСКОГО
ВЫСШИХ НАУК УЧИЛИЩА 89

Михайлова М.А.

УСАДЕБНЫЙ БЫТ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ПОМЕЩИКОВ
(НА ПРИМЕРЕ КАРАБИХИ) 91

Фролова Т.В.

ДОКУМЕНТЫ ЦЕРКОВНОГО УЧЕТА В ИСТОРИКО-
ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
РОССИИ XIX В. И СОСТОЯНИЕ ИХ СОХРАННОСТИ В ГАЯО 94

Белова М.Ю.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОМОЩИ ПРЕСТАРЕЛЫМ ГРАЖДАНАМ
В ЯРОСЛАВЛЕ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД 99

Храпков Г.Н.

ПРИХОДСКОЕ ДУХОВЕНСТВО ЯРОСЛАВСКОЙ ЕПАРХИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ. 102

Меньшова И.В.

ЕСТЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ЯРОСЛАВСКОЙ
ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. 104

Кожевникова А.А.

РОСТОВСКИЙ КРАЕВЕД А.Я. АРТЫНОВ 106

Болдырев Д.И.	
КОНЦЕПЦИЯ К.Д. КАВЕЛИНА ПО ПРОБЛЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ	
РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА	110
Куликова К.С.	
СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОСТИТУЦИИ В РОССИИ	
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.	112
Соколова М.В.	
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЯРОСЛАВСКОГО ГУБЕРНСКОГО	
СТАТИСТИЧЕСКОГО КОМИТЕТА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.	115
Масленников А.В.	
РАСКОЛ И СЕКТАНТСТВО В ЯРОСЛАВСКОЙ ЕПАРХИИ ПО	
МАТЕРИАЛАМ «ЯРОСЛАВСКИХ ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ»....	117
Нуждина А.А.	
ОТНОШЕНИЕ К МЕДИЦИНЕ КРЕСТЬЯН ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ	
НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВВ.	122
Невиницын Р.А.	
ЭДУАРД ГЕРМАНОВИЧ ФАЛЬК: ЖУРНАЛИСТ И ИЗДАТЕЛЬ	126
Степанов К.А.	
ИЗ ИСТОРИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РОСТОВСКОГО УЕЗДА В НАЧАЛЕ	
XX ВЕКА: СТРОИТЕЛЬСТВО БОЛЬНИЦЫ В С. КАПЦЕВО	131
Воронков А.С.	
ЯРОСЛАВСКАЯ ГУБЕРНИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	
(1914 – 1917)	136
ИСТОРИЯ СССР И РФ	
Мотов М.В.	
УРОВЕНЬ ВООРУЖЕНИЯ ПАРТИЗАНСКОЙ АРМИИ	
ТАМБОВСКОГО КРАЯ В 1920 –1921 ГГ.	140
Кудряшов К.А.	
ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ТОРГОВОЙ	
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ	
ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ 1920-Х ГОДОВ	
(НА ПРИМЕРЕ СНАБТОРГА)	142
Макарова О.Н.	
КОНСТРУКТИВИСТСКИЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ В КОСТЮМЕ 1920-Х ГГ..	146

Гогина А.М.

КВАРТИРНЫЙ КРИЗИС 1920 Г. И СПОСОБЫ ЕГО РАЗРЕШЕНИЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ Г. ЯРОСЛАВЛЯ)..... 148

Староверова Е.А.

МАТЕРИАЛЬНО-БЫТОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЯРОСЛАВСКИХ ДЕТСКИХ
ДОМОВ В КОНЦЕ 1920 – НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ.151

Волоцкая Е.Л.

КАТЕГОРИИ КРЕСТЬЯН, РАСКУЛАЧЕННЫХ В НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЯРОСЛАВСКОГО КРАЯ)..... 153

Сиднева М.А.

Д. ШОСТАКОВИЧ И АНТИФОРМАЛИСТИЧЕСКАЯ КАМПАНИЯ
В МУЗЫКЕ 156

Филиппов А.Н.

ОСОБЕННОСТИ СОВЕТСКОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СПОРТА..... 158

Ржешевская А.Ю.

ВОЕННАЯ «ТРИЛОГИЯ» В ОТЕЧЕСТВЕННОМ КИНЕМАТОГРАФЕ
ЭПОХИ «ОТТЕПЕЛИ».....161

Евдокимова Е.В.

ПОЗИЦИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР ПО ВОПРОСУ
ВНУТРИЭКОНОМИЧЕСКОГО КУРСА ПРАВИТЕЛЬСТВА В 1992 Г. 163

Красинский С.С.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ РОК-КЛУБ 166

Зайцева О.

ИНДУИЗМ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ
РЕЛИГИОЗНЫХ ГРУПП 168

МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО И ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ

Иощенко А.С.

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В ТВОРЧЕСТВЕ АНТОНИСА ВАН ДЕЙКА (НА
ПРИМЕРЕ КАРТИН ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЭРМИТАЖА).....171

Нестеренко Е.А.

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И РЕСТИТУЦИЯ КУЛЬТУРНЫХ
ЦЕННОСТЕЙ..... 173

Недрышкина С.В.

ПРОБЛЕМЫ МУЗЕЙНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В МОНГОЛЬСКОЙ
НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ В 1960-Е – 1980-Е ГОДЫ (ПО
МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА «МОНГОЛИЯ») 176

Савина Е.Д.

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЭКСКУРСИЙ
В ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА 178

Лобанова М.А.

ЭКСПОЗИЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ДВОРЯНСКОМУ РОДУ
МИХАЛКОВЫХ В РЫБИНСКОМ МУЗЕЕ-ЗАПОВЕДНИКЕ:
СОЗДАНИЕ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ 181

Смирнова Т.А.

ОТРАЖЕНИЕ ЗАКОНА «ЗАСЛУЖЕННОГО СОБЕСЕДНИКА»
В ЭКСПОЗИЦИИ МЕМОРИАЛЬНОГО ДОМА-МУЗЕЯ
АКАДЕМИКА А.А. УХТОМСКОГО 185

Голотин И.В.

КОНЦЕПЦИЯ МОДЕЛИ ВИРТУАЛЬНОГО МУЗЕЯ
«РУССКИЙ ИЗРАЗЕЦ» В ЯРОСЛАВЛЕ 187

Графова Е.А.

НАУЧНАЯ И ВЫСТАВОЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОСТОВСКОГО
МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ 191
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 195

Научное издание

Путь в науку

*Сборник научных работ
аспирантов и студентов исторического факультета
Выпуск 11*

Редактор, корректор Л.Н. Селиванова
Компьютерная верстка И.Н. Ивановой

Подписано в печать 09.03.2007. Формат 60х84/16.
Бумага тип. Усл. печ.л. 7,9. Уч.-изд.л. 11,03.
Тираж 100 экз. Заказ

Оригинал-макет подготовлен в редакционно-издательском отделе ЯрГУ.
Ярославский государственный университет

150000 Ярославль, ул. Советская, 14

Отпечатано

ООО «Ремдер» ЛР ИД № 06151 от 26.10.2001.

г. Ярославль, пр. Октября, 94, оф. 37

тел. (4852) 73-35-03, 58-03-48, факс 58-03-49.